



В. И. Ленин (Lenin)

Полное собрание сочинений в 55-ти томах

Владимир Ленин (Ульянов)

**Полное собрание
сочинений. Том 21.
Декабрь 1911 – июль 1912**

«Public Domain»

Ленин (Ульянов) В. И.

Полное собрание сочинений. Том 21. Декабрь 1911 – июль 1912 / В. И. Ленин (Ульянов) — «Public Domain»,
— (Полное собрание сочинений в 55-ти томах)

Двадцать первый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина содержит произведения, написанные в декабре 1911 – июле 1912 года, в период дальнейшего подъема революционного движения.

Содержание

Предисловие	7
1911 г.	16
Развязка партийного кризиса	16
О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы	22
Агентура либеральной буржуазии	28
Из лагеря столыпинской «рабочей» партии	29
О дипломатии Троцкого и об одной платформе партийцев	32
Итоги третейского суда «Держателей»	35
Избирательная кампания в IV Государственную думу	37
I. Основные принципиальные вопросы	37
II. Роль рабочих выборщиков в избирательной кампании	39
III. Крестьянство и крестьянские выборщики в избирательной кампании	43
IV. Выводы из практики третьедумских выборов	45
Старое и новое	48
Совещание заграничных большевистских групп {50}. 14–17 (27–30) декабря 1911 г.	51
1. Проект резолюции по докладу о положении дел в партии	51
2. Предложение об уставе заграничной организации {51}	52
3. Резолюция о российской организационной комиссии по созыву конференции {52}	52
Принципиальные вопросы избирательной кампании	53
I	53
II	55
III	57
IV	58
V	61
VI	64
VII	65
Начало разоблачений о переговорах партии к.-д. с министрами	68
Три запроса	73
Голод и Черная дума	80
1912 г.	82
VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП {63}. 5–17 (18–30) января 1912 г.	82
1. Проект резолюции о конституировании конференции	82
2. Проект резолюции о современном моменте и задачах партии	83
3. Проект резолюции о задачах с.-д. в борьбе с голодом	84
4. Проект резолюции о ликвидаторстве и о группе ликвидаторов	85
5. Резолюции конференции	87
О российской организационной комиссии по созыву конференции	87
О конституировании конференции	87

Об отсутствии делегатов от национальных центров на общепартийной конференции	88
Об отчетах с мест	88
О современном моменте и задачах партии	89
О выборах в IV Государственную думу	90
О думской социал-демократической фракции	92
О характере и организационных формах партийной работы	93
О задачах с.-д. в борьбе с голодом	93
Об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании рабочих	94
О «Петиционной кампании»	96
О ликвидаторстве и о группе ликвидаторов	97
О центральном органе {68}	97
О «Рабочей газете»	98
О газете «Правда»	98
Изменения организационного устава партии	98
Об имуществе, находящемся в руках бывшего держателя, и о денежных отчетах	98
О «Красном кресте»	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100
Комментарии	

В. И. Ленин
Полное собрание сочинений
Том 21
Декабрь 1911 ~ июль 1912

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Издание пятое

Печатается по постановлению центрального комитета коммунистической партии
советского союза

Предисловие

Двадцать первый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина содержит произведения, написанные в декабре 1911 – июле 1912 года, в период дальнейшего подъема революционного движения.

Центральное место в томе занимают произведения, в которых отражена борьба Ленина за воссоздание и укрепление революционной марксистской партии, партии нового типа, борьба с меньшевиками-ликвидаторами и троцкистами, разработка тактики большевистской партии в условиях революционного подъема.

Опубликованные в томе произведения характеризуют огромную идейно-политическую и организационную работу, выполненную Лениным по созыву и проведению VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП

Важными шагами на пути к созыву конференции явилось совещание находившихся за границей членов ЦК РСДРП, которое состоялось в Париже в июне 1911 года под руководством Ленина, а затем в конце сентября – создание Российской организационной комиссии (РОК) по созыву партийной конференции. Ленин приветствовал создание Российской организационной комиссии, как первого партийного центра в России, появившегося после четырех лет развала и разброда. В статье «Развязка партийного кризиса», которой открывается настоящий том, он пишет, что образование РОК и развернутая ею при поддержке местных партийных организаций работа по созыву конференции создает решительный перелом в развитии партии, что РОК есть фактически единственный и вполне правомочный центр социал-демократической партийной работы. «...Главное сделано. Знамя поднято; – писал Ленин, – рабочие кружки по всей России потянулись к нему, и не свалить его теперь никакой контрреволюционной атакой!» (настоящий том, стр. 7).

С целью сплочения партийных сил за границей и содействия РОК в декабре 1911 года в Париже под руководством Ленина состоялось совещание заграничных большевистских групп. На совещании Ленин выступил с докладом о положении дел в партии и внес проект резолюции по этому вопросу. В своем докладе он дал анализ состояния партийной работы за границей, разоблачил антипартийное поведение фракционных заграничных групп – впереводцев, голосовцев, примиренцев, троцкистов, разрушавших в течение ряда лет работу партии и приведших социал-демократические заграничные организации к тяжелому положению. Ленин показал, что выход для партийных организаций из этого состояния возможен лишь на почве объединения вокруг РОК и помощи ей в созыве партийной конференции. Совещание объединило большевистские группы за границей в единую организацию и избрало Комитет заграничной организации. Особой резолюцией, предложенной Лениным и принятой единогласно, оно одобрило образование РОК и заявило, что поддерживать ее является долгом каждого партийца.

Эти мероприятия, проведенные под руководством Ленина, имели огромное значение в деле сплочения всех подлинно революционных сил вокруг знамени борьбы за партию и подготовки созыва партийной конференции. VI Всероссийская конференция РСДРП состоялась в Праге 5–17 (18–30) января 1912 года. На конференции было представлено свыше 20 местных партийных организаций, в том числе все наиболее сильные и влиятельные партийные организации России. Фактически она имела значение съезда партии. Работой конференции руководил В. И. Ленин. Он председательствовал на заседаниях, делал доклады о современном моменте и задачах партии, о работе Международного социалистического бюро, выступал с сообщениями, а также в прениях о работе ЦО – газеты «Социал-Демократ», о задачах социал-демократии в борьбе с голодом, по организационному вопросу, о работе партийной организации за границей и по другим вопросам, вел записи докладов с мест. Ленин является

автором проектов резолюций по важнейшим вопросам порядка дня конференции. Принятые конференцией резолюции по всем вопросам были тщательно им отредактированы.

Документы конференции и другие работы Ленина, вошедшие в том, ярко показывают его творческий подход к марксизму, дальнейшее развитие и обогащение им революционной теории новыми выводами и положениями. Решения конференции явились важным вкладом в марксистское учение о пролетарской партии нового типа, о стратегии и тактике классовой борьбы пролетариата. В них развиты организационные принципы большевизма, определены политическая линия и тактика партии в условиях нового революционного подъема.

В своей речи о конституировании конференции Ленин отметил, что оживление массового рабочего движения сопровождается борьбой передовых рабочих за восстановление нелегальных партийных организаций; что местные партийные организации проявили громадную инициативу по созыву общепартийной конференции и задача восстановления партии, ее партийного центра особенно настоятельно выдвигается в связи с требованиями практической работы, в первую очередь в связи с выборами в IV Государственную думу. Ленин подчеркнул, что на конференцию были приглашены все действующие в России организации и не присоединились к ней только те, кто не захотел помочь партии. По его предложению конференция объявила себя верховным партийным органом, призванным создать руководящие центры и помочь восстановить партийные организации на местах.

Основным на Пражской конференции был доклад В. И. Ленина «О современном моменте и задачах партии». В своем докладе и в резолюции, принятой конференцией, Ленин дал глубокий анализ политического положения в стране, показал нарастание революционного движения против царизма, охарактеризовал расстановку политических сил, подчеркнул, что «задача завоевания власти пролетариатом, ведущим за собой крестьянство, остается по-прежнему задачей демократического переворота в России». Конференция выдвинула в качестве главных политических лозунгов партии требования программы-минимум: демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация всей помещичьей земли. Задачей партии являлось сделать эти требования лозунгами народной революции. Конференция призвала к сплочению всех революционных сил и расширению движения масс под лозунгами большевиков, к усилению работы по социалистическому воспитанию пролетариата.

Важнейшим решением конференции было решение об изгнании меньшевиков-ликвидаторов из партии. Этим решением конференция выразила волю всей партии. Разрабатывая организационные принципы партии нового типа, Ленин учил, что партия, как руководящая организация рабочего класса, сильна своей сплоченностью, идейным и организационным единством своих рядов; единство партии исключает существование фракций и группировок, требует от всех организаций партии, всех ее членов осуществления партийных решений в практической деятельности. Он подчеркивал, что без борьбы с оппортунизмом, без разгрома меньшевиков-ликвидаторов, отзовистов и троцкистов партия не сможет сохранить единство и дисциплину, не сможет выполнить роли организатора и руководителя пролетарской революции. Конференция приняла написанный Лениным проект резолюции «О ликвидаторстве и о группе ликвидаторов». В резолюции сказано, что группа ликвидаторов своим поведением «окончательно поставила себя вне партии», что партия должна вести борьбу с ликвидаторством, «разъяснять весь его вред для дела освобождения рабочего класса и напрячь все силы для восстановления и укрепления нелегальной РСДРП» (стр. 152).

Пражская конференция подтвердила правильность решения декабрьской партийной конференции 1908 года, которая осудила ликвидаторство и установила организационные формы построения партии в тот период как нелегальной социал-демократической организации, создающей себе опорные пункты работы среди масс в виде разнообразных легальных рабочих обществ. Ликвидаторство – отказ от нелегальной партии, от гегемонии пролетари-

ата в революционной борьбе, от задач революции – было признано проявлением упадочных, буржуазных влияний в социал-демократической среде. Конференция подвела итоги всей предшествовавшей борьбе большевиков с меньшевиками-ликвидаторами и постановила изгнать их из партии.

Решение об изгнании меньшевиков-ликвидаторов из партии имело величайшее значение для сохранения и укрепления революционной партии пролетариата, для победы демократической и социалистической революций в России. Оно показало пример непримиримой борьбы с ревизионизмом, с оппортунизмом всех и всяческих оттенков.

Подъем рабочего движения предъявлял новые требования к развитию организационных форм партийной работы, более тесному сочетанию нелегальной и легальной деятельности. Ленин в речи по организационному вопросу на конференции подчеркнул необходимость умело использовать все виды легальной работы и прежде всего работу думской фракции, профсоюзов и легальных рабочих обществ. Он выдвинул задачу создать в каждом легальном обществе небольшую социал-демократическую ячейку, тесно связанную с руководящими партийными органами и строго проводящую в жизнь партийную линию. По предложению Ленина были внесены некоторые изменения в организационный устав партии, направленные на дальнейшее укрепление партии и ее связи с массами.

Конференция обсудила вопросы международного революционного движения и приняла ряд важных резолюций. Она выразила решительный протест против разбойничьих действий царизма и английского империализма, заключивших союз для совместного подавления революции в Персии (Иране). Конференция приветствовала китайскую революцию 1911 года, она отметила мировое значение революционной борьбы китайского народа, подрывавшей господство империализма в Азии, заявив, что пролетариат России с большим воодушевлением и симпатией следит за успехами революционного движения китайского народа. Конференция подчеркнула единство задач рабочих России и Финляндии в борьбе против русского царизма и контрреволюционной буржуазии. Делегаты послали написанное Лениным по поручению конференции приветствие германской социал-демократии в связи с ее крупной победой на выборах в рейхстаг. В этих решениях конференции нашли яркое отражение принципы пролетарского интернационализма.

Важнейшим делом Пражской конференции было избрание Центрального Комитета партии.

Пражская конференция РСДРП сыграла выдающуюся роль в строительстве партии большевиков, партии нового типа. Она обобщила исторический опыт, подтвердивший правильность идеологии, программы, тактики и организационных принципов партии, выработанных Лениным. Конференция завершила целую историческую полосу борьбы большевиков против меньшевизма, закрепила победу большевиков. «Наконец удалось – вопреки ликвидаторской сволочи, – писал Ленин Горькому, – возродить партию и ее Центральный Комитет. Надеюсь, Вы порадуетесь этому вместе с нами» (Сочинения, 4 изд., том 35, стр. 1). На основе решений конференции спланировались партийные организации на местах. Конференция укрепила партию как общероссийскую организацию. Изгнав оппортунистов, партия смогла возглавить новый могучий подъем революционной борьбы масс. Оценивая значение решений конференции, Ленин в 1914 году писал: «С 1912 года, уже более двух лет, *нет* в России фракционности среди организованных марксистов, нет споров о тактике в *единых* организациях, на *единых конференциях* и съездах. Есть *полная* разорванность между партией, формально заявившей в январе 1912 года о том, что ликвидаторы *не* принадлежат к ней, и ликвидаторами» (Сочинения, 4 изд., том 20, стр. 304–305).

Пражская конференция имела большое международное значение. Она показала революционным элементам партий II Интернационала образец решительной борьбы против оппортунизма в социалистическом рабочем движении.

В том входит статья Ленина «Съезд итальянских социалистов», посвященная состоявшемуся в июле 1912 года XIII съезду Итальянской социалистической партии, который вынес решение об исключении из своих рядов группы оппортунистов во главе с бывшим лидером партии Биссолати. Ленин с одобрением отзывался об этом решении Итальянской социалистической партии. В своей статье он писал: «Вожди рабочих не ангелы, не святые, не герои, а люди, как все. Они делают ошибки. Партия поправляет их... Но если на ошибке настаивают, если для защиты ошибки составляется группа, которая топчет ногами все решения партии, всю дисциплину пролетарской армии, тогда раскол необходим. И партия итальянского социалистического пролетариата, удалив из своей среды синдикалистов и правых реформистов, встала на верный путь» (настоящий том, стр. 409).

Решения Пражской конференции вызвали бешеную ненависть всех антипартийных групп и течений. В нападках на большевистскую партию и конференцию объединились меньшевики-ликвидаторы, троцкисты, впередовцы и примиренцы. Стараясь расколоть единство революционного рабочего движения, подорвать силу пролетарской партии, разложить ее, оппортунисты повели злобную кампанию против большевиков. Они пытались сколотить блок на ликвидаторской основе, выставили требование «преобразования» партии, что означало на деле ее ликвидацию.

Ленин вел непримиримую борьбу против ренегатов марксизма, предававших интересы пролетариата. В своих произведениях «Карты на стол», «Ликвидаторы против партии», «Ликвидаторы против революционной массовой стачки», ««Объединители»», «Положение в РСДРП и ближайшие задачи партии», «Ответ ликвидаторам», «Как П. Б. Аксельрод разоблачает ликвидаторов» и в ряде других работ Ленин до конца разоблачил ликвидаторов и троцкистов, потерпевших политическое банкротство и оказавшихся в результате своей предательской политики изолированными от рабочего класса. Высмеивая жалкие попытки троцкистов, ликвидаторов, впередовцев создать антибольшевистский блок, Ленин писал, что их блок «был заранее обречен на скандальный провал, ибо он был построен на беспринципности, лицемерии и пустой фразе» (стр. 254).

Не могли примириться с исключением ликвидаторов из РСДРП и оппортунисты II Интернационала. Они поддерживали клеветнические выступления Троцкого против решений Пражской конференции, против большевиков. В статье «Аноним из «Vorwärts'a» и положение дел в РСДРП», в «Докладе Международному социалистическому бюро о Всероссийской конференции РСДРП», в «Письме секретарю Международного социалистического бюро Гюисмансу» и в брошюре «К современному положению в РСДРП» Ленин показал подлинное положение в РСДРП, разоблачил лживые утверждения Троцкого о том, будто подавляющее большинство партийных организаций в России шло за ликвидаторами, и на основании фактического материала – данных о распространении большевистской и ликвидаторской печати, о денежных сборах среди рабочих на партийные газеты и на газеты ликвидаторов – сделал вывод, что ликвидаторы «составляют совершенный нуль в российском соц.-дем. рабочем движении» (стр. 454). Отметая враждебные выпады и наскоки ликвидаторов и троцкистов, Ленин доказал правомочность VI Всероссийской конференции и законность ее решений, обеспечивших воссоздание подлинно марксистской партии, крепкой единством и сплоченностью своих рядов. Он подчеркнул, что никакая социал-демократическая партия в мире не создавалась без борьбы с буржуазными попутчиками пролетариата, что пролетарские партии развиваются и укрепляются в борьбе с оппортунистическими течениями и группами, что РСДРП точно так же растет и крепнет в борьбе с антипартийными элементами.

Революционные события, развернувшиеся весной 1912 года, подтвердили жизненность и силу решений Пражской конференции. Выдвинутые ею лозунги борьбы были вос-

приняты пролетариатом и «запечатлели собой первые шаги новой русской революции», писал Ленин.

В связи с расстрелом войсками рабочих на Ленских золотых приисках в Сибири волна народного возмущения охватила страну. В России вспыхнули массовые политические стачки. До 300 тысяч рабочих участвовало в апрельских стачках протеста против ленского расстрела, а в Первомайских число бастующих увеличилось до 400 тысяч. Экономическая борьба переплеталась с политической. Рабочий класс выступал как гегемон, как передовой класс всего народа. В статьях «Экономическая и политическая стачка» и «Революционный подъем» Ленин указывал, что массовые выступления пролетариата – политические и экономические стачки, демонстрации – играют крупную роль в защите жизненных интересов рабочего класса и народных масс, а также в подготовке к более высоким формам борьбы – ко всеобщей стачке, вооруженному восстанию, а тем самым к борьбе за власть. Ленин подчеркивал, что, добиваясь непосредственного улучшения условий жизни, рабочий класс поднимается политически, становится более способным осуществлять свои великие освободительные цели. Политическая и экономическая стачки, писал Ленин, «взаимно поддерживают друг друга, составляя источник силы одна для другой. Без тесной связи этих видов стачки движение, действительно широкое, массовое, – и притом получающее *общенародное* значение, – невозможно» (стр. 318).

Вскрывая объективную закономерность нового революционного подъема, Ленин анализирует его социально-экономические и политические причины, показывает, что подъем революционного движения масс был подготовлен всеми условиями русской жизни и что массовые стачки лишь окончательно определили его наступление. По своему характеру и по размерам стачечного движения революционный подъем в 1912 году отличался от революционного подъема в 1905 году своей большей организованностью и более высокой политической сознательностью пролетариата. «Революционное движение пролетариата в России, – писал Ленин, – поднялось на высшую ступень. Если в 1905 году оно начиналось с массовых стачек и гапонады, то в 1912 году... движение начинается с массовых стачек и *поднятия республиканского знамени!*» (стр. 350).

Обстановка, в которой назревал новый революционный кризис в стране, была также иной по сравнению с обстановкой 1905 года. Начавшееся в 1910 году оживление в промышленности привело к расширению производства и его концентрации, к росту капиталистических монополий. В связи с этим возрастала численность рабочего класса и, что особенно важно, его сосредоточенность на крупных предприятиях страны. Более половины всех рабочих было занято на предприятиях, имевших 500 и более человек. По степени концентрации промышленных рабочих Россия опередила все страны мира, включая и США. Экономические и политические условия жизни рабочего класса России превращали его в решающую силу революционно-освободительного движения против царизма.

Подъем революционного движения, массовые стачки рабочих втягивали в борьбу и крестьянские массы. Обстановка в деревне неопровержимо свидетельствовала о крахе столыпинской аграрной политики, результатом которой были массовое разорение крестьян и обогащение кулаков. «Столыпинская аграрная реформа, эта буржуазная политика Пуришкевичей против мужика, – писал Ленин, – до сих пор не создала ничего прочного, кроме... голодовки 30 миллионов!» (стр. 284). Попытка царизма притупить противоречия в деревне путем переселения нескольких миллионов крестьян из Европейской России в Сибирь провалилась. Крестьяне распродавали все свое имущество и уезжали в Сибирь, а потом массами возвращались обратно, все потеряв и озлобившись. Противоречия в деревне стали глубже и острее. По-прежнему главным врагом крестьянина был крепостник-помещик, но в то же время усилилась рознь между кулаком и беднотой. В своих статьях «Три запроса», «Голод», «Землевание в Европейской России», «Сущность «аграрного вопроса в России»», «Переселен-

ческий вопрос», «Сравнение столыпинской и народнической аграрной программы» Ленин дает глубокий анализ особенностей аграрного вопроса в России. Он подчеркивает, что действительная борьба с голодом и нищетой невозможна без устранения крестьянского малоземелья, без конфискации помещичьих земель, без свержения царской монархии – без революции. Ленин показывает, что крестьянство все больше начинает понимать, что у него нет и не может быть иного выхода, как борьба вместе с пролетариатом за свержение царской власти, за землю.

Революционные выступления рабочих и крестьян не могли не сказаться и на армии. Произошло восстание солдат в Туркестане, готовились, но были предупреждены арестами восстания матросов Балтийского и Черноморского флотов. Оценивая все эти события, Ленин указывал, что они свидетельствуют о переходе революционного настроения масс в революционный подъем.

В связи с новым революционным подъемом и ростом стачечного движения особенно возрастала роль партии. Ленин разъяснял, что революционная партия пролетариата – решающая сила в деле подготовки грядущей революции и завоевания свободы для всего народа. Ее очередная задача «готовить армию революционных борцов везде, всегда и повсюду, во всех формах работы, на всех поприщах деятельности, при всех поворотах, на какие бы нас ни осуждала победа реакции или измена либерализма или затяжка кризиса и т. д.» (стр. 249).

Могучим идейным оружием в руках большевистской партии в деле укрепления партийных организаций и распространения влияния партии в массах явилась массовая ежедневная большевистская газета «Правда», созданная в соответствии с решениями Пражской конференции, по инициативе петербургских рабочих. Первый номер «Правды» вышел 22 апреля (5 мая) 1912 года в Петербурге. «Правда» сыграла большую роль в истории революционного рабочего движения. Ленин высоко оценивал сознательность, энергию и сплоченность русских рабочих, создавших на свои средства легальную массовую большевистскую газету. «Поставив ежедневную рабочую газету, – писал он в статье «Итоги полугодовой работы», – петербургские рабочие совершили крупное, – без преувеличения можно сказать, историческое дело» (стр. 427). «Правда» пользовалась огромной любовью рабочих. В ней рабочие видели свою, родную газету, защитницу их интересов и выражали беззаветную готовность поддерживать ее.

Ленин повседневно руководил «Правдой», вел постоянную переписку с редакцией, вскрывал недостатки, давал конкретные указания об улучшении ее работы, добивался, чтобы газета велась в боевом революционном духе. Он собирал вокруг «Правды» лучшие литературные силы партии, настойчиво добивался своевременного распространения газеты среди рабочих. Для того чтобы быть ближе к России, направлять деятельность партийных организаций и руководить газетой, Ленин в середине июня 1912 года переезжает из Парижа в Краков. Отсюда он почти ежедневно писал для «Правды». Его статьи, написанные просто и ясно, раскрывали сущность учения Маркса, роль теории марксизма, разъясняли значение организованности и сплоченности рабочего класса для успеха его борьбы, вселяли уверенность в победе грядущей революции, воспитывали десятки тысяч рабочих в духе пролетарского интернационализма.

Под руководством Ленина «Правда» вела решительную борьбу с оппортунистами, разоблачала их предательскую роль в рабочем движении. Она стояла в центре борьбы за подлинное единство рабочего класса, за воссоздание массовой пролетарской партии, за всестороннюю подготовку революции. На страницах рабочей газеты Ленин вел глубокую принципиальную борьбу за чистоту идей большевистской партии. «Единство – великое дело и великий лозунг! – писал он. – Но рабочему делу нужно *единство марксистов*, а не единство марксистов с противниками и извратителями марксизма» (Сочинения, 4 изд., том 20, стр. 211). «Правда» явилась знаменосцем идей марксизма-ленинизма, острым идейным ору-

жием в борьбе за единство рядов массовой большевистской партии. Она продолжила и развила боевые традиции партийной печати, выработанные Лениным в период «Искры», стояла в центре борьбы за партийность.

Придавая важнейшее значение печатной пропаганде, Ленин учил партию высоко ценить рабочую печать, внимательно следить за ее развитием, за укреплением авторитета печати в рабочей среде, за установлением тесных связей большевистских газет с широкими массами рабочих. Он указывал, что печать призвана играть огромную роль в организации и мобилизации масс, в коммунистическом воспитании народа. С «Правдой» выросло целое поколение революционных рабочих, сыгравших решающую роль в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Традиции «Правды» получили свое дальнейшее развитие в новых исторических условиях, в условиях строительства социализма и коммунизма. Они служат образцом для всей передовой, коммунистической, революционной печати мира.

Значительное место в томе занимают статьи Ленина по вопросам избирательной кампании в IV Государственную думу. В работах «Избирательная кампания в IV Государственную думу», «Принципиальные вопросы избирательной кампании», «Избирательная платформа РСДРП», «Избирательная кампания в IV Думу и задачи революционной социал-демократии», «Значение выборов в Петербурге» Ленин определил тактику партии в избирательной кампании, подчеркнул необходимость выступать на выборах самостоятельно под революционными лозунгами, выдвинутыми Пражской конференцией.

В ходе избирательной кампании большевики усилили борьбу против оппортунистов, пытавшихся пересматривать марксистскую теорию и тактику, «урезать» программу партии. Характеризуя ревизионизм того периода «как трусливое, прячущееся отречение, часто оправдываемое «практическими», главным образом, будто бы практическими, соображениями» (настоящий том, стр. 70), Ленин указал, что большевики должны использовать избирательную кампанию для разоблачения ревизионистов и отстаивания теоретических основ революционного марксизма.

Большое значение придавал Ленин правильному проведению в избирательной кампании тактики «левого блока», тактики временных соглашений с трудовиками, эсерами и «народными социалистами», выдвинутой и проводившейся большевиками в период избирательных кампаний в Государственные думы. Проведением «левоблокистской» тактики большевики ставили задачу высвободить демократические элементы деревни и города из-под влияния либеральной буржуазии. «Вопрос о левоблокизме, – писал Ленин, – есть интересный и важный принципиальный вопрос... «Заставлять» наиболее многочисленную в стране демократическую массу (крестьянство и родственные слои неземледельческой мелкой буржуазии) «делать выбор между кадетами и марксистами»; вести линию «совместных действий» рабочих и крестьянской демократии и против старого режима и против колеблющейся контрреволюционной либеральной буржуазии – вот в чем основа и суть «левоблокистской» тактики» (стр. 89).

Защищая идею «левого блока» от нападок ликвидаторов, Ленин опирался на ряд указаний Маркса и Энгельса, которые в своей революционной деятельности не раз применяли тактику временных соглашений и вступали в блоки с мелкобуржуазной демократией для совместных действий против реакции. Отречение ликвидаторов от «левоблокизма» Ленин назвал изменой делу демократии. Он указал, что тактика «левого блока» обязательна для всякой рабочей партии во всяком буржуазно-демократическом движении, что все успехи демократических, освободительных движений были всегда связаны с правильным применением «левоблокистской» тактики. Эта тактика большевиков имеет большое международное значение. Она учит коммунистические и рабочие партии умело проводить тактику принципиальных соглашений с другими партиями и организациями в интересах усиления позиций

рабочего класса, в интересах сплочения всех прогрессивных сил в борьбе за демократию и социализм.

Главной задачей партии на выборах, а также будущей партийной фракции в самой Думе большевики считали социалистическую пропаганду и организацию рабочего класса. Наша партия, указывал Ленин, идет в Думу не для того, чтобы играть там «в реформы», а для того, чтобы с думской трибуны звать массы к борьбе, разъяснять учение социализма, вскрывать всякий правительственный и либеральный обман, разоблачать монархические предрассудки отсталых слоев народа и классовые корни буржуазных партий, для того, чтобы готовить армию сознательных борцов новой русской революции.

Большое внимание уделяет Ленин разъяснению сущности разных политических партий, принимавших участие в избирательной кампании. В своих статьях «Избирательная кампания в IV Государственную думу», «Трудовики и рабочая демократия», «Политические партии за 5 лет третьей Думы», «Политические партии в России» и других Ленин дает характеристику политических партий, разоблачает правые партии черносотенцев и октябристов, вскрывает контрреволюционность главной партии русской либеральной буржуазии – партии кадетов, лицемерно игравших в оппозицию. Показав мелкобуржуазное лицо народнических партий – эсеров, трудовиков, «народных социалистов» и их колебания между рабочим классом и либеральной буржуазией, Ленин поставил задачу вырвать мелкобуржуазных демократов из-под влияния либералов, сплотить лагерь демократии и против правых, и против кадетов.

Избирательная кампания по выборам в IV Думу была использована большевистской партией для усиления революционной работы в массах. В тяжелых условиях царизма большевики вели трудную, будничную работу по собиранию сил революции.

Ленин внимательно следил за успехами международного революционного движения. Приветствуя революцию в Китае, Ленин в своей статье «Демократия и народничество в Китае» показал исторически неизбежный путь развития китайской революции. Китайский народ, писал Ленин, «умеет не только оплакивать свое вековое рабство, не только мечтать о свободе и равенстве, но и *бороться* с вековыми угнетателями Китая» (стр. 401). Отмечая утопизм, ошибочность некоторых взглядов вождя национально-освободительного движения в Китае, революционера-демократа Сунь Ят-сена, Ленин высоко оценивал его искренний, боевой республиканский демократизм, горячее сочувствие трудящимся и эксплуатируемым, веру в их правоту и силу. Он выразил уверенность в том, что никакие силы в мире не сметут с лица земли героического демократизма народных масс Китая.

Рассматривая вопрос о соотношении движущих сил буржуазно-демократических революций в Азии, Ленин указывал, что важнейшей силой в деле завоевания и защиты национальной независимости, осуществления глубоких демократических преобразований является союз рабочего класса и крестьянства. Наряду с этим он отмечал известную роль национальной буржуазии, которая, несмотря на свою неустойчивость и способность к измене, может выступать в лагере демократии за освобождение страны от колониализма. Это указание Ленина имеет большое значение в настоящих условиях, когда национальная буржуазия колониальных и зависимых стран, не связанная с империалистическими кругами, объективно заинтересована в осуществлении основных задач антиимпериалистической, антифеодальной революции, а потому сохраняет способность участвовать в революционной борьбе против империализма и феодализма.

Разбуженный русской революцией, китайский народ был в первых рядах демократического движения в Азии. Народная революция, победившая в Китае после второй мировой войны, нанесла сокрушительный удар по позициям империализма в Азии, она дала новый мощный толчок национально-освободительному движению, оказала огромное влияние на народы, особенно на народы Азии, Африки и Латинской Америки.

В томе помещена замечательная статья Ленина «Памяти Герцена», имеющая большое теоретическое и историческое значение. В этой статье Ленин выделяет три периода в истории освободительного движения в России. Первое поколение, действовавшее в русской революции, – пишет он, – это дворяне и помещики, декабристы и Герцен. «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию», которую подхватили, расширили и укрепили революционеры-разночинцы, начиная от Чернышевского и кончая героями «Народной воли». На смену им пришел пролетариат, единственный до конца революционный класс, который стал во главе масс и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян.

Ленин характеризует Герцена, как одного из первых русских революционных демократов, «сыгравшего великую роль в подготовке русской революции». Он пишет о нем как о выдающемся мыслителе, который «вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед – историческим материализмом». Высоко оценил Ленин литературно-публицистическую и издательскую деятельность Герцена, основавшего в Лондоне русскую типографию и создавшего вольную русскую прессу за границей.

Критикуя ошибочность и утопичность социалистического учения Герцена, Ленин писал, что в условиях крепостной России первой половины XIX века Герцен не мог видеть рабочего класса, не мог понять его историческую роль. Но все-таки к концу жизни он «обратил свои взоры... к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс».

* * *

В томе печатается впервые включаемое в Сочинения «Предложение об уставе Заграничной организации» на совещании заграничных большевистских групп в Париже.

В разделе «Подготовительные материалы» помещена большая группа ленинских документов, связанных с подготовкой и проведением VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП. К ним относятся: «Тезисы доклада о положении дел в партии на совещании заграничных большевистских групп», «Конспект доклада о политическом положении» (публикуется впервые), замечание к проекту резолюции «О Российской организационной комиссии по созыву конференции», «Конспект речи о конституировании конференции», «Проект изменений организационного устава партии», замечания к проекту резолюции «О характере и организационных формах партийной работы» и материалы к резолюции о «петиционной кампании».

Эти документы, наряду с основными материалами тома, ярко характеризуют огромную работу Ленина по подготовке конференции, его руководящую роль в ее проведении, непримиримую и неустанную борьбу за воссоздание и укрепление пролетарской партии нового типа и представляют большой интерес для изучения работы конференции.

Впервые в Сочинениях публикуется также план реферата «Революционный подъем российского пролетариата», содержание которого совпадает с основными положениями статьи «Революционный подъем».

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

1911 г.

Развязка партийного кризиса

Два года тому назад в с.-д. печати можно было встретить речи об «объединительном кризисе» партии¹. Развал и распад контрреволюционной эпохи вызвали новые перегруппировки и расколы, новое обострение заграничной борьбы, и немало маловеров или слабонервных людей падало духом при виде тяжелого внутреннего положения с.-д. рабочей партии. Теперь, с образованием Российской организационной комиссии (РОК)^[1], наступает, явным образом, если не конец кризиса, то, во всяком случае, новый и решительный перелом к лучшему в развитии партии. Поэтому своевременна будет попытка бросить общий взгляд на пройденный этап внутрипартийной эволюции и на перспективы ближайшего будущего.

Революция оставила после себя РСДРП в виде трех отдельных, автономных, национальных с.-д. организаций и двух фракций российских в тесном смысле. Глубокие корни этих фракций в тенденциях развития пролетариата, в обстановке его жизни в данную эпоху буржуазной революции, доказаны опытом величайших по богатству событий 1905, 1906 и 1907 годов. Контрреволюция сбросила нас опять с горы, на которую мы уже высоко взобрались, в долину. Пролетариат должен был перестраивать ряды и собирать силы заново в обстановке столыпинских виселиц и веховских иеремиад.

Новая обстановка вызвала новую группировку тенденций внутри с.-д. партии. От обеих новых фракций стали отделяться – под тяжелым гнетом безвременья – наименее устойчивые с.-д. элементы, всякого рода *буржуазные попутчики* пролетариата. Два течения рельефнее всего выразили этот уход от социал-демократии: ликвидаторство и отзовизм^[2]. Они же породили неизбежно тенденцию к сближению остающихся верными марксизму основных ядер обеих фракций. Таково было положение дел, из которого родился пленум января 1910 г. – исходный пункт плюсов и минусов, шагов вперед и шатаний назад в дальнейшем развитии с.-д. партии^[3].

Неотъемлемую идейную заслугу дела, совершенного пленумом, и громадную «примиренческую» ошибку, допущенную им, многие не поняли хорошенько до сих пор. А не поняв этого, нельзя понять ровно ничего и в теперешнем положении партии. Поэтому еще и еще раз мы должны остановиться на выяснении исходного пункта теперешнего кризиса.

Следующая цитата из статьи «примиренца», писанной перед самым пленумом и напечатанной тотчас после него, может помочь этому выяснению больше, чем длинные рассуждения или цитаты из более непосредственных и более многочисленных «документов». Один из главарей господствовавшего на пленуме «примиренчества», т. Ионов, бундовец, писал в статье: «Возможно ли партийное единство?» в № 1 «Дискуссионного Листка»^[4] (19 марта 1910 г.; на стр. 6 примечание редакции: «статья написана до пленума») следующее:

«Как бы отзовизм и ликвидаторство сами по себе ни были вредны для партии, их благотворное влияние на фракции, кажется, вне сомнения. Патология знает двоякого рода нарывы: злокачественные и доброкачественные. Доброкачественный нарыв считается болезнью, полезной для организма. В процессе нарывания он оттягивает к себе со всего организма всякие вредные элементы и таким образом способствует его оздоровлению. Я думаю, что такую же роль сыграло ликвидаторство

¹ См. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 252–304. *Ред.*

по отношению к меньшевизму и отзовизм-ультиматизм – по отношению к большевизму».

Вот оценка дела, данная «примиренцем» во время пленума и обрисовывающая *точно* психологию и идеи восторжествовавшего на пленуме примиренчества. В приведенной цитате верна, тысячу раз верна основная мысль, и именно потому, что она верна, большевики (еще до пленума вполне развернувшие борьбу и с ликвидаторством и с отзовизмом) *не могли* разойтись с примиренцами на пленуме. Не могли потому, что в основной мысли было согласие; расхождение касалось формы проведения ее в жизнь; форма подчинится содержанию – думали большевики, и они оказались правы, хотя это «приспособление формы к содержанию» отняло у партии, благодаря ошибке примиренцев, *два года* жизни почти «задаром».

В чем состояла эта ошибка? В том, что вместо узаконения тех и только тех течений, которые очищаются (и лишь в мере, в какой они очищаются) от «нарывов», примиренцы узаконили всех и вся на основании голого обещания очиститься. И впередовцы^[5], и голосовцы, и Троцкий «подписали» резолюцию против отзовизма и ликвидаторства, – значит, обещали «очиститься», – и баста. Примиренцы «поверили» обещанию и запутали партию с непартийными, «нарывными», по их собственному признанию, группками. Это было ребячеством с точки зрения практической политики и безыдейностью, беспринципностью, интриганством с более глубокой точки зрения: в самом деле, кто был серьезно убежден, что ликвидаторство и отзовизм-ультиматизм суть нарывы, тот не мог бы не понять, что нарывы, назревая, должны *оттягивать* от организма вредные элементы, должны выводить их прочь из организма. Тот не мог бы помогать отравлению организма попытками загнать внутрь «нарывные» яды.

Первый год, прошедший после пленума, разоблачил на деле безыдейность примиренцев. Фактически работу партийную (– очищение, оздоровление от нарывов) вели большевики и плехановцы за весь этот год. И «Социал-Демократ»^[6] и «Рабочая Газета»^[7] (после изгнания Троцким представителя ЦК) доказывают этот факт. Некоторые, всем известные, легальные издания 1910 года^[8] тоже доказывают этот факт. Тут не слова, а именно факты: совместная работа в руководящих органах партии.

И голосовцы, и «впередовцы», и Троцкий фактически за этот год (1910-ый) отошли от партии как раз к ликвидаторству и к отзовизму-ультиматизму. «Доброкачественные нарывы» оставались нарывами, которые вели себя недоброкачественно постольку, поскольку «вредные элементы» не удалялись ими из организма партии, а продолжали заражать этот организм, держать его в болезненном состоянии, делать его не способным к партийной работе. Эту партийную работу (в литературе, открытой для всех) вели большевики и плехановцы *вопреки* «примиренческим» резолюциям и коллегиям, созданным пленумом, *против* голосовцев и впередовцев, а не вместе с ними (ибо нельзя было работать вместе с ликвидаторами и отзовистами-ультиматистами).

А русская работа? За год ни единого собрания ЦК! Отчего? Оттого, что русские цекисты (примиренцы, удостоившиеся поделом поцелуев «Голоса ликвидаторов») всё «приглашали» ликвидаторов, да так за год, за год с четвертью, ни разу не смогли «пригласить» их! Институт «насильственного привода» в ЦК не был, к сожалению, предусмотрен на пленуме нашими добрыми примиренцами. Получилось именно то абсурдное, позорное для партии положение, которое предсказывали большевики на пленуме, борясь против доверчивости и наивности примиренцев: русская работа стоит, партия связана, а со страниц «Нашей Зари»^[9] и «Вперед» льется отвратительный поток либеральных и анархистских нападок на партию! Михаил, Роман и Юрий, с одной стороны, отзовисты и богостроители^[10], с другой, изо всех сил *разоряют* с.-д. работу, а цекисты-примиренцы «приглашают» ликвидаторов и «ждут» их!

«Заявкой» 5-го декабря 1910 года большевики открыто и формально заявили, что договор со всеми остальными фракциями они расторгают. Срыв «мира», на пленуме заключенного, срыв его «Голосом»^[11], «Впередом», Троцким стал окончательно признанным фактом.

Около полгода (до июня 1911 г.) прошли в попытках созвать заграничный пленум, обязательный по договору, в срок не более трех месяцев. Ликвидаторы (голосовцы – бундовцы – Шварц) сорвали и заграничный пленум. Тогда блок трех групп, большевиков, поляков и «примиренцев», делает последнюю попытку снасти дело: созвать конференцию, создать Российскую организационную комиссию. Большевики по-прежнему имеют меньшинство: с января 1910 г. по июнь 1911 г. преобладание в руках ликвидаторов (в ЗБЦК^[12] голосовцы – бундовец – Шварц; в России «приглашающие» ликвидаторов «примиренцы»); с июня 1911 г. по 1 ноября 1911 (срок, установленный третейским судом держателей)^[13] преобладание у примиренцев, к которым перешли поляки.

Вопрос встал так: и деньги и посылка агентов в руках Тышки и Марка (вожак парижских примиренцев); большевикам обеспечено лишь то, что и их соглашаются отправлять на работу. Разногласия, порожденные пленумом, свелись к последнему пункту, которого обойти было невозможно: работать ли вовсе, никого не «дожидаясь», никого не «приглашая» (кто хочет и может работать по-социалдемократически, тот в приглашениях не нуждается!), или продолжать торги и переторжки с Троцким, «Впередом» и т. п. Большевики выбрали первый путь, о чем и заявили прямо и ясно уже на совещании цекистов в Париже^[14]. Тышка с К⁰ выбрал (и навязал и Технической комиссии и Заграничной организационной комиссии^[15]) второй путь, объективно сводившийся – как было подробно показано в фельетоне № 24 «Социал-Демократа»² – к пустому и жалкому интриганству.

Результат теперь у всех перед глазами. К 1-му ноября *Российская организационная комиссия* была образована. На деле создали ее большевики и русские меньшевики-партийцы^[16]. «Союз двух сильных (сильных своей идейной прочностью, своей работой очищения от «нарывов») фракций», против которого так бесновались слабоголовые люди на пленуме и после пленума (см. «Голос», «Вперед», «Отклики Бунда»^[17], «Правду»^[18] и т. д.), оказался фактом. В таких образцовых и передовых для России 1910 и 1911 годов с.-д. организациях, как бакинская и киевская^[19], этот союз, к величайшей радости большевиков, превращался почти в полное слияние, в единый неразрывный организм с.-д. партийцев.

Хныканье о распусчении «всех» фракций оказалось, после проверки двухлетним опытом, жалкой фразой пустоголовых людей, которых дурачили гг. Потресовы и гг. отзовисты. «Союз двух сильных фракций» сделал свое дело и подошел – в лице указанных передовых коллективов – вплотную к полному слиянию в единую партию. Колебания заграничных меньшевиков-партийцев уже бессильны изменить этот совершившийся факт.

Два года после пленума, которые кажутся многим маловеерам или дилетантам в социал-демократии, не желающим понять дьявольской трудности задачи, годами никчемных, безысходных, бессмысленных склок, распада и развала, были годами выведения на дорогу с.-д. партии из болота ликвидаторских и отзовистских шатаний. 1910 год дал нам совместную работу большевиков и партийцев-меньшевиков во *всех* руководящих (и официальных и неофициальных, легальных и нелегальных) органах партии: это был первый шаг «союза двух сильных фракций», шаг идейной подготовки, собирания сил под одним знаменем, антиликвидаторским и антиотзовистским. 1911 год дал второй шаг: создание Российской организационной комиссии. Председательство партийца-меньшевика на первом собрании ее есть знаменательный факт: второй шаг, создание практически действующего русского центра, теперь сделан. Паровоз поднят и поставлен на рельсы.

² См. Сочинения, 5 изд., том 20, стр. 334–354. *Ред.*

Впервые после *четырёх* лет развала и разброда собрался – вопреки невероятным преследованиям полиции и неслыханным «подножкам» голосовцев, впередовцев, примиренцев, поляков и *tutti quanti*³ – русский с.-д. центр. Впервые вышел в России лис-ток к партии от этого центра^[20]. Впервые работа по восстановлению нелегальных организаций на местах систематически и целно охватила (за какие-нибудь три месяца, с июля по октябрь 1911 года) обе столицы, Поволжье, Урал, Кавказ, Киев, Екатеринослав, Ростов, Николаев, – ибо РОК собралась *после* объезда всех этих мест, ибо ее первое собрание имело место *рядом* с восстановлением Петербургского комитета и устройством им ряда рабочих митингов, с резолюциями московских районов за партию и т. д.

Конечно, было бы непростительной наивностью предаваться легковерному оптимизму; трудности предстоят еще гигантские; полицейская травля удесятирилась после опубликования первого русского листка от с.-д. центра; возможно предвидеть долгие и трудные месяцы, новые провалы, новые перерывы в работе. Но главное сделано. Знамя поднято; рабочие кружки по всей России потянулись к нему, и не свалить его теперь никакой контрреволюционной атакой!

* * *

Чем же ответили заграничные «примиренцы» и Тышка с Ледером на этот гигантский шаг вперед русской работы? Последней вспышкой мизерного интриганства: «процесс нарывания», столь пророчески предсказанный накануне пленума Ионовым, неприятен, что и говорить. Но кто не понимает, что этот неприглядный процесс *оздоравливает* социал-демократию, тому нечего и браться за революционную работу! ТК и ЗОК отказываются подчиниться РОК. – Большевики, конечно, с презрением отходят от заграничных интриганов. – Тогда начинаются колебания: в начале ноября обломкам ЗОК (два поляка плюс примиренец) доставлен доклад о созыве РОК. Доклад настолько обстоятельно рисует всю работу, что противники большевиков, расхваленные «Голосом» примиренцы *вынуждены* признать РОК. – Принимается резолюция ЗОК от 13-го ноября 1911 г.: «руководствоваться решениями РОК». Из имеющихся у ЗОК денег $\frac{4}{5}$ передаются в кассу РОК – значит, сами поляки, сами примиренцы *не* в состоянии подвергать сомнению серьезность постановки всего дела.

И тем не менее – еще через несколько дней и ТК, и ЗОК опять отказываются подчиниться РОК!! Где разгадка этой игры?

В руках редакции ЦО есть документ^[21], который будет представлен конференции и из которого видно, что Тышка агитирует за неучастие в РОК, за неучастие в конференции.

Можно ли себе представить более гнусное интриганство? Взялись в ТК и ЗОК помогать созыву конференции и созданию РОК – нахвастали, что они пригласят «всех», и не пригласили никого (хотя имели право приглашать, будучи большинством, и ставить любые условия), – не нашли никаких работников, кроме большевиков и партийных меньшевиков, – потерпели полное поражение на арене, ими же выбранной, – и опустились до «подножек» той же самой РОК, которой по доброй воле выдали, как полномочному центру, $\frac{4}{5}$ средств на конференцию!!

Да, нарыв – неприятная вещь, особенно «в процессе нарывания». Почему теоретикам союза всех и всяких заграничных группок ничего не осталось, кроме интриганства, это уже показано было в № 24 ЦО. И теперь российские с.-д. рабочие без труда сделают выбор: отстоять ли им свою РОК и свою конференцию или позволить Тышке, Ледеру и К интригами тормозить их конференцию. Интриганы погубили себя, это факт, – Тышка и Ледер уже

³ Всех прочих. Ред.

вошли с бубновыми тузами в историю РСДРП, – а конференции им не затормозить, РОК им не подорвать.

А ликвидаторы? В течение целого года с половиной, с января 1910 до июня 1911, когда они имели большинство в ЗБЦК и верных «друзей» в лице примиренцев Русского бюро ЦК^[22], они ровно ничего, ровнехонько ничего для русской работы не сделали! Когда у них было большинство, работа стояла. Когда же большевики разрушили ликвидаторский ЗБЦК и приступили к созыву конференции, тогда ликвидаторы зашевелились. И прехарактерно наблюдать, в чем выразилось это «шевеление». Бундовцы, которые все время служат самую верную службу ликвидаторам, – захотели недавно воспользоваться теперешним «смутным временем» (у латышей, например, исход борьбы двух течений, ликвидаторского и партийного, еще не определился), достали откуда-то одного кавказца, и вся компания поехала в город Z., чтобы вырвать подпись для резолюций, составленных Троцким и Даном в Café Bubenberг (город Берн, август 1911 г.)^[23]. Но латышскую руководящую организацию и не разыскали, подписи не достали и никакой бумаги с громкой фирмой: «ОК трех сильнейших организаций» не изготовили. Таковы факты^{4{167}}.

Пусть ознакомятся русские рабочие с тем, как бундовцы пытаются вести дело срыва РОК в России! Подумайте только: в то время, когда работники над конференцией объезжают Урал, Поволжье, Петербург, Москву, Киев, Екатеринослав, Ростов, Тифлис, Баку, бундовцы «достають» «кавказца» (вероятно, из числа тех заседателей, которые владеют «печатью» Областного кавказского комитета^[24] и которые посылали представителями на конференцию РСДРП в декабре 1908 г.^[25] Дана и Аксельрода!) и едут «срывать подпись» у латышей. Немного недоставало, чтобы эта шайка интриганов, служащих ликвидаторам и абсолютно чуждых всякой работе в России, действительно выступила, как «ОК» «трех организаций», в том числе двух «сильнейших» владельцев печати! Или, может быть, господа бундовцы и кавказец поведают партии, какие русские организации, когда именно они объезжали, где восстанавливали работу, где делали доклады? Попробуйте-ка, любезные, расскажите!

А заграничные дипломатических дел мастера с важным видом знатока судят и рядят: «нельзя изолироваться», «надо переговорить с Бундом и с Областным кавказским комитетом».

О, комедианты! —

Пусть учатся, вдумываясь в значение истории партии на эти два года, те, кто колеблется теперь, жалея об «изоляции» большевиков. О, мы чувствуем себя лучше, чем когда-либо, от *такой* изоляции, когда мы отрезали заграничные интриганские коллекции нулей и когда мы помогли сплочению русских с.-д. рабочих Петербурга, Москвы, Урала, Поволжья, Кавказа и Юга!

Кто сетует насчет изоляции, тот ровно ничего не понял ни в идейном великом деле пленума, ни в его примиренческой ошибке. Полтора года после пленума была видимость единства за границей и полный застой с.-д. работы в России. Полгода или треть года в 1911 г. сделали то, что максимальная кажущаяся изоляция большевиков впервые двинула с места русскую с.-д. работу, впервые восстановила российский с.-д. центр.

Кто все еще не разобрал идейной гнилости и мертвенности таких «нарывов», как ликвидаторство и отзовизм, того доучит теперь история бессильной склоки и жалкого интриганства, до которого опустились группки «Голоса» и «Вперед», увлекаемая за собой – в свое падение – всех и всякого, пробовавшего защищать их.

⁴ Кроме неунывающих бундовцев поскакали срывать резолюции и впередовцы. От этой группки – отнюдь не отзовистской, боже упаси! – поскакал один известный отзовист^{167}, «скакал» в Киев, в Москву, в Нижний, «примирялся» с примиренцами и отъехал отовсюду, ничего не добившись. Передают, что группа «Вперед» обвиняет в неуспехе плохого бога, сочиненного Луначарским, и что она приняла единогласное постановление выдумать бога получше.

^{167} Речь идет об отзовисте А. В. Соколове (С. Вольском).

За работу же, товарищи с.-д. партийцы! Отряхивайте от себя последние остатки связей с несоциал-демократическими течениями и с питающими их, вопреки решениям партии, группками. Сплачивайтесь вокруг РОК, помогайте ей созвать конференцию и укрепить работу на местах. РСДРП пережила тяжкую болезнь: кризис кончается.

Да здравствует единая, нелегальная, революционная Российская социал-демократическая рабочая партия!

«Социал-Демократ» № 25, 8 (21) декабря 1911 г.

Печатается по тексту газеты «Социал-Демократ»

О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы

Запрос, внесенный с.-д. фракцией III Думы относительно гнусной провокации охранников, подстроивших каторжный процесс с.-д. депутатам II Думы^[26], знаменует, по-видимому, некий поворот и во всей нашей партийной деятельности, и в положении демократии вообще, и в настроении рабочих масс.

Едва ли не впервые с трибуны III Думы раздается такой решительный, революционный по тону и содержанию, протест против «хозяев 3-го июня», протест, поддержанный всей оппозицией вплоть до самой умеренной, либерально-монархической, веховской «оппозиции его величества», т. е. партии к.-д.^[27], вплоть даже до «прогрессистов»^[28]. Едва ли не впервые в период лихолетия, с 1908 года, страна видит, чувствует, осязает, как в связи с революционным протестом депутатов революционного пролетариата в черной Думе шевелится рабочая масса, поднимается брожение в рабочих кварталах столицы, устраиваются рабочими митинги (снова митинги!) с революционными с.-д. речами (митинги на Путиловском, Кабельном и др. заводах), появляются толки и слухи о политической массовой забастовке (см. известие из Петербурга в октябристском «Голосе Москвы»^[29] от 19 ноября).

Без сомнения, революционные выступления с.-д. депутатов в III Думе бывали не раз и прежде: наши товарищи из с.-д. фракции не раз превосходно исполняли свой долг, прямо, ясно, резко говоря с трибуны черно-желтого пуришкевичевского «парламента» о крахе монархии, о республике, о второй революции. Эту заслугу с.-д. депутатов III Думы тем определеннее необходимо подчеркнуть, чем чаще слышатся подленькие оппортунистические речи недовольных такими выступлениями лжесоциал-демократов из «Голоса Социал-Демократа» или «Дела Жизни»^[30].

Но такого сочетания политических симптомов поворота: присоединение всей оппозиции к с.-д., заявление в либерально-монархической, «лояльной», «ответственной» и трусливой «Речи»^[31] о конфликтном положении, брожение в массах в связи с запросом в Думе, известия цензурной печати о «тревожном настроении» деревни, – такого сочетания еще не бывало. После прошлогодних демонстраций «муромцевских» и «толстовских» – после статей 1910 и 1911 годов – после прошлогодней студенческой «истории», отмеченное явление, несомненно, еще подкрепляет убеждение в том, что первый период русской контрреволюции, период полного затишья, мертвого успокоения, виселиц и самоубийств, разгула реакции и разгула всяческого, особенно либерального, ренегатства, – этот период *кончился*. Начался второй период в истории контрреволюции: период, когда полное уныние и зачастую «дикий» испуг проходит, когда заметно крепнет в самых различных и в самых широких слоях сознание – или, если не сознание, то ощущение, что «так дальше нельзя», что «перемена» нужна, необходима, неизбежна, когда начинается тяготение, полуинстинктивное, сплошь да рядом не определившееся еще тяготение к поддержке протеста и борьбы.

Разумеется, было бы легкомысленно преувеличивать значение этих симптомов и вообще ражать, что подъем налицо. Этого еще нет. В контрреволюции чувствуются *не те* черты, которые отличают первый ее период, но контрреволюция еще царит, мнит себя непоколебимой. На очереди дня по-прежнему стоит, говоря словами декабрьской 1908 года резолюции РСДРП, «длительная задача воспитания, обучения и организации» пролетариата^[32]. Но начало поворота заставляет нас с особой внимательностью остановиться на отношении с.-д. партии к другим партиям и на ближайших задачах рабочего движения.

«Оппозиция его величества», вплоть до кадетов и прогрессистов, как бы признала на минуту гегемонию с.-д. и ушла вслед за рабочими депутатами из Думы помещиков и октяб-

ристов, Думы, созданной черносотенно-погромной монархией Николая Романова, – ушла на время издевательских проделок большинства, боявшегося огласки дела о провокации.

Что же это значит? Перестали кадеты быть контрреволюционной партией или они никогда ею не были, как уверяют оппортунисты с.-д.? Должны ли мы поставить своей задачей «поддержку» кадетов и подумать о каком-нибудь лозунге «общенациональной оппозиции»?

Противники революционной социал-демократии искони, можно сказать, пускали в ход прием доведения до абсурда ее взглядов и малевания ради удобств полемики – карикатурного марксизма. Так, во второй половине девяностых годов прошлого века, когда социал-демократия рождалась в России как массовое движение, народники малевали карикатурный марксизм в виде «стачкизма». И ирония истории сделала так, что карикатурные марксисты нашлись – в лице «экономистов». Честь и доброе имя соц.-дем. не могли быть спасены иначе как беспощадной борьбой с «экономизмом»^[33]. Так, после революции 1905 г., когда большевизм, как применение революционного марксизма к особым условиям эпохи, одержал крупную победу в рабочем движении, победу, признаваемую теперь даже его врагами, наши противники малевали карикатурный большевизм в виде «бойкотизма», «боевизма» и т. п. И опять ирония истории сделала так, что нашлись карикатурные большевики – в лице «впередовцев».

Эти уроки истории должны предостеречь от карикатурного искажения взглядов революционных с.-д. на отношение к к.-д. (см., например, «Вперед» № 2). Кадеты, несомненно, контрреволюционная партия, отрицать это могут только совсем невежественные или недобросовестные люди, разъяснять это повсюду, в том числе и с думской трибуны, безусловный долг с.-д. Но кадеты партия контрреволюционных *либералов*, и эта их либеральная природа, как подчеркнуто и в резолюции о непролетарских партиях, принятой на Лондонском съезде (1907 г.) РСДРП^[34], обязывает нас «использовать» своеобразное положение, своеобразные конфликты или трения, им порождаемые, использовать, например, их фальшивый демократизм для проповеди истинного, последовательного, беззаветного демократизма.

Раз возник в стране контрреволюционный либерализм, демократия вообще, пролетарская демократия в особенности не может не отделять себя от него; она не должна ни на минуту забывать грани между ним и собой. Но из этого нисколько не следует, чтобы позволительно было смешивать контрреволюционный либерализм с контрреволюционным, скажем, феодализмом, – чтобы позволительно было игнорировать их конфликты, отстраняться, отмахиваться от них. Контрреволюционный либерализм именно потому, что он контрреволюционен, *никогда* не сможет сыграть роли гегемона в победоносной революции; но именно потому, что он либерализм, он *неминуемо* будет попадать в «конфликтное» положение с короной, с феодализмом, с нелиберальной буржуазией, отражая иногда косвенно своим поведением «левое», демократическое настроение в стране или начало подъема и т. п.

Припомним историю Франции; буржуазный либерализм уже во время великой революции обнаружил свою контрреволюционность – см., например, об этом в очень хорошей книге Кунова о революционной газетной литературе Франции. Но не только после великой буржуазной революции, а даже после революции 1848 года, когда контрреволюционность либералов довела до расстрела рабочих республиканцами, – эти либералы в эпоху конца второй империи, в 1868–1870 годах, своей оппозицией выразили перемену настроения и начало демократического, революционного, республиканского подъема.

Если кадеты теперь играют, как дразнят их октябристы^[35], в «равнение налево», то это один из признаков и один из результатов того, что «левее» страна, что шевелится в утробе матери, готовясь снова выйти на свет божий, революционная демократия. Утроба-то пуришкевичевски-романовской России такова, что она не может не рожать революционной демократии!

Какой практический вывод отсюда? Вывод тот, что надо с величайшим вниманием следить за ростом этой новой революционной демократии. Именно потому, что она новая, что рождается она после 1905 г. и после контрреволюции, а не до нее, она, наверное, будет расти *по-новому*, – а чтобы уметь подойти к этому новому, уметь повлиять на него, уметь помочь его успешному росту, надо не ограничиваться старыми методами, надо искать и новых, надо вмешиваться в толпу, нащупывая пульс жизни, надо пробираться иногда не только в толпу, но даже и в либеральную гостиную.

Вот, например, газетка г. Бурцева «Будущее»^[36] очень напоминает либеральную гостиную: там защищают по-либеральному либерально-глупый, октябристски-кадетский лозунг «пересмотра положения 3-го июня», там болтают охотно о шпиках, о полиции, о провокаторах, о Бурцеве, о бомбах. Но все же, когда г. Мартов поспешил залезть туда, то упрекнуть его можно бы было лишь в бестактной торопливости, а не в принципиальной фальши, *если бы... если бы* он не держал себя в ней по-либеральному. Ибо можно оправдать – а иногда даже похвалить – социал-демократа за выступление в либеральной гостиной лишь тогда, если он выступает как социал-демократ. А г. Мартов понес в либеральной гостиной либеральную ахинею о какой-то устанавливаемой «на время выборов» «солидарности в борьбе за самую свободу выборов и выборной агитации» («Будущее» № 5)!!

Растет в новой обстановке, по-новому, новая демократия; надо учиться подходить к ней – это бесспорно. Но подходить к ней надо затем, чтобы отстаивать и проповедовать лозунги действительной демократии, а не затем, чтобы сюсюкать с ней по-либеральному. Новой демократии социал-демократия должна проповедовать *три* лозунга, единственно достойных нашего великого дела, единственно соответствующих *реальным* условиям достижения *свободы* на Руси; лозунги эти – республика; 8-часовой рабочий день; конфискация всей помещичьей земли.

Такова единственно правильная общенациональная программа борьбы за свободную Россию. Кто не понял этой программы, тот еще не демократ. Кто отрицает эту программу, называя себя демократом, тот слишком хорошо понял необходимость надувать народ для осуществления своих антидемократических (т. е. контрреволюционных) целей.

Почему борьба за 8-часовой рабочий день есть реальное условие достижения свободы на Руси? Потому, что опыт показал невозможность свободы без самоотверженной борьбы пролетариата, а таковая борьба неразрывно связана с улучшением условий жизни рабочих. Образец этих улучшений, зная их и есть 8-часовой рабочий день.

Почему борьба за конфискацию всей помещичьей земли есть реальное условие достижения свободы на Руси? Потому, что без коренных мер помощи миллионам крестьян, доведенных Пуришкевичами, Романовыми и Марковыми до неслыханного разорения, мучений и голодной смерти, нелепы, лживы насквозь всякие речи о демократии, о «народной свободе». А без конфискации помещичьих земель в пользу крестьян ни о каких *серьезных* мерах помощи мужику, ни о какой серьезной решимости покончить с Россией «мужиков», т. е. с крепостнической Россией, и создать Россию свободных земледельцев, демократическую буржуазную Россию, не может быть и речи.

Почему борьба за республику есть реальное условие достижения свободы на Руси? Потому, что опыт, великий, незабвенный опыт одного из величайших десятилетий русской истории, именно: первого десятилетия XX века, говорит с непререкаемой ясностью и очевидностью о *несовместимости* нашей монархии с какими бы то ни было элементарными гарантиями политической свободы. История России, многовековая история царизма сделала то, что в начале XX века у нас нет и *не может быть* иной монархии, кроме *черносоотно-погромной монархии*. Русская монархия не может в данной социальной, в данной классовой обстановке поступать иначе, как организовывать банды убийц, чтобы подстреливать из-за угла наших либеральных и демократических депутатов или поджигать дома, где

собрались демократы. Русская монархия не может поступать иначе, как отвечать на демонстрации народа в пользу свободы устройством отрядов людей, хватающих за ноги еврейских детей и разбивающих им головы о камни, людей, насилюющих еврейских, грузинских женщин и распарывающих животы старикам.

Либеральные дурачки болтают о примере конституционной монархии вроде Англии. Да если в такой культурной стране, как Англия, не знавшей никогда ни монгольского ига, ни гнета бюрократии, ни разгула военщины, если в такой стране понадобилось отрубить голову одному коронованному разбойнику, чтобы обучить королей быть «конституционными» монархами, то в России надо отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых, чтобы отучить их преемников от организации черносотенных убийств и еврейских погромов.

Если социал-демократия чему-нибудь научилась из первой русской революции, то она должна теперь добиться того, чтобы ни в одной нашей речи, ни в одном листке не выставился доказавший свою негодность, свою неопределенность лозунг: «долой самодержавие», а выставлялся *исключительно* лозунг: «долой царскую монархию, да здравствует республика».

И пусть не говорят нам, что лозунг республики не соответствует стадии политического развития рабочих и крестьян. Десять-двенадцать лет тому назад не только такие были «народники», которые и думать не дерзали о лозунге «долой самодержавие», но даже находились социал-демократы – так называемые «экономисты», – восстававшие против своевременности этого лозунга. А в 1903–1904 годах лозунг «долой самодержавие» сделался «известной народной поговоркой»! Не может быть и тени сомнения в том, что систематическая, упорная республиканская пропаганда найдет теперь в России самую благодарную почву, ибо массы самые широкие и в частности массы крестьянские безусловно думают тяжелую и крепкую думу о значении разгона двух Дум, о связи царской власти с господской III Думой^[37] и разорением деревни Марковыми и К^о. С какой быстротой будет расти брошенное в землю зерно республиканской пропаганды, этого никто не сможет теперь определить – но не в этом дело, дело в том, чтобы посев был сделан правильно, действительно демократически. Разбирая вопрос о лозунгах предстоящей избирательной кампании в IV Думу и о лозунгах всей нашей внедумской работы, нельзя не коснуться одного очень важного и очень неправильного выступления с.-д. депутата Кузнецова в III Думе. В шестилетнюю годовщину первой победы русской революции, 17 октября 1911 года^[38], Кузнецов выступал в Думе по вопросу о проекте страхования рабочих. Выступал он вообще, надо отдать ему справедливость, очень хорошо, энергично отстаивал интересы пролетариата, не обинуясь говорил правду в лицо не только большинству черной Думы, но и кадетам. Вполне признавая эту заслугу Кузнецова, надо отметить тоже без обиняков его ошибку.

«Я думаю, – говорил Кузнецов, – что рабочие, внимательно прислушиваясь к прениям, которые имели место как при обсуждении этих вопросов в целом, так и при обсуждении отдельных статей настоящего законопроекта, придут к тому заключению, что их очередным лозунгом теперь, в настоящее время, должен быть лозунг: «долой Думу 3 июня, да здравствует всеобщее избирательное право». Почему? Я скажу: да потому, что для рабочего класса его интересы правильно могут быть разрешены только тогда и в тех случаях, если рабочий класс путем всеобщего избирательного права пришлет в законодательное учреждение достаточное количество своих депутатов; исключительно они одни могут решить правильно вопросы страхования для рабочего класса».

С Кузнецовым случилось здесь несчастье, которого он, наверное, не подозревал, но которое давно было нами предсказано; это несчастье – совпадение ошибок, делаемых ликвидаторами и отзовистами.

Выставляя с думской трибуны лозунг, навеянный ликвидаторскими журналами «Нашей Зарей» и «Делом Жизни», Кузнецов не заметил, что первая (и существеннейшая) часть этого лозунга («долой III Думу») *целиком* повторяет лозунг, выдвинутый три года тому назад отзовистами открыто и защищавшийся с тех пор – прикровенно и тайком – только «впередовцами», т. е. трусливыми отзовистами.

Три года тому назад «Пролетарий»^[39] № 38 от 1 (14) ноября 1908 года писал по поводу этого лозунга, выставлявшегося отзовистами:

«При каких условиях мог бы получить значение подобный лозунг, как «долой Думу»? Допустим, перед нами либеральная, реформаторская, соглашательская Дума в эпоху самого острого революционного кризиса, который уже назрел до прямой гражданской войны. Вполне возможно, что лозунгом могло бы стать в такой момент «долой Думу», т. е. долой мирные переговоры с царем, долой обманчивое учреждение «мира», призовем к непосредственному натиску. Допустим, наоборот, что перед нами архиреакционная Дума, выбранная на основе пережившего себя избирательного права, и отсутствие острореволюционного кризиса в стране; лозунг «долой Думу» мог бы стать тогда лозунгом борьбы за избирательную реформу. Ничего подобного ни тому, ни другому случаю мы не видим у нас»⁵.

В приложении к № 44 «Пролетария» (от 4 (17) апреля 1909 г.) была приведена резолюция петербургских отзовистов, прямо постановлявшая *«начать широкую агитацию в массах за лозунг долой III Государственную думу»*. Против этого предложения «Пролетарий» писал там же: «Этот лозунг, увлекший на некоторое время некоторых рабочих антиотзовистов, – *неверен*. Либо это кадетский лозунг избирательной реформы при самодержавии (вышло так, что это написано в начале 1909 года как раз против постановки вопроса Кузнецовым в конце 1911 года!)... либо это повторение заученного слова из той эпохи, когда либеральные Думы прикрывали контрреволюционный царизм, стараясь помешать народу ясно увидеть своего настоящего врага»⁶.

Отсюда ясно, в чем ошибка Кузнецова. Он выставил в качестве обобщенного лозунга кадетский лозунг избирательной реформы, не имеющий никакого смысла при сохранении всех прочих прелестей монархии Романовых, Государственного совета, всевластия чиновников, черносотенно-погромных организаций царской шайки и т. д. Кузнецов должен был сказать – предполагая, что именно так подходим к вопросу, как он это сделал, предполагая неизменным общий тон его речи, – примерно следующее:

«Именно на примере законопроекта о страховании рабочие еще и еще раз убедятся, что ни непосредственные интересы своего класса, ни права и нужды всего народа не могут быть защищены без таких преобразований, как всеобщее избирательное право, полная свобода коалиций, печати и т. д. Но не ясно ли, что осуществления таких преобразований нечего ждать, пока остается неизменным современный политический строй России, – нечего ждать, пока могут быть ниспровергаемы какие угодно решения какой угодно Думы, – нечего ждать, пока остается в государстве хоть одна невыборная власть».

Мы прекрасно знаем, что с трибуны III Думы с.-д. депутатам удавалось – и в этом их заслуга – делать гораздо более прямые и ясные республиканские заявления. Депутаты Думы могут вполне легально вести из Думы республиканскую пропаганду и они должны это делать. Нашим примерным исправлением речи Кузнецова мы хотим лишь иллюстриро-

⁵ Дальше «Пролетарий» защищал лозунг «долой самодержавие», – этот лозунг, как мы уже показали, должен быть заменен теперь лозунгом: «долой царскую монархию, да здравствует республика». (См. Сочинения, 5 изд., том 17, стр. 277–278. *Ред.*)

⁶ См. Сочинения, 5 изд., том 17, стр. 404. *Ред.*

вать, как мог бы он избежать ошибки, выдерживая общий тон речи, отмечая и подчеркивая громадное значение таких безусловно необходимых преобразований, как всеобщее избирательное право, свобода коалиций и т. д.

О республике всякий с.-д., который держит где бы то ни было политическую речь, должен говорить всегда. Но о республике надо уметь говорить: о ней нельзя говорить одинаково на заводском митинге и в казачьей деревне, на студенческом собрании и в крестьянской избе, с трибуны III Думы и со страниц зарубежного органа. Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой.

Не будем забывать ни на минуту главного: в России просыпается к новой жизни и новой борьбе новая демократия. Обязанность сознательных рабочих – этого авангарда русской революции и руководителя народных масс в борьбе за свободу – разъяснять задачи последовательной демократии: республика, 8-часовой рабочий день, конфискация всей помещичьей земли.

«Социал-Демократ» № 25, 8 (21) декабря 1911 г.

Печатается по тексту газеты «Социал-Демократ»

Агентура либеральной буржуазии

Настоящий номер был уже почти совсем закончен, когда мы получили № 9 «Будущего». Мы назвали эту газету либеральной гостиной. Оказывается, что в этой гостиной выступают иногда агенты русской либеральной буржуазии, чтобы попытаться вести на поводу революционеров. Таким агентом написана передовица № 9, *приветствующая* решение кадетов идти на блоки с октябристами!! «Мы желали бы, – пишут либералы с бомбой, – чтоб *в том же духе* высказались и *теми же началами* руководствовались... все левые партии, не исключая и социалистических и революционных»!!

Еще бы не желать этого контрреволюционному либералу! Надо только, чтобы публика знала, в чем тут соль: когда передовик «Будущего» говорит: «мы социалисты», «мы революционеры» – надо читать: «мы либералы».

Сейчас получены газеты с известием об исключении Войлошникова на 15 заседаний^[40]. Кадеты были *за* исключение на *пять* заседаний!! Да здравствует кадетско-октябристский блок – для исключения демократов и социал-демократов на 10 заседаний!!

«Социал-Демократ» № 25, 8 (21) декабря 1911 г.

Печатается по тексту газеты «Социал-Демократ»

Из лагеря столыпинской «рабочей» партии

Крупнейшим событием в этом лагере является статья Н. Р—кова в № 9–10 ликвидаторской «Нашей Зари». Это – настоящее «Credo» или манифест либеральной рабочей партии. Начиная с начала, с оценки революции и роли всех классов, и доходя с замечательной последовательностью до конца, до проекта легальной рабочей (?) партии, Р—ков во всех своих рассуждениях подменяет марксизм либерализмом.

Какова объективная задача, стоящая перед Россией? Завершение смены полукрепостнического хозяйства «культурным капитализмом». – Это не по-марксистски, а по-струвенски или по-либеральному, ибо марксист различает классы с различным, октябристским, кадетским, трудовическим, пролетарским пониманием того, что есть «культурный» капитализм.

В чем гвоздь вопроса об оценке революции? Р—ков осуждает хныканье и ренегатство кричащих о «неудаче» революции и противопоставляет им... великую профессорскую истину, что и во время «реакций» зреют новые социальные силы. Ясно, что подобный ответ Р—кова прикрывает *суть* дела именно так, как это выгодно контрреволюционным либералам, которые вполне признают вновь открытую Р—ковым истину. Суть в том, какие классы в революции оказались способны к непосредственной, массовой, революционной борьбе и какие классы изменили ей, став прямо или косвенно на сторону контрреволюции. Эту суть Р—ков спрятал, подготавливая тем замалчивание разницы между революционной демократией и либерально-монархической «прогрессивной» оппозицией.

По вопросу о роли помещичьего класса Р—ков сразу благополучно договорился до абсурда. Недавно-де представители этого класса «были» настоящими крепостниками, теперь «они маленькой кучкой группируются еще вокруг Пуришкевича и Маркова 2-го и бессильно (!) брызжут слюной, отравленной ядом отчаяния». Большинство дворян-помещиков «постепенно и неуклонно перерождается в сельскохозяйственную буржуазию».

На деле, как всякий знает, Марковы 2-ые и Пуришкевичи у нас всесильны, и в Думе, и еще более в Государственном совете, и еще более в черносотенной царской шайке, и еще более в управлении Россией. Именно «их власть и их доходы» (резолуция 1908 г. декабрьской конференции)^[41] обеспечивает шаг по пути *такого* превращения царизма в буржуазную монархию. Перерождение хозяйства крепостников в буржуазное отнюдь не устраняет непосредственно политической власти этих черносотенцев: это ясно и с точки зрения азбуки марксизма, это видно хотя бы из опыта Пруссии после 60-летнего «перерождения» (с 1848 года). У Р—кова выходит так, что в России нет ни абсолютизма, ни монархии! Р—ков применяет школьный либеральный метод: благодушное отсечение (на бумаге) социальных крайностей служит «доказательством» «неизбежности компромисса».

Современная аграрная политика означает, по Р—кову, «рисующийся впереди неизбежный (!) компромисс» – между кем? «Между разными группами буржуазии». Какая же социальная сила – спросим мы нашего «марксиста» – заставит пойти на компромисс Пуришкевичей, у коих в руках вся власть? Р—ков не отвечает на этот вопрос. Но так как рядом у него стоит указание на процесс консолидации крупной торговой и промышленной буржуазии, на «грядущее господство умеренно-прогрессивной» буржуазии, то вывод возможен лишь один: Р—ков рассчитывает на мирное отнятие власти у Пуришкевичей и Романовых умеренно-прогрессивной буржуазией.

Это невероятно, но это факт. Именно такая пошлейшая из либеральных утопий лежит в основе концепций Р—кова, похваляющегося, что у него нет «ни грана утопии». Между крайними ликвидаторами, которые все от Ларина до Череванина, Дана и Мартова преподносят под чуточку измененными формами и фразами *именно эту основную мысль* мирного

завоевания власти буржуазией (самое большое: при *давлении* «снизу»), и Н. Р—ковым разницы на деле нет.

Но в жизни, а не в либеральной утопии, мы видим господство пуришкевичевщины, умеряемой воркотней Гучковых и Милюковых. «Умеренно-прогрессивные» октябристы и кадеты увековечивают, а не подрывают это господство. Противоречие между этим господством и несомненно идущим вперед буржуазным развитием России становится все острее (а не слабее, как думают теоретики «неизбежного компромисса»). Движущей силой разрешения этого противоречия могут быть только массы, т. е. пролетариат, ведущий за собою крестьянство.

Бывший большевик, а теперь ликвидатор отодвигает прочь эти массы так легко, как будто бы столыпинские виселицы и веховская река помоев вытеснила их не только с арены открытой политики, не только со страниц либеральных изданий, но также и из жизни. Крестьянство слабо на выборах – говорит наш либерал в своем «анализе», – а рабочий класс он условно «оставляет в стороне»!!

Р—ков взялся доказать, что революция в России («буря»), хотя и возможна, не необходима. Если «оставить в стороне» – хотя бы условно, хотя бы «пока», хотя бы по случаю «слабости на выборах» – рабочий класс и крестьянство, то революция, разумеется, невозможна, а не только не необходима! Но от либерального благодушия из жизни не исчезнет ни всевластие Пуришкевича и Романова, ни революционный отпор, нарастающий в зреющем пролетариате и в голодном, истязуемом крестьянстве. Все дело в том, что *линию* марксиста, т. е. революционного социал-демократа, который при всяких обстоятельствах, в самых различных формах, и в речи на митинге, и с трибуны III Думы, и в Совете рабочих депутатов, и в самом мирном, легальном рабочем обществе отстаивает поддержку этого отпора, укрепление его, развитие, правильное направление к полной победе, – эту линию Н. Р—ков подменил везде и повсюду в своих рассуждениях линией либерала, который не хочет видеть того, что загнано в подполье, не хочет смотреть ни на что, кроме «перерождающихся» в «культурных юнкеров» Пуришкевичей или «умеренно-прогрессивных» Милюковых.

Это – именно та специфическая слепота, которая характерна для всей «Нашей Зари», для всей столыпинской рабочей партии. В неразрывной связи с этой ослепленной либеральными шорами концепцией стоит исключительное устремление внимания на легализацию рабочей партии. Если «компромисс неизбежен», то против неизбежного бороться нечего, остается рабочему классу – подобно остальным классам вполне установившегося буржуазного строя – вить себе скромное мещанское гнездышко в уголке этого строя. Таково реальное значение проповеди легалистов, как бы ни прикрывал ее «революционными» фразами Мартов, посаженный на это ампула гг. Потресовыми, Юриями Чацкими, Лариными, Данами и К^о.

У Р—кова это *реальное* значение легального «общества защиты интересов рабочего класса» яснее ясного. Что такого общества – даже при гегемонии в нем Прокоповичей – «начальство» не разрешит и «фактического существования» не допустит, это ясно. Только либеральные слепцы могут не видеть этого. Но *общество* интеллигентов, несущих, под видом социализма, *либеральную* проповедь в рабочие массы, уже осуществлено фактически. Это «общество» и есть круг сотрудников «Нашей Зари» и «Дела Жизни»; их «знамя», идейное знамя либерализма, «развертывает» Н. Р—ков, когда уверяет, что без открытой организации борьба неизбежно (!) приняла бы анархический характер, – что старые лозунги превратились в мертвые слова, – что тактику нельзя сводить к «драке», – что в новом «обществе» нет *ни мысли* (!) о необходимости насильственного переворота» и т. п. Вот эта либеральная, ренегатская проповедь интеллигентов есть реальность, а открытое рабочее общество есть фраза. Общество либеральной защиты по-либеральному понимаемых интересов рабочего класса есть реальность, это «общество» и есть «Наша Заря», а «открытая и широкая

политическая организация» рабочих в современной России – невинное, пустое, фальшивое либеральное мечтание.

Устраивать легальные профессиональные союзы, – понимая, что ни широкими, ни «политическими», ни прочными они ныне стать не могут, – дело полезное. Проповедовать либеральные вещи о политическом рабочем обществе *без* мысли о насилии – дело пустое и вредное.

В заключение два курьеза. Курьез первый. «Если бы кто-либо, – пишет Р—ков, – в ослеплении реакционным безумием, вздумал обвинять членов такого общества в стремлении к насильственному перевороту, вся тяжесть подобного бессмысленного, неосновательного, юридически-ничтожного обвинения пала бы на голову обвинителя». Картина: на голову Щегловитова и К падает тяжесть обвинений, юридически ничтожных, и «тяжестью» этой убивает их Н. Р—ков – а не Родичев...

Курьез второй. Рабочие – пишет Р—ков – «должны взять на себя задачу политической гегемонии в борьбе за демократический строй». Р—ков признает гегемонию после того, как он выпотрошил все *содержание* гегемонии. Рабочие, говорит Р—ков, вы не должны бороться против «неизбежного» компромисса, но вы должны называть себя гегемонами, – а быть гегемоном как раз и значит разъяснять фиктивность идеи о «неизбежности» компромисса и бороться по линии пролетарского и пролетарски-крестьянского отпора буржуазным недемократическим компромиссам.

Н. Р—ков принесет такую же пользу делу борьбы с ликвидаторами, как Ю. Ларин принес пользу делу борьбы с фальшивой идеей рабочего съезда^[42]. Н. Р—ков и Ю. Ларин имели смелость показаться... голенькими. Р—ков – честный ликвидатор. Он заставит своей безбоязненностью *думать* об идейных корнях ликвидаторства. Он подтвердит еще и еще раз правильность декабрьских резолюций РСДРП 1908 года, ибо он систематически ставит (и сплошь фальшиво разрешает) как раз те вопросы, которые в этих резолюциях разобраны и решены правильно. Р—ков сделает особенно мизерными, в глазах рабочих, тех дипломатов ликвидаторства, которые, подобно редакторам «Нашей Зари» (или «Голоса»), вертятся и виляют, громоздят оговорочку на оговорочке, снимая с себя ответственность за «отдельные места» статьи Р—кова или за «конкретизацию» его плана. Как будто бы дело шло об отдельных местах и т. п., а не о единой, цельной, сплошной линии – линии либеральной рабочей политики!

«Социал-Демократ» № 25, 8 (21) декабря 1911 г.

Печатается по тексту газеты «Социал-Демократ»

О дипломатии Троцкого и об одной платформе партийцев

Процесс умирания заграничных группок, пытавшихся построить свое существование на дипломатической игре с несоциал-демократическими течениями ликвидаторства и отзовизма, наглядно иллюстрируется вышедшим недавно, после долгого перерыва, № 22 газеты Троцкого «Правда».

Газета вышла 29 ноября нов. ст. – почти месяц спустя после выхода извещения Российской организационной комиссии. *Троцкий о нем ни слова!*

Для Троцкого РОК не существует. Троцкий называет себя партийцем на том основании, что для него русский партийный центр, созданный подавляющим большинством русских с.-д. организаций, есть ноль! Или, может быть, наоборот, товарищи, Троцкий с его заграничной группкой есть ноль для русских с.-д. организаций?

Самым жирным шрифтом печатает Троцкий свое заверение, – как божиться-то не лень? – что его газета «не фракционная, а партийная». Присмотритесь чуточку повнимательнее к содержанию № 22, и вы увидите сразу нехитрую механику игры с непартийными фракциями впередовцев и ликвидаторов.

Вот корреспонденция из Петербурга, подписанная С. В. и рекламирующая группу «Вперед». С. В. упрекает Троцкого, что он не напечатал давным-давно посланную ему резолюцию питерцев против петиционной кампании. Троцкий, обвиненный впередовцами в «узкой фракционности» (какая черная неблагодарность!), вертится и виляет, ссылаясь на бедность его газеты и редкий ее выход. Игра шита белыми нитками: мы вам – вы нам; мы (Троцкий) помолчим о борьбе партийцев с отзовистами и, наоборот, мы (Троцкий) поможем рекламировать «Вперед», а вы (С. В.) уступите уж ликвидаторам «петиционную кампанию». Дипломатическая защита обеих непартийных фракций – разве же это не есть истинная партийность?

Вот фразистая передовица под громким названием: «Вперед!». «Сознательные рабочие! – читаем мы здесь, – у вас нет сейчас более важного (вот как!) и всеобъемлющего (зарапортовался бедняга) лозунга, как свобода союзов, собраний и стачек». «Социал-демократия, – читаем дальше, – зовет пролетариат на борьбу за республику. Но чтоб борьба за республику не была голым (!) лозунгом немногих избранных, необходимо, чтобы вы, сознательные рабочие, научили массы на опыте понимать необходимость свободы коалиций и бороться за это кровное классовое требование».

Революционная фраза служит для того, чтобы прикрывать и оправдывать фальшь ликвидаторства, засоряя тем сознание рабочих. Почему лозунг республики есть *голый* лозунг для *немногих*, когда республика означает невозможность разогнать Думу? – свободу коалиций и печати? – свободу крестьян от насилий и грабежа Марковых, Романовых, Пуришкевичей? Не ясно ли, что дело обстоит как раз наоборот: «голым» и бессмысленным является в качестве «всеобъемлющего» лозунга лозунг «свободы союзов» *вне связи* с лозунгом республики?

Бессмысленно требовать от царской монархии «свободы союзов», если не разъяснять массам несовместимость такой свободы с царизмом и необходимость для такой свободы – республики. Внесение законопроектов в Думу о свободе союзов, запросы и речи на подобные темы должны служить нам, социал-демократам, как раз и поводом и материалом к агитации за республику.

«Сознательные рабочие должны научить массы на опыте понимать необходимость свободы коалиций!» Старая погудка старого, истасканного еще «экономистами», русского оппортунизма! *Опыт* масс есть то, когда министры закрывают их союзы, губернаторы и

урядники ежедневно чинят насилия – вот это действительно *опыт масс*. А превознесение, в противовес республике, лозунга «свободы союзов» есть фраза оппортунистического интеллигента, чуждого массам. Это – фраза интеллигента, воображающего, что «опыт» с «петицией» (имеющей 1300 подписей)^[43] или с положенным под сукно законопроектom есть нечто, воспитывающее «массы». На деле их воспитывает иной, живой, а не бумажный, опыт, их просвещает агитация сознательных рабочих именно за республику – единственно всеобъемлющий в смысле политического демократизма лозунг.

Троцкий превосходно знает, что ликвидаторы в легальных изданиях как раз *соединяют* лозунг «свобода коалиций» с лозунгом: долой нелегальную партию, долой борьбу за республику. Задача Троцкого в том и состоит, чтобы прикрывать ликвидаторство, бросая песок в глаза рабочим.

* * *

С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов. Можно и должно спорить с убежденными ликвидаторами и отзовистами, а с человеком, который играет в прикрытие ошибок и тех и других, не спорят: его разоблачают, как... дипломата самой мелкой пробы.

Поспорить надо с авторами тезисов платформы, попавших в № 22 «Правды». Их ошибка происходит либо оттого, что они не знакомы с декабрьскими (1908 г.) резолюциями РСДРП, либо оттого, что они не вполне освободились от некоторых ликвидаторских и «впередовских» шатаний мысли.

Тезис 1-ый говорит, что 3-июньский режим есть «фактическое неограниченное господство дворян-помещиков феодального типа», причем дальше указывается, что они «прикрывают самодержавно-бюрократический характер своего господства лжеконституционной маской фактически бесправной Гос. думы».

Если помещичья Дума «фактически бесправна» – а это справедливо – то как же может быть «неограниченным» господство помещиков?

Авторы забывают, что классовый характер царской монархии несколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и «бюрократии», от Николая II до любого урядника. Эту ошибку – забвение самодержавия и монархии, сведение ее непосредственно к «чистому» господству верхних классов – делали отзовисты в 1908–1909 году (см. «Пролетарий», приложение к № 44)^[44], делал Ларин в 1910 году, делают некоторые отдельные писатели (например, М. Александров), делает ушедший к ликвидаторам Н. Рюков.

В декабрьских (1908 г.) резолюциях дан как раз такой анализ господства феодалов при поддержке буржуазии, который отсекает корни этой ошибки.

Тезис 2-й состоит в ссылке на программу-минимум РСДРП, причем «особенно видное место» отводится многим требованиям, вроде свободы коалиций и конфискации помещичьих земель, но не упоминается о республике. Мы думаем, что это неправильно. Вполне признавая безусловную необходимость агитации за свободу коалиций, мы думаем, что лозунг республики надо ставить на самое видное место.

Тезис 3-ий: «Необходимость новых революционных выступлений широких народных масс», без чего невозможно осуществление наших требований.

Последнее архивно, но это только половина истины. Марксисты не могут ограничиться ссылкой на «необходимость» новых выступлений масс, они должны сначала показать, какие причины вызывают (если вызывают) наступление нового революционного кризиса. Без такого кризиса «выступления» – они всегда, если хотите, «необходимы»! – невозможны.

У авторов самые лучшие революционные намерения, но в их образе мыслей есть некоторый пробел. Декабрьские (1908 г.) резолюции выводят «необходимость» новых выступлений не так просто, но зато более правильно.

Тезис 4-ый: «Возможность такого нового революционного выступления масс в более или менее ближайшем будущем и беспощадная критика... контрреволюционной роли буржуазии» и т. д.

Критика нужна всегда, *независимо* от «возможности выступлений», даже в такое время, когда выступления масс заведомо невозможны. Связывать возможность выступлений и критику значит смешивать *всегда* обязательную *линию* марксизма с *одним* из видов борьбы (особенно высоким). Это первая ошибка. А вторая та, что «не хвались едучи на рать, а хвались едучи с рати»: о возможности выступлений говорить не к чему, надо доказать ее делами. В платформе достаточно отметить начало подъема и подчеркнуть важность агитации и подготовки выступления масс. В ближайшем или неближайшем будущем выступления масс наступят, это покажут события.

Тезис 5-ый превосходен, ибо подчеркивает огромное значение Государственной думы как агитационной трибуны.

Мы не знаем, кто авторы листка. Но если это – русские впередовцы (как можно думать по некоторым признакам), то их надо горячо приветствовать за избавление от одной ошибки группки «Вперед». У таких впередовцев есть совесть партийцев, ибо они дают прямой, ясный ответ на один из «больных» вопросов. Группа же «Вперед» обманывает партию самым бессовестным образом, защищая, прикрывая отзовизм и до сих пор, до декабря 1911 года, не давая прямого ответа на вопрос об участии в IV Думе. Признавать такую группу социал-демократической значит издеваться над социал-демократизмом.

«Социал-Демократ» № 25, 8 (21) декабря 1911 г.

Печатается по тексту газеты «Социал-Демократ»

Итоги третейского суда «Держателей»

На пленуме ЦК в январе 1910 г. представители фракции большевиков (единогласно признанные, как представители этой фракции, всеми членами пленума) заключили, как известно, договор со всеми остальными фракциями нашей партии. Договор этот опубликован в № 11 ЦО и сводится к тому, что большевики распускали свою фракцию и отдавали ее имущество в ЦК *под условием* распускания всех остальных фракций и ведения ими партийной, т. е. антиликвидаторской и антиотзовистской, линии. В случае нарушения этих условий договор, принятый ЦК прямо предусматривал возвращение денег большевикам (см. резолюцию, опубликованную в № 11 ЦО).

Известные всем факты нарушения этого договора остальными фракциями заставили большевиков год тому назад, 5 декабря 1910 г., подать заявку, т. е. заявление о расторжении договора и требовать вернуть им деньги.

Рассмотрение этого требования подлежало разбору третейского суда «держателей»: Каутского, Меринга и Цеткиной. Третейский суд постановил: предварительно, до 1 ноября 1911 г., отдать часть денег в подотчетное расходование Технической комиссии и Заграничной организационной комиссии, состоявших из представителей большевиков, примиренцев и поляков.

В течение октября 1911 г. двое третейских судей, Меринг, Каутский, сложили с себя свою должность. Третий судья не имел права после этого оставаться судьей один и, после некоторых колебаний, тоже сложил с себя свою должность.

Большевистская фракция, 5-го декабря 1910 года расторгнувшая договор с остальными фракциями, оказалась таким образом с 2-го ноября 1911 года вне договорных отношений с бывшими держателями. Поэтому она вступила во владение своей типографией и вступает во владение остальным фракционным имуществом.

Само собою разумеется, что, освободившись от «связи» с ликвидаторскими, отзовистскими и просто интриганскими заграничными группами, большевистская фракция все силы употребит – как доказала уже работа ее членов по созданию Российской организационной комиссии – на сплочение всех партийных элементов вокруг РОК и созываемой ею общепартийной конференции.

Представители большевистской фракции, заключившие договор на пленуме в январе 1910 г.^[45]

Р. С. Настоящее заявление было уже сдано в редакцию ЦО, когда мы прочли листок так называемого ЗБЦК с письмом двух бывших третейских судей от 18 ноября 1911 года. Кого хотят обмануть Игорев и Либер, изображая из себя ЗБЦК, когда латыши и *даже* Тышка ушли из него? Почему молчат они об этом уходе? Почему молчат, что с 18-го ноября прошло уже 2¹/₂ недели после того, как суд перестал существовать? что поэтому никакого значения письмо от 18-го ноября 1911 г. не имеет и иметь не может? Или, может быть, гг. Игорев и Мартов *не* признавали третейский суд *до* 1-го ноября 1911 года? Скажите же и докажите это, господа! Может быть, вы признаете третейский суд *после* 1-го ноября 1911 года? До 1-го ноября 1911 г. третейский суд, всеми признанный, *осудил вас*, ибо ни сантима не дано было ни вам, ни Троцкому, вопреки вашим просьбам и требованиям и «протестам». Господа, осужденные законным, всеми признанным третейским судом, пытаются спрятаться теперь за частное мнение бывших третейских судей, ни для кого не обязательное. После 1-го ноября 1911 г. третейского суда нет, и мы все вернулись в этом смысле в то положение, которое было до пленума. Удержание большевистских денег бывшим держателем было бы противозаконным удержанием.

Но в том-то и суть, что гг. Игорев и Либер гонятся за «сенсацией», а изложить историю суда на основании точных документов они боятся. Не обманешь – не продашь, вот их девиз.

«Социал-Демократ» № 25, 8 (21) декабря 1911 г.

Печатается по тексту газеты «Социал-Демократ»

Избирательная кампания в IV Государственную думу

I. Основные принципиальные вопросы

Кадетская партия, лучше обставленная из так называемых оппозиционных партий в смысле открытого существования, только что сделала крайне важный шаг по определению своей политики в избирательной кампании. Кадетская политика, как свидетельствуют наилучшие доступные нам и сочувствующие кадетам источники, определена следующим образом:

1) К.-д. проводят своих кандидатов там, где выбор их обеспечен.

2) Там, где нельзя рассчитывать на абсолютное большинство голосов в пользу кадетского кандидата, – к.-д. поддерживают того *прогрессивного* кандидата, без различия партий, который может собрать максимум голосов.

3) В том случае, если кандидат оппозиции не имеет никаких шансов и существует черносотенная опасность, поддержка октябристского кандидата допускается лишь тогда, если он является настоящим конституционалистом, что иногда, к удивлению, случается.

4) Ни с правыми октябристами, ни с националистами и монархистами ни в какие избирательные соглашения к.-д. не входят. Вообще же, не забывая интересов партии, они не приносят им в жертву высших интересов оппозиции, в широком смысле слова.

Такова кадетская политика. Рабочая демократия должна с величайшим вниманием отнестись к ней, разобрав действительную классовую сущность и настоящее значение ее, прикрываемые обычными условными фразами. Эти фразы о «высших интересах оппозиции» и т. п. сразу бросаются в глаза при чтении кадетских решений. Суть же дела в том, что кадетская политика определена теперь вполне и окончательно, как политика *октябристско-кадетского* блока. Эту суть надо понять, надо выделить ясно из шелухи казенно-либеральных словечек.

1) Ни слова о блоках с левыми, с демократами. 2) Запрещены блоки только с правыми октябристами – это ничтожное меньшинство октябристов, «гололобовцы». 3) Фраза о «высших интересах оппозиции в широком смысле слова» может означать на деле *только* одно: фактическое разрешение (и рекомендацию!) блоков с октябристами, как общего правила.

Эти три вывода относительно *действительной* политики к.-д. надо твердо усвоить.

Каково их значение? «Левый центр» буржуазного либерализма определил свою политику, как политику блока с правым центром буржуазного, с позволения сказать, либерализма, – открыто говоря о своей вражде к черносотенцам и выражая свою вражду к левым, к демократии, посредством умолчания о каких бы то ни было блоках с трудовиками, беспартийными левыми и рабочими кандидатами.

Сказанное нами в № 28 «Звезды» в статье «Два центра» подтвердилось полностью⁷.

В России есть три *основные* политические силы и, следовательно, политические линии: черносотенцы (классовые интересы крепостников-помещиков) и «бюрократия» рядом с ними и над ними; затем либерально-монархическая буржуазия, «центр» – левый (к.-д.) и правый (октябристы); наконец, демократия буржуазная (трудовики^[46], народники, беспартийные левые) и пролетарская. Правильность именно такого и только такого деления подтверждена всем опытом первого десятилетия XX века, а это десятилетие было необыкновенно важным и богатым событиями.

⁷ См. Сочинения, 5 изд., том 20, стр. 374–376. *Ред.*

Разумеется, все грани и в природе и в обществе подвижны, в известной степени условны, изменчивы, а не мертвы. Переходные формы и колебания партий и групп, стоящих «на границе» основных делений, неизбежны, но суть дела, порожденная соотношением классовых сил в России начала XX века, несомненно, определяется именно указанным «тройственным» делением. Смещение буржуазного либерализма (к.-д. во главе его) с буржуазной демократией принесло не мало вреда русскому освободительному движению, и надо приложить все усилия, чтобы опыт великого десятилетия (1900–1910) помог всей демократии окончательно усвоить себе ошибочность и гибельность такого смещения. Перед рабочей демократией нашей эпохи стоят поэтому две, неразрывно связанные одна с другой, задачи: во-первых, самостоятельная политическая организация класса наемных рабочих, отдельная от всех хозяев и хозяйчиков, хотя бы самых демократических, и соподчиненная всему международному, мировому движению указанного класса; а во-вторых, развитие и укрепление сил русской демократии (во главе ее также неизбежно стоят рабочие, как во главе буржуазного либерализма неизбежно стоят социальные элементы типа к.-д.). Эта последняя задача не может быть выполнена без неуклонного разъяснения самым широким массам классовых корней и политического значения грани между буржуазным либерализмом (к.-д.) и буржуазной демократией (трудовики и т. п.).

Либеральная буржуазия не хочет и не может обойтись без Марковых и Пуришкевичей, господство которых она стремится лишь умерять. Буржуазная демократия и рабочие не могут не стремиться, с большей или меньшей последовательностью и сознательностью, к уничтожению всех экономических и политических основ этого господства.

Таково основное содержание избирательной кампании в IV Государственную думу с точки зрения рабочей демократии. Именно это содержание и должно быть выдвинуто на первый план в противовес кадетской политике, запутывающей умышленно все коренные принципиальные вопросы посредством общих фраз о «прогрессивности» и «оппозиционности».

Кадетско-октябристский блок не новость. Его давно предвидели марксисты, указывая на внутреннее, классовое родство обеих составных частей этого блока еще в 1905–1907 годах. В III Думе сразу определилось два большинства, и уже в конце 1907 года марксисты сделали этот вывод краеугольным камнем своей политики. Пятилетие III Думы подтвердило этот вывод. В крупных чертах состав этой Думы таков⁸:

правые	160	} 284 — первое большинство
октябристы	124	
либералы	127	} 251 — второе большинство
демократия	29	
<i>Всего</i>	440	

Все время III Дума опиралась на два эти большинства, являющиеся необходимыми составными элементами всей третьейюньской системы: первое большинство есть полное сохранение у власти «старого», — второе означает «шаг по пути» к буржуазной монархии. Первое нужно третьейюньской системе, чтобы удерживать «власть и доходы» за Марко-

⁸ Расчет составлен по данным официального «Справочника» за 1910 год (выпуск II). Правые — собственно правые — 51; националисты — 89; правые октябристы — 11; и 1/2 беспартийных — 9; либералы-прогрессисты — 39; к.-д. — 52; все национальные группы — 27; и 1/2 беспартийных — 9; демократия — трудовики — 14 и с.-д. — 15.

выми, Пуришкевичами и К^о, второе – чтобы умерять это господство и двигаться по-буржуазному вперед (по формуле: шаг вперед, два назад). Опыт показал теперь ясно, что такое движение вперед равняется застою, а «умерения» пуришкевичевщины не получается.

Целый ряд голосований III Думы был голосованием «второго большинства»; недавно «Речь» признала это определенно, говоря, что «ряд голосований» в начале последней сессии «фактически воспроизводит в Думе господство левого центра» (читай: кадетско-октябристского блока). Такие голосования возможны лишь потому, что и второе большинство, подобно первому, стоит на контрреволюционной почве: достаточно вспомнить «Вехи»^[47], или богомольные речи Караулова, или «лондонские» лозунги, чтобы иллюстрировать это.

А где результаты этих «побед» второго большинства? Где факты, подтверждающие то поистине удивительное открытие кадетской партии, что среди октябристов есть «настоящие конституционалисты»? Не свидетельствует ли это открытие о безмерном принижении в сознании кадетов понятия о «настоящем конституционализме»?

Первый и основной вопрос избирательной кампании есть вопрос о политическом содержании ее, об идейной линии, выражающейся в ней. Решение кадетской партии еще и еще раз показывает ее антидемократическую природу, ибо содержание избирательной кампании к.-д. сводится к дальнейшему принижению понятия «конституционализма» в сознании масс. Учить народ тому, что среди «левых» октябристов могут быть настоящие конституционалисты, – вот что хочет делать к.-д. партия, вот смысл ее избирательной политики.

Задача демократии иная: не принижать понятия конституционализма, а разъяснять всю фиктивность его, дондеже власть и доходы остаются у Марковых и К. Содержание избирательной кампании рабочих демократов определяется задачей выяснять отличие либерализма от демократии, группировать силы этой последней, сплачивать ряды наемных рабочих во всем мире.

Кадеты еще более отдаляются от демократии решениями своей конференции. Наша задача – собирать силы демократии против всякого средневековья и в противовес кадетско-октябристским блокам.

II. Роль рабочих выборщиков в избирательной кампании

Избирательная кампания по выборам в IV Думу открыта. Открыло ее правительство своими циркулярами насчет содействия «национальной» партии, своими «мероприятиями» насчет цензов для правительственных кандидатов и насчет устранения кандидатов оппозиции вообще и демократии в особенности.

Открыла избирательную кампанию и оппозиционная печать. Открыла эту кампанию и кадетская партия своими решениями насчет блока с «левыми» октябристами.

Рабочей демократии следует поэтому немедленно уделить величайшее внимание вопросу о выборах и заранее, не откладывая дела ни на неделю, систематически обсудить свою тактику, заранее подготовить всех и всяческих сторонников демократии к выполнению их важной и ответственной роли.

В настоящей статье мы намерены остановиться на вопросе о роли рабочих выборщиков. Разумеется, на первый план выдвигается и здесь, как и всегда, содержание работы, т. е. идейно-политическая линия кампании. Просвещение и организация рабочего класса, сплочение его в самостоятельную партию, солидарную с западноевропейскими, выяснение ему его исторических целей преобразования коренных условий товарного хозяйства и капитализма, неуклонное отграничение его партии от *всех* направлений буржуазной демократии, хотя бы «левых», народнических и т. д. – такова основная задача.

Эта основная задача одинакова для рабочей демократии всех стран. И именно поэтому применение ее к современной эпохе в одной из стран, в России, требует учета – *во имя*

этой общей задачи – особых, конкретных задач нашего времени. Из области этих задач русской рабочей демократии выдвигаются сейчас – в силу объективных условий – на первый план две, неразрывно между собою связанные, задачи. Эти задачи следующие: во-первых, ясное сознание связи ликвидаторского течения (представленного, как известно, журналами «Наша Заря» и «Дело Жизни») с широко распространенным буржуазным контрреволюционным течением, «веховством». Ясное сознание вреда от буржуазного влияния на пролетариат необходимо для преодоления этого влияния и для решения тех очередных, ближайших целей, касающихся самого *существования* рабочей демократии, которые *отрицаются* ликвидаторами. Во-вторых, это – задача организации левой демократии, при ясной размежевке демократии (буржуазной) от буржуазного либерализма. Без этого неосуществима гегемония рабочей демократии – одно из необходимых условий всякого шага вперед на пути освободительного движения вообще.

Смешение либерализма (партия к.-д.) с демократией (трудовики, «народники» левого толка) принципиально в корне фальшиво и на практике ведет к измене интересам демократии. На рабочих выборщиков ложится задача отстаивать правильное понимание освободительного движения, разъяснять классовую сущность партий (не давая себя обманывать «вывескам», громким словам и эффектным названиям), ясно разделять *правых* (от черной сотни до октябристов), буржуазных *либералов* (к.-д. и все, иже с ними) и *демократию* (буржуазные демократы суть трудовики и родственные им течения; затем марксисты представляют демократию пролетарскую).

Рабочие выборщики, в системе выборов по закону 3 июня 1907 года^[48], играют особую роль в губернских избирательных собраниях. Добиться того, чтобы *все* эти выборщики были верными, надежными представителями рабочей демократии, – такова ближайшая практическая задача.

По шести губерниям, как известно, из состава рабочих выборщиков обеспечено по одному депутату в Думу. Губернии эти: Петербургская, Московская, Владимирская, Екатеринославская, Костромская и Харьковская. Но выбор депутата производится *всем* составом губернского избирательного собрания, т. е. почти всегда *правыми* выборщиками, землевладельцами и крупными буржуа, октябристами. Чтобы обеспечить рабочих демократов в депутаты Думы, надо добиться, чтобы все без исключения рабочие выборщики принадлежали к рабочей демократии и твердо стояли на одном определенном кандидате из своей среды. Достаточно одного «перебежчика» или одного либерального, «правого» выборщика, чтобы октябристы провели именно его, вопреки большинству рабочих выборщиков!

Но рабочие выборщики имеются в составе губернских избирательных собраний не только по этим шести губерниям. Всего имеются 112 рабочих выборщиков в 44 губерниях (из 53 губерний).

Какова роль этих выборщиков? Во-первых, они должны всегда вести идейную линию, организуя демократию (в особенности крестьянскую), высвобождая ее из-под влияния либералов. Поприще деятельности тут крайне важное. Во-вторых, рабочие выборщики могут (и должны стремиться к этому) пройти в Думу при разделении голосов правых и либералов.

Поясним эту последнюю задачу примером. От Вятской губернии в III Думе два депутата с.-д.: Астраханцев и Путятин. Между тем в Вятской губернии, по закону, депутата от рабочей курии нет. Выборщиков в Вятском губернском избирательном собрании 109, из них 4 от рабочих. Каким же образом *четверо* рабочих (из 109) провели *двоих* в Думу? Вероятно, голоса в губернском избирательном собрании разделились, и либералы не могли победить правых без помощи рабочих. Вынужденные блокироваться с рабочими, либералы должны были поделиться с рабочими местами, и они провели в Думу двух с.-д. Состав депутатов Думы от Вятской губ. получился такой: 1 прогрессист, 3 кадет, 2 трудовика, 2 с.-д. – 4 либерала и 4 демократа. В этой губернии рабочие могли бы завоевать себе и три места, если бы

удалось отделить демократических выборщиков от либеральных при условии большинства первых над вторыми. Допустим, что из 109 выборщиков 54 правых (50 из 53 выборщиков от землевладельцев и 4 из 17 выборщиков от 1-го съезда городских избирателей). Допустим далее, что из остальных 55 – либералов 20 (трое землевладельцев, 13 перворазрядных горожан и 4 горожан второразрядных); демократов 35 (23 крестьянских выборщика, 8 второразрядных горожан и 4 рабочих). При таких условиях демократы должны бы получить 5 мест из 8, и рабочие могли бы добиться себе трех мест при доверии к ним крестьянской демократии.

В Уфимской губернии *все* депутатские места захвачены либералами (относя сюда и мусульман). Демократов ни одного. Между тем трое рабочих выборщиков Уфимской губ., при 30-ти выборщиках от крестьян, несомненно могли бы, при большем умении организовывать демократию, отвоевать места и трудовикам и себе.

От Пермской губ. в III Думе 6 либералов и 3 демократа, из них только один с.-д. Между тем число крестьянских выборщиков здесь 26 – из них *либералами*, которые имели большинство в губернском избирательном собрании, выбран трудовик, значит, крестьянскую курию можно считать сплошь трудовической (будь хоть один из крестьян перебежчиком от демократов к либералам, либералы выбрали бы перебежчика!). То же относится к второразрядной курии (13 выборщиков), ибо от нее тоже выбран *либералами* трудовик. Итого, значит, число демократов среди выборщиков можно принять в $26 + 13 + 5$ рабочих = 44. Всего выборщиков 120, в том числе 59 от землевладельцев и 17 от перворазрядных горожан. Если даже все, кроме демократов, либералы, то их число = 76, т. е. менее двух третей. Вероятнее, конечно, что часть выборщиков были правые. Значит, либералы захватили две трети мест в Думе, не имея двух третей выборщиков. Отсюда вытекает неизбежный вывод, что демократия, будь она сознательнее и лучше организована (а об этом надо позаботиться в первую голову рабочим!), не дала бы себя в обиду либералам. Социал-демократ Егоров выбран от Пермской губ. общим съездом выборщиков, т. е. либералами, значит, либералы *нуждались* в помощи рабочих, и рабочие делали прямую ошибку, нарушали прямо интересы демократии, оказывая эту помощь *без* того, чтобы добиться *пропорциональной* доли депутатских мест для демократии.

Мы приводим эти расчеты, подчеркивая их примерное, пояснительное значение, ибо точных данных о партийном составе выборщиков вообще и выборщиков каждой курии в отдельности у нас не имеется. В действительности дело обстоит сложнее, пестрее, чем рисуется по нашим примерным данным. Но рабочие должны усвоить себе *основные* соотношения сил в нашей «хитрой механике» третьеиюньских выборов, а усвоив главное, они сумеют разобраться и в частностях.

Две курии, наиболее демократические (после рабочей курии, конечно, которая может и должна быть сплошь марксистской, сплошь антиликвидаторской), это – курия крестьянская и второразрядная, городская. Из них первая более демократична, чем вторая, – несмотря на неизмеримо большее отсутствие свободы выборов в деревне, неизмеримо худшие условия агитации и организации у крестьян, по сравнению с горожанами.

В самом деле, особые депутаты от 2-го съезда городских избирателей выбраны в III Думу от 28 губерний. Выбрано 16 правых, 10 либералов и 2 демократа (Розанов от Саратовской губ. и Петров 3-й от Пермской). Особые депутаты от крестьян имеются по всем 53 губерниям: выбрано 23 правых, 17 либералов, 5 демократов и 8 беспартийных. Деля беспартийных поровну между правыми и оппозицией, получаем следующие сравнительные данные:

Депутаты III Думы:	От второразрядной городской курии	От крестьянской курии
правых.....	16	27
оппозиции.....	12 = 43 проц.	26 = 49 проц.

От второразрядной городской курии прошло 43 проц. депутатов оппозиции, а от крестьянской – 49 проц. Если принять во внимание, что крестьянские депутаты III Думы внесли, как известно, аграрный законопроект, который по содержанию своему *демократичнее* кадетского, причем подписались под этим законопроектом и беспартийные и *правые* крестьяне^[49], то станет ясно, что в действительности демократизм крестьянской курии *еще больше* превышает демократизм второразрядной городской курии, чем это видно из наших данных.

Значит, больше всего внимания рабочие вообще и рабочие выборщики в особенности должны обратить именно на крестьянскую курию и на крестьянских выборщиков. Как организаторы демократии, рабочие должны действовать в первую голову среди крестьян, затем среди второразрядных горожан. В обеих этих куриях смешение либералов с демократами особенно сильно, особенно часто наблюдается, особенно усердно культивируется кадетами, которые прямо обманывают политически неразвитых людей, пользуясь своей «парламентской» опытностью «дельцов» и своей «демократической» кличкой («конституционные демократы», «партия народной свободы»), прикрываящей *антидемократическую*, *веховскую*, контрреволюционную, сущность.

Идейно-политическая задача рабочих в данный момент русского освободительного движения состоит в организации демократии. Этой задаче должна быть подчинена избирательно-техническая деятельность. Отсюда – главное внимание на крестьянскую, затем на второразрядную городскую курию. В губернском избирательном собрании первая задача рабочего выборщика – сплочение демократов. Чтобы выставить свою кандидатуру, нужно иметь три голоса: необходимо найти двух демократов из крестьян, а в крайнем случае убедить двух либералов, которые ничем не рискуют, выставляя кандидатуру рабочего. Демократы должны в губернских избирательных собраниях блокироваться с либералами против правых. Если такой блок сразу не может состояться (в большинстве случаев, вероятно, бывает именно так в силу незнакомства выборщиков друг с другом), то демократы должны сначала проваливать с либералами правых, *с правыми либералов*. Тогда ни те, ни другие пройти не могут (при условии, что ни правые, ни либералы не имеют одни абсолютного большинства; если нет этого условия, то демократам в Думу не попасть). На основании ст. 119 положения о выборах назначается перерыв. Демократы, подсчитав результаты голосований, блокируются с либералами, имея уже точные данные и добиваясь пропорционального дележа депутатских мест. *При этом необходимо, чтобы сначала либералы выбирали демократа, а не наоборот*, ибо вся история и весь опыт Европы свидетельствует, что либералы часто обманывали демократов, демократы же никогда не обманывали либералов.

Зная, какие курии дают демократов, умея отделять демократов от либералов, рабочие выборщики в 44-х губерниях могут сыграть *громадную* роль и в деле организации демократии вообще, и в деле проведения в Думу большого числа рабочих демократов и буржуазных демократов (трудовиков). Теперь первых 15, вторых 14. При правильной тактике рабочих можно добиться, в случае благоприятном, удвоения числа тех и других. Либералам обеспечена в IV Думе сильная группа, человек в 100 и свыше, «ответственной», способной блокироваться с октябристами, «оппозиции» (лондонского типа). Надо добиваться, чтобы оппози-

ция действительно демократическая, а не веховская, составила группу в несколько десятков человек, и этого можно добиться.

Закон дает рабочим право избирать выборщиков в 44 губерниях. Сознательные рабочие на каждой фабрике должны немедленно ознакомиться с законом, обдумать свои задачи и свое положение, озаботиться о том, чтобы выборщиками от них были настоящие рабочие демократы, а не ликвидаторы.

Сто двенадцать рабочих выборщиков, если их провести именно таким образом, сознательно, заботливо, систематично, могут принести громадную пользу и в деле сплочения рабочего класса, стремящегося к великим, мировым целям повсюду в Европе, и в деле организации демократии в России.

Время не ждет. На всякого сознательного рабочего ложится трудная, но трижды благодарная задача.

III. Крестьянство и крестьянские выборщики в избирательной кампании

В предыдущей статье («Звезда» № 34) мы говорили о роли рабочих выборщиков в избирательной кампании⁹. Итог наших рассуждений был тот, что главная задача рабочей демократии двоякая: сплочение класса наемных рабочих и развитие его сознания, понимания его великих исторических целей, а затем организация демократии.

Перейдем к разбору вопроса о непролетарской, т. е. буржуазной, демократии. Какова ее главная классовая опора в России? в чем ее особенности? ее ближайшие задачи? какова роль на выборах?

Главная классовая опора буржуазной демократии в России есть крестьянство. Положение громадной массы его настолько тяжелое, гнет помещичьего землевладения над ним так силен, экономические условия так отчаянно плохи, бесправие так необычайно велико, что демократические настроения и стремления порождаются в этой среде с неуловимой, стихийной неизбежностью. Такого выхода из этого положения, какой рисуется либеральной буржуазии (с кадетской партией во главе ее), именно: раздел власти с Пуришкевичами, совместное господство Пуришкевичей и Гучковых (или Милюковых) над массами, – этого выхода для миллионов крестьян быть *не может*. Вот почему именно классовое положение крестьянства, с одной стороны, крупной буржуазии, с другой – неминуемо порождает глубокую разницу между демократизмом и либерализмом.

Полной определенности того и другого политического направления, полной сознательности обыкновенно не бывает, но *тяготение* крестьян к демократизму, буржуазии – к монархическому либерализму есть факт, доказанный окончательно столь богатым событиями первым десятилетием XX века в России. Не только в освободительном движении 1905 года, не только в этих первых Думах крестьянская масса показала себя демократической, но даже и в господской III Думе *сорок три* крестьянских депутата, в том числе правые и беспартийные, внесли земельный проект, более демократический, чем кадетский.

Вообще земельный вопрос есть главный вопрос современного русского крестьянства. В Европейской России менее чем 30 000 помещиков владеют 70 миллионами десятин земли, и почти столько же находится у 10 миллионов беднейших крестьянских дворов. С одной стороны, в среднем по 2300 десятин на хозяйство, с другой – по семи. Экономический результат, на данном уровне исторического развития России, не мог быть иной, как самое широкое распространение всяческих видов «отработочного» хозяйства, т. е. пережитков старой бар-

⁹ См. настоящий том, стр. 41–48. *Ред.*

щины. Крестьянская кабала, нищета, давно уже нигде не виданная в Европе, и средневековые голодовки – вот последствия этого.

Кадетская буржуазия хочет решить аграрный вопрос по-либеральному, сохраняя помещику землевладения, выкупая часть земель по «справедливой оценке», давая перевес помещикам над крестьянами в учреждениях, осуществляющих «реформу». Крестьяне не могут не склоняться к демократическому решению аграрного вопроса. Это демократическое решение нисколько не затрагивает и не может затронуть – даже при полном переходе всей земли к крестьянству без выкупа – основ капиталистического общества, власти денег, товарного производства, господства рынка. Крестьянам дело рисуется большею частью довольно туманно, и народники создали целую идеологию, целое учение, представляющее этот туман в виде чего-то «социалистического», – тогда как ничего социалистического в наиболее даже радикальном аграрном перевороте нет.

Но чем шире и сильнее становится крестьянское движение, тем на практике меньше значение этого тумана, тем больше выступает действительное, демократическое, содержание крестьянских земельных стремлений и требований. И в этой области, и еще более в области вопросов политических, всего важнее роль рабочей демократии, ее борьба против подчинения крестьян либеральному руководству. Не будет преувеличением сказать, что все успехи русской демократии вообще – и в прошлом, и в будущем – неразрывно связаны с переходом политического руководства крестьянством к рабочей демократии от либералов. Без такого перехода невозможны сколько-нибудь серьезные успехи демократии в России.

Избирательный закон 3-го июня 1907 г., как известно, всего больше «разгромил» выборные права именно крестьян. Достаточно напомнить, что число выборщиков от землевладельцев этот закон увеличил с 1952 до 2594, т. е. на 32,9 %, а число выборщиков от крестьян и казаков уменьшил более чем вдвое: с 2659 до 1168, т. е. на 56,1 %. Кроме того, по закону 3-го июня, депутаты в Думу от крестьянской курии (официальное название: «от съездов уполномоченных от волостей») выбираются не крестьянскими только выборщиками, как прежде, а всем составом губернских избирательных собраний, т. е. большинством помещиков и крупных капиталистов.

При таком порядке крестьянские демократы (трудовики) могут обеспечить себе места в Думе только при условии, если *все* без исключения выборщики от крестьян будут трудовиками. Тогда правые помещики будут вынуждены проводить от крестьянской курии трудовиков, – подобно тому, как от рабочей курии они вынуждены были проводить социал-демократов. Но, разумеется, сплоченность, организованность, сознательность крестьян гораздо ниже, чем у рабочих. В этой области остается еще мало початый угол серьезной и благодарной работы политического воспитания. Именно на эту область и должно быть обращено главное внимание всех демократов и всех «идущих в другие классы населения»¹⁰ марксистов, а не на область перемигивания и заигрывания с контрреволюционными либералами (кадетами), область, излюбленную ликвидаторами из «Нашей Зари» и т. п.

Мы уже отметили прошлый раз, что крестьянская курия на выборах в III Думу оказалась наиболее демократичной из непролетарских курий. От крестьянской курии прошло в III Думу 26 депутатов оппозиции из 53, т. е. 49 %, тогда как от второразрядной городской курии (от «2-го съезда городских избирателей») только 12 из 28, т. е. 43 %. Демократов прошло в III Думу от крестьянской курии 5 из 53, т. е. 10 %, а от второразрядной городской курии 2 из 28, т. е. 7 %.

Интересно рассмотреть, от скольких губерний и при каком составе депутатов по всей губернии прошли в III Думу представители оппозиции от крестьянской курии. Из 53 губерний, посылающих в Думу по одному обязательному депутату от крестьянской курии, 23

¹⁰ См. Сочинения, 5 изд., том 6, стр. 129. *Ред.*

послали от нее *правых* (включая октябристов), затем 17 губерний дали *либералов* (к.-д., прогрессисты и мусульмане) и только пять губерний дали *демократов* (трудовиков). От 8 губерний прошли беспартийные крестьяне.

Рассматривая дело ближе, мы видим, что *ни одна* губерния с преобладанием правых депутатов не пропустила в III Думу ни одного демократа от крестьянской курии. Демократы (трудовики) прошли исключительно по губерниям, в которых нет ни одного правого депутата. Эти пять губерний, Архангельская, Вятская, Пермская, Ставропольская и Томская, дали всего в III Думу 15 либералов, 8 трудовиков и 3 социал-демократа. Едва ли можно сомневаться в том, что при большей сознательности и организованности крестьян и рабочих в этих губерниях удалось бы увеличить число демократов на счет либералов.

Здесь уместно будет, пожалуй, отметить, что всего мы насчитали 24 губернии с преобладанием депутатов оппозиции в III Думе над правыми; в 18 губерниях из этих 24 прошли в Думу исключительно депутаты оппозиции. Эти 24 губернии послали в Думу 9 правых депутатов, 2 беспартийных, 55 либералов, 14 трудовиков и 8 социал-демократов. Поприще, как видит читатель, довольно широкое для увеличения числа демократических депутатов на счет либеральных и вообще для вырывания мелкой буржуазии и крестьянства из-под влияния либералов.

Небезынтересно отметить далее, что из 17-ти губерний, давших в Думу от крестьянской курии либералов, в десяти губерниях правые депутаты преобладают над оппозиционными. Приходится предположить, что среди крестьянских выборщиков этих губерний, по общему правилу, *вовсе не было правых*, ибо иначе их бы и выбрало правое большинство губернских избирательных собраний...

Задачи рабочей демократии по отношению к крестьянству на выборах ясны. Надо нести чисто классовую проповедь в среду пролетаризирующегося крестьянства. Надо помочь сплочению крестьян на выборах, чтобы и на основе избирательного закона 3-го июня они могли создать *свое* – возможно более солидное – представительство в IV Думе, вопреки препятствиям как со стороны приверженцев старого строя, так и со стороны либералов. Надо стремиться к упрочению гегемонии рабочей демократии и разьяснять весь вред колебаний крестьянской демократии в сторону либерализма.

IV. Выводы из практики третьедумских выборов

Для конкретного определения задач рабочей демократии во время выборной кампании мы считаем полезным рассмотреть возможно более подробно данные о выборах в III Думу по нескольким отдельным губерниям. Такое рассмотрение, во-1-х, поможет яснее понять и тверже усвоить сложную и запутанную избирательную систему 3-го июня, а во-2-х, – оно даст всем работникам избирательной кампании самое конкретное представление об их положении, как демократов, об «обстановке», в которой приходится действовать. Изучение данных по каждой губернии местными демократами пополнит наши материалы, исправит их и заинтересует сейчас же всех и каждого, кто сознает свою обязанность участия в выборах для политического просвещения наемных рабочих и для организации демократии.

Возьмем для примера хотя бы Казанскую губернию. Ее представляют в III Думе 10 депутатов, поровну разделяющиеся между правыми и оппозицией: 5 правых (в том числе 4 октябриста и 1 националист) и 5 либералов (в том числе 1 прогрессист, 2 кадета и 2 мусульманина). Ни трудовиков, ни с.-д. нет.

Между тем данные относительно Казанской губернии таковы, что они заставляют признать шансы демократии здесь довольно серьезными. Правые избраны: один от съезда землевладельцев (Сазонов), трое октябристов от 1-го и 2-го съездов городских избирателей (в том числе один из заядлых контрреволюционеров г. Капустин от 2-го съезда городских изби-

рателей) и *один* октябрист от общего съезда выборщиков. Либералы выбраны: 1 от съезда землевладельцев, 1 от крестьян (кадет Лунин) и *трое* от общего съезда выборщиков.

Судя по тому, что от общего съезда выборщиков прошло три либерала и один правый, либералы были в большинстве в губернском избирательном собрании, но большинство это было не прочное: иначе не пропустили бы ни одного правого от общего съезда выборщиков. На непрочность либерального большинства указывает, по-видимому, и то обстоятельство, что от землевладельцев выбраны один прогрессист и один правый: последнего не должны бы были пропускать, будь либеральное большинство прочным.

Состав выборщиков в Казанской губернии по куриям следующий: всего 117; в том числе от крестьян 33, от землевладельцев 50, от 1-го съезда городских избирателей 18, от 2-го 14 и от рабочих 2. Следовательно, землевладельцы вместе с горожанами 1-й курии составляют большинство ($50 + 18 = 68$ из 117); – известно, что по закону 3-го июня во всех губерниях *обеспечено* либо такое большинство, либо еще более «надежное», т. е. из одних только землевладельцев (одна землевладельческая курия знает абсолютное большинство выборщиков в губернское избирательное собрание).

Либералы отвоевали себе половину мест в Думе благодаря тому, что среди землевладельцев, видимо, они представлены очень сильно. Среди горожан, наоборот, царят как будто бы правые почти безраздельно: без такого допущения трудно объяснить, каким образом, при либеральном большинстве в губернском избирательном собрании, от обоих городских съездов прошли правые. Кадеты вынуждены были проводить правых. При отмеченной выше непрочности либерального большинства среди выборщиков, для рабочей демократии открывается удобное поле действия: использовать раздоры среди помещиков и капиталистов для организации сил демократии вообще и проведения в Думу с.-д. и трудовиков в частности.

Если бы, например, среди выборщиков было 57 правых и столько же либералов при 3-х демократах (в том числе два рабочих с.-д. и один трудовик крестьянин), то даже этой тройки было бы достаточно, чтобы провести с.-д. в Думу, – не говоря уже о той благодарной задаче демократического собирания сил, которая открывалась бы перед этой тройкой при наличии 33-х выборщиков от крестьян. Мы взяли тройку, как минимум, необходимый по закону (ст. 125 положения о выборах) при выставлении кандидатов посредством записок: кандидаты, получившие по запискам менее трех голосов, баллотировке не подвергаются. Само собой разумеется, эта требуемая законом тройка могла бы состояться присоединением к демократу либералов, если только последние не «спрогрессируют» (в «веховском» направлении) до того, чтобы даже в губернском избирательном собрании предпочесть социал-демократу октябриста.

При равенстве сил у правых и у либералов даже одного демократа достаточно, чтобы, голосуя с правыми против либералов и с либералами против правых, не пропустить никого в Думу, добиться этим (на основании ст. 119 положения о выборах) перерыва, – продолжительность которого, по указанной статье, определяется самим собранием, но не может превышать 12 часов, – и организовать затем соглашение либералов и демократов под условием проведения последних в Думу.

Пример Казанской губернии может иллюстрировать две возможные линии рабочей политики на выборах в IV Думу (а следовательно, и линии рабочей политики *вообще*, ибо политика на выборах есть лишь применение к частному случаю общей политики). Первая линия: голосовать, по общему правилу, за более прогрессивного кандидата, без всяких дальнейших определений. Вторая линия: организовать демократию, используя для этого антагонизм правых и либералов. Идейное значение первой линии – пассивное подчинение гегемонии кадетов; практический результат этой линии в случае успеха: увеличение октябристско-кадетского большинства в IV Думе на счет правооктябристского большинства (при возможном *уменьшении* демократического меньшинства). Идейное значение второй линии:

борьба против гегемонии кадетов над крестьянами и над буржуазной демократией вообще; практический результат этой линии в случае успеха: увеличение и сплочение, укрепление группы демократов в IV Думе.

Первая линия на практике свелась бы к линии либеральной рабочей политики. Вторая есть марксистская рабочая политика. К более подробному выяснению значения той и другой линии нам еще неоднократно придется вернуться.

«Звезда» №№ 33, 34, 36 и 1 (37); 10, 17, 31 декабря 1911 г. и 6 января 1912 г. Подпись:
Вильям Фрей и В. Фрей

Печатается по тексту газеты «Звезда»

Старое и новое

Статья Ник. Николина в № 29 «Звезды» под характерным заглавием: «Новое в старом» поднимает ряд чрезвычайно интересных и важных вопросов. Дискуссия по этим вопросам, несомненно, желательна в интересах выяснения точной, ясной и определенной линии поведения сторонников российской рабочей демократии.

Главным недостатком статьи Ник. Николина является крайняя неопределенность многих его положений. Если автор говорит, не поясняя своих слов, что он, «быть может, во многом не согласился» бы со мной, то я, с своей стороны, должен сказать, что у Н. Николина нет положений, вызывающих разногласия, ибо нет вообще договоренных положений.

Например, Н. Николин решительно восстает против людей, которые полагают, что «наше теперешнее положение... приблизительно такое же, что и в начале 1900-ых годов». Он толкует подобный взгляд в том смысле, что люди отрицают *новое* в старом. Разумеется, они неправы, если они отрицают это. Разумеется, Н. Николин тысячу раз прав, что в старом есть новое, которое надо уметь учесть, уметь использовать. Но каково именно это новое, как именно его учесть и т. д., этого не говорит Николин, – а, с другой стороны, из его цитаты не видно, что именно разумеют его оппоненты под словом «приблизительно». Если учесть новое в старом так, как учили его русские марксисты ровно три года тому назад, оценивая политическое положение, создавшееся после трехлетия бури и натиска (т. о. после 1905–1907 годов), то, по моему мнению, не было бы неправильно сказать: «наше теперешнее положение *приблизительно* такое же, что и в начале девятисотых годов». Если же подобное положение выставляется без предварительной, точной, ясной, определенной оценки момента и оценки задач, тогда оно, конечно, неверно.

Старые задачи, старые методы их решения, новые приемы подготовки к решению – вот как можно бы было, на мой взгляд, передать приблизительно ответ, данный три года тому назад. Участие в III Думе, которое так горячо и так правильно защищает Ник. Николин, представляется, с точки зрения этого ответа, *безусловно* необходимым. То «течение», которое отрицает это участие или до сих пор колеблется прямо, ясно, без всяких обиняков высказаться за участие в III Думе, всуе приемлет имя рабочей демократии. На деле это течение стоит вне ее, будучи «законным оттенком» анархистского круга идей, а отнюдь не марксистского.

Возьмем вопрос о «надстройке». «Раньше могло казаться, – пишет Ник. Николин, – что бюрократия является единственным и главным врагом «всей России», – теперь этого уже никто не думает... Мы знаем достаточно хорошо, что Марковы, Крестовниковы, Волконские, Пуришкевичи, Гучковы, Хомяковы, Авдаковы и пр. – все это представители той социальной среды, откуда бюрократия почерпает свои силы и получает мотивы для своей деятельности».

Вполне верно и чрезвычайно ценно здесь подчеркивание Ник. Николиным связи «бюрократии» с верхами торгово-промышленной буржуазии. Отрицать эту связь, отрицать буржуазный характер современной аграрной политики, отрицать вообще «шаг по пути превращения в буржуазную монархию» могут только люди, совершенно не вдумывавшиеся в то новое, что принесено первым десятилетием XX века, совершенно не понимающие взаимозависимости экономических и политических отношений в России и значения III Думы.

Но недостаточно признать связь, надо указать точно конкретный характер этой связи. Шаг по пути превращения в нечто новое несколько не устраняет старого, скажем, «бюрократического» строя с его громадной самостоятельностью и независимостью, с его толмачевски-рейнботовским (и пр., и пр.) «своеобразием», с его финансовой бесконтрольностью. «Почерпая силы» от поддержки верхов буржуазии, бюрократия рекрутируется *не* из них, а

из старого, совсем старого, не только дореволюционного (до 1905 г.), но и дореформенного (до 1861 г.) помещного и служилого дворянства. «Получая мотивы для своей деятельности» в значительной степени от верхов буржуазии, бюрократия дает чисто крепостническое, исключительно крепостническое *направление и облик* буржуазной деятельности. Ибо, если есть разница между буржуазностью прусского юнкера и американского фермера (хотя оба они, несомненно, буржуа), то не менее очевидна и не менее велика разница между буржуазностью прусского юнкера и «буржуазностью» Маркова и Пуришкевича. По сравнению с этими последними прусский юнкер прямо-таки «европеец»!

Забвение громадной самостоятельности и независимости «бюрократии» есть главная, коренная и роковая ошибка, например, М. Александрова в его известной книжке, а Н. Р—ков в № 9–10 ликвидаторской «Нашей Зари» доводит эту ошибку до абсурда. Точное определение того, насколько осталось в области так называемого «бюрократического» строя старое и какое именно изменение, вернее: видоизменение, внесено «новым», дано только в вышеуказанном, три года тому назад данным, ответе.

Отнюдь не отрицая «искания иных путей и средств», придавая громадное значение обсуждению, вторичному и повторному, обсуждению прямых ответов на проклятые вопросы, я не могу, однако, не протестовать против той контрабанды, которую проводят, например, ликвидаторы под флагом «исканий». Очевидно, что разногласия между «ищущим» Н. Р—ковым и «ищущими» Потресовыми, Ежовыми, Чацкими суть разногласия, касающиеся *частностей* либеральной рабочей политики. Все эти «ищущие» стоят на почве именно либеральной, а не марксистской рабочей политики! Одно дело «искать путей» и обсуждать их, с точки зрения марксизма, в книгах, журналах и т. п., – другое дело выступать с определенными ответами в практически руководящих органах.

Возьмем вопрос о «романтизме». Осуждая романтизм, как безнадежно отжившее «старое», Ник. Николин приводит пример: «либералу казалось, что он выступает в роли защитника всех угнетенных, а социалисту, что за ним стоит вся мыслящая и трудовая Россия». Пример относится к непониманию классовой борьбы, и, конечно, Николин вполне был бы прав, если бы сказал, что подобный «социалист» – очевидно, народник – на деле вовсе не социалист, а *демократ*, облекающий свой демократизм псевдосоциалистической фразеологией. Но, говоря о романтизме, нельзя обходить господствующее в наиболее распространенной, именно: либеральной, печати, веховское, т. е. контрреволюционное, толкование этого термина. Нельзя не восстать против такого толкования. Нельзя не отметить того «нового», что либерализм создал в России либеральное веховское направление, от которого гг. Милюковы отрекаются чисто словесно, чисто дипломатически, ведя на деле веховскую политику.

Отсюда первостепенной важности и практический вывод: межа между либерализмом и демократией должна быть, на основании «нового» опыта первых десяти лет XX века, проведена яснее. «Смешивать либеральную оппозицию с реакцией», конечно, абсурд, но этого вывода (делаемого Николиным) без вывода, указанного мной сейчас, решительно недостаточно.

Вообще, именно на выводах Ник. Николина сказался его основной грех неопределенности и недоговоренности. Возьмите его первый вывод: «одинаково вредно как безрассудное увлечение старыми способами действия, так и резко отрицательное к ним отношение». Этот вывод, по-моему, не диалектический, а эклектический. Безрассудное безрассудно и поэтому всегда и безусловно вредно; об этом нечего и говорить. Чтобы придать этой части вывода живое, диалектическое, значение, надо бы сказать, примерно: попытка оправдать отказ от участия в III или IV Думе ссылкой на старые способы действия была бы величайшей ошибкой, пустой фразой, бессодержательным выкриком, – несмотря на то, а вернее: именно потому, что необходимо резко положительное отношение к этим способам.

Мимоходом, не имея возможности останавливаться на этом вопросе дольше, я отметил таким образом, как следовало бы, на мой взгляд, исправить вторую часть цитированного мною вывода.

*«Звезда» № 33, 10 декабря 1911 г. Подпись: **В. Ильин***

Печатается по тексту газеты «Звезда»

Совещание заграничных большевистских групп^[50]. 14–17 (2 7–30) декабря 1911 г.

Проект резолюции по докладу о положении дел в партии и предложение об уставе Заграничной организации впервые напечатаны в 1933 г. в Ленинском сборнике XXV; резолюция о Российской организационной комиссии по созыву конференции – 12 января 1912 г. в «Извещении» Комитета заграничной организации

Печатается по рукописям; резолюция о РОК по созыву конференции – по тексту «Извещения»

1. Проект резолюции по докладу о положении дел в партии

Организация партийных с.-д. сил за границей и задачи большевиков

Состояние с.-д. организаций за границей в настоящее время до крайности ненормально.

Начиная с 1908 года, когда с.-д. издательство стало все более передвигаться за границу, и до пленума, за границей существовал во всех важнейших центрах полный организационный раскол в силу полного отделения от партии меньшевистских групп.

Пленум (января 1910 г.) сделал попытку создать единство на основе единогласно утвержденной им антиликвидаторской и антиотзовистской линии, причем был сделан особенно энергичный призыв к установлению полного единства за границей.

На деле, однако, в силу невыполнения условий пленума ликвидаторами и отзовистами, после пленума нигде не последовало объединения заграничных групп. Напротив, получился еще больший распад, ибо фактически обособились впередовцы от большевиков, плехановцы от меньшевиков. Параллельные, – «первые» и «вторые» или меньшевистские и большевистские, – группы продолжали существовать по традиции, на деле отнюдь не объединяя сколько-нибудь солидарные и способные вести совместную с.-д. работу элементы.

В настоящее время фактически за границей существуют фракционно обособленные – связанные между собой чисто формально, а зачастую вовсе не связанные – большевистские, «примиренческие», впередовские, «голосовские» и «плехановские» группы, совершенно независимые друг от друга, ведущие различные идейные линии и имеющие обособленные связи с теми или иными с.-д. элементами в России.

Образование РОК в России силами большевиков и партийных меньшевиков и энергичный приступ этой коллегии РОК к созыву общепартийной конференции РСДРП создает решительный перелом в истории партии и указывает единственно возможный и наметившийся жизнью выход из состояния дезорганизации и распада.

Фактически работу действительно социал-демократическую вели после пленума – особенно дружно в течение 1910 г. – только большевики и партийные меньшевики. Голосовцы не представляют из себя ровно ничего, кроме заграничного отделения русской ликвидаторской группы «Дела Жизни» и «Нашей Зари», поставившей себя вне партии, а заграничная группа «Вперед», продолжая прикрывать отзовизм и вести через своего лидера Луначарского религиозную пропаганду, ведет совершенно несоциал-демократическую работу.

Теперь РОК, созданная большевиками и партийными меньшевиками и поддержанная почти всеми местными с.-д. организациями в России, является фактически единственным и вполне правомочным центром с.-д. партийной работы.

Объединяясь в единую заграничную с.-д. организацию большевиков, совещание возлагает ответственность за продолжающийся раскол за границей на те группы, которые не

желают поддерживать русского центра, РОК, или продолжают «игру в соглашение» оторвавшихся от России, поддерживая этим несоциал-демократические, оторвавшиеся от русской работы.

Большевистская организация за границей по-прежнему будет употреблять все усилия, чтобы привлекать, без различия течений, всех социал-демократов, готовых поддерживать РОК и вести партийную, т. е. антиликвидаторскую и антиотзовистскую (а равно антибожественную) линию, [чтобы они] присоединились к ней и слились в единую партийную организацию.

Борьба с ликвидаторским и отзовистским течениями, – борьба с распадом безыдейных заграничных групп – содействие сплочению всех действительных с.-д. партийцев и партийцев меков в особенности – содействие РОК, – такова практическая задача заграничной партийной организации. Органами, которые должны поддерживать партийцы, мы считаем *одновременно* Центральный Орган и «Рабочую Газету», ибо отстранение (заграничных) партийцев меков не может быть оправдано ничем и никакого изменения *линии*, соответствующей партийным решениям, в указанных органах нет.

Написано в декабре, не позднее 14 (27), 1911 г.

2. Предложение об уставе заграничной организации^[51]

Выбирая Комитет заграничной организации для заведования делами Заграничной организации, совещание передает ему проект устава со всеми замечаниями, поручая Комитету опросить группы и утвердить устав окончательно путем такого опроса.

Написано 16 (29) декабря 1911 г.

Ленин

3. Резолюция о российской организационной комиссии по созыву конференции^[52]

Совещание констатирует, что партия давно уже, в течение не менее как двух лет, признает неотложнейшую необходимость созыва партийной конференции. В настоящее время сделан наконец, вопреки всяческим препятствиям, решительный шаг к осуществлению этого дела. В России образована РОК, поддержанная всеми местными организациями (Киевской, Бакинской, Тифлисской, Екатеринославской, Екатеринбургской, С.-Петербургской, Московской, Николаевской, Саратовской, Казанской, Виленской, Двинской, Нижегородской, Сормовской, Самарской, Тюменской, Ростовской и др.).

Совещание приветствует образование РОК и заявляет, что всеми силами поддерживать ее есть долг каждого партийца.

Написано 17 (30) декабря 1911 г.

Принципиальные вопросы избирательной кампании

I

Выборы в IV Думу уже не за горами, и вопрос об избирательной кампании естественно становится на очередь дня. Нечего и говорить, что какие бы то ни было колебания относительно того, необходимо ли с точки зрения марксизма участие в выборах, совершенно недопустимы: не внутри пределов марксизма и рабочей партии, а лишь *вне* пределов и первого и второй могут быть признаны «законными» оттенки взглядов, отрицательно или неопределенно, или даже безразлично относящиеся к участию. Эту элементарную истину, уже много лет тому назад (с конца 1907 г.) доказанную и подтвержденную опытом, как-то, пожалуй, неловко повторять, но ее приходится повторить, ибо худшим злом для нас является теперь распад и разброд. А этот разброд и распад поддерживают не только те, кто дает неопределенные или уклончивые ответы на элементарные вопросы, но и те, кто по дипломатии, безыдейности и т. п. защищает неопределенность и уклончивость.

Выборы в Государственную думу естественно заставляют всех марксистов, всех участников рабочего движения напрячь силы для самой энергичной, упорной, инициативной работы во всех областях этого движения. Те ответы на вопросы о принципиально-программном, политическом, организационном содержании и направлении этой работы, которые выработаны в течение последних лет, должны найти теперь себе непосредственное практическое применение в специальной области «выборной» деятельности.

Мы нарочно говорим о выработанных уже ответах. Смешно было бы думать, в самом деле, что теперь, за несколько месяцев или хотя бы даже за год до выборов, можно успеть «найти» ответы, если они не найдены еще, не обдуманы, не проверены опытом деятельности за несколько лет. Речь ведь идет об ответах на *все* «проклятые вопросы», касающиеся и общего мирозерцания, и оценки предыдущего, необыкновенно богатого событиями, периода русской истории, и оценки переживаемого периода (определившегося в основных чертах не позже как с 1908 г.), и задач политических и организационных, которые решались так или иначе всяким участником рабочего движения за последние, скажем, четыре года. Применить выработанные ответы и приемы деятельности к данной особой отрасли работы, к выборам в IV Думу, вот о чем только и может идти теперь речь; говорить о том, что «в процессе выборной кампании, т. е. одной из отраслей деятельности, могут быть выработаны ответы на вопросы, касающиеся *всех* отраслей деятельности, касающиеся не только 1912 года, а всего периода, начиная с 1908 года», говорить об этом значило бы утешать себя иллюзиями или прикрывать, оправдывать царящий разброд и распад.

Речь идет об ответе на вопросы прежде всего программные. Что дало в этом отношении последнее четырехлетие русской жизни? Все и каждый должны будут признать, что оно не дало никаких попыток пересмотра, или исправления, или дальнейшей разработки старой программы марксистов в ее принципиальной части. Характерным для «текущего момента», – его вернее бы было во многих отношениях назвать «застойным» или «гнилым» моментом, – является презрительное махание рукой на программу и стремление всячески укоротить, урезать ее *без* малейшей попытки прямого, решительного пересмотра. «Ревизионизм», в его специфическом значении буржуазного оскотления марксистских истин, характерен для переживаемой эпохи не как боевой ревизионизм, поднимающий «знамя восстания» (хотя бы даже так, как это делал Бернштейн в Германии около 10 лет тому назад, а в России Струве лет 15 назад или Прокопович несколько позже), а как трусливое, прячущееся отречение, часто оправдываемое «практическими», главным образом, будто бы прак-

тическими, соображениями. Преемники и продолжатели «дела» Струве и Прокоповича, гг. Потресовы, Масловы, Левицкие и К^о, «участвовали» в царящем разброде и поддерживали его (как с другой стороны Юшкевич, Богданов, Луначарский и т. д.) посредством большей частью робких и несистематичных попыток выбросить за борт «старый» марксизм и заменить его «новым» буржуазным учением. Теоретические вопросы не случайно, не по капризу «групп» выдвинулись на одно из первых мест в последнее четырехлетие. К числу «пустяков» относили эти вопросы, хотя бы в той или иной их части, только люди, боязливо отрекающиеся от старого. И теперь, если говорить о защите программы и мирозозерцания марксизма в связи с выборной кампанией, в «процессе» выборной кампании и т. д., – если говорить об этом не только для выполнения «казенной» обязанности и не для того, чтобы ничего не сказать, то учитывать следует не слова, не обещания, не заверения, а именно *опыт* пережитого четырехлетия. Оно показало нам фактически еще и еще раз целый ряд «ненадежных попутчиков» марксизма в нашей интеллигенции (зачастую желающей быть марксистской), оно научило недоверию к таким попутчикам, оно *подняло* в умах думающих рабочих значение марксистской теории и марксистской программы в неурезанном ее виде. Есть область вопросов, в которых программа сближается с тактикой и переходит в нее. Эти вопросы, разумеется, во время избирательной кампании приобретают гораздо большее непосредственное практическое значение. По этим вопросам дух отречения и разброда проявил себя несравненно сильнее. Старые задачи отпадают, говорили одни, ибо в России уже, в сущности, власть стала буржуазной. Развитие России отныне, заявляли другие, может идти, подобно германскому или австрийскому после 1848 года, без всяких «скачков». Идея гегемонии рабочего класса устарела, говорили третьи, марксисты должны стремиться «не к гегемонии, а к классовой партии» и т. д.

Нечего и говорить, что ни одного, буквально ни единого, вопроса тактики нельзя решить, нельзя осветить сколько-нибудь цельно, полно, связно без разбора этих идей, справедливо названных «ликвидаторскими» и связанных неразрывно с широким потоком буржуазного общественного мнения, поворачивающего вспять от демократизма. Кто сколько-нибудь присматривался к практической жизни, тот знает, что разброд в области этих вопросов во сто раз сильнее, чем видно по литературе. Иначе и не может быть, конечно, в годы, следующие за событиями конца 1905 и 1906–1907 годов. Но чем «естественнее» (в буржуазной обстановке) этот распад, тем настоятельнее и насущнее для марксистов задача всесторонней и упорной борьбы с ним.

В такие периоды, как последнее четырехлетие в России, распад и отречение были свойственны всем странам: бывало и так, что не оставалось даже групп, а были лишь отдельные лица, на десять и более лет умевшие в подобной обстановке «высоко держать знамя», хранить идеи преемственности, применять эти идеи впоследствии в сильно измененной социально-политической обстановке. В России дело еще не так плохо, ибо в «наследство» осталась нам и программа и *оформленные* ответы на основные тактические и организационные вопросы «момента». Ликвидаторское течение, отрекаясь от этого ответа, не в состоянии противопоставить ему ничего, абсолютно ничего похожего на точный и ясный ответ.

Выборная кампания есть приложение определенного решения политических вопросов к сложной пропагандистской, агитационной, организационной и т. д. деятельности. Нельзя подступиться к этой кампании, не имея определенного решения. И тот оформленный ответ, который с 1908 года дан марксизмом, вполне подтвердил себя опытом четырех лет. Новое, буржуазное, содержание аграрной политики правительства; организация помещиков и буржуазии в III Думе; поведение даже самой «левой» из буржуазных партий – кадетской, столь ярко освещенное «лондонской» поездкой, и далеко не сию одной; идейные течения «веховского» типа, имевшие громадные успехи в «образованном» обществе, все это показало ясно, что старые задачи не решены, но подход к их решению идет в новой обстановке, более бур-

жуазной, при систематическом повороте буржуазии *от* демократизма к «оппозиции» ответственной, партийной, «лояльной» и т. д. Новая обстановка, новые приемы подготовки к старому решению старых проблем; большая ясность раскола между демократией и антидемократичной либеральной буржуазией; – вот основные черты оформленного ответа марксистов на коренные политические вопросы современности.

В неразрывной связи с общим мирозерцанием марксистов, с их оценкой политического смысла и значения «третьеиюньского» периода, стоит ответ на организационные вопросы. Сохранение старого в основе и приспособление его – всяческие так называемые «возможности»: открытые общества, союзы и т. п. – к новой обстановке. Ячейки и сеть вокруг них, в связи с ними, направляемые ими. Большая гибкость «ячеек», принятие ими более подвижных, не во всем похожих на старые, форм, – и обязательное использование не только думской трибуны, но и всяческих аналогичных «возможностей». Отнюдь не связывая рук никакой однообразной нормой, никакими обязательными формами, оставляя громадный простор выработке целесообразных приемов и методов сочетания, этот ответ непоколебимо «тверд» принципиально – именно он противопоставляет царящему разброду, отреченству, растерянности не только словесное провозглашение верности старому, но и основной организационный принцип, позволяющий воплотить в жизнь идейную устойчивость. Те, хотя бы и немногие, кто «накопили запас», объединяются и систематически оберегают «иерархию»: ее дух, ее учение, ее принципы, ее традиции, а не ее формы, конечно.

Ликвидаторство, наоборот, *пасует* перед царящей {*вовсе* не у нас одних, отнюдь не в рабочем только классе, а еще сильнее в других классах и партиях) бесформенностью, бросает работу над старым, превращая поиски «нового» в узаконение разброда. В широком идейном течении буржуазного общества, направленном против демократии вообще, против движения масс в частности, против недавних форм организации и руководства этим движением в особенности, ликвидаторство среди марксистов есть лишь один ручеек.

Таковы общие положения марксизма, отношение его к задачам и вопросам современности, выработанное, повторяем, не со вчерашнего дня и подлежащее теперь претворению в «избирательную кампанию» с цельным содержанием – идейным, программным, тактическим, организационным.

II

Обратимся к рассмотрению той позиции по вопросу об избирательной кампании, которая занята главным органом ликвидаторского течения, «Нашей Зарей».

Нет ничего более противного духу марксизма, как фраза. И что прежде всего неприятно поражает в №№ 6 и 7–8 «Нашей Зари», так это невероятный разгул прямо-таки тартареновской фразы. Такая обычная для марксистов всех стран, даже уже в России *дважды* в широком масштабе проведенная кампания, как избирательная, превращена Тартаренами^[53] нашего ликвидаторства в нечто, обставленное такими велеречивыми словами, словами и словами, что прямо невтерпез становится.

Г-н Юрий Чацкий в статье «Пора начать» *начинает* изложение взглядов ликвидаторов и, в сущности, *кончает* это изложение, как хозяин, оставляя г. Л. Мартову украшения, ретушевку, литературную орнаментику.

Вот образчик писаний Юрия-Тартарена:

«...Вряд ли можно уверенно рассчитывать, что выборная кампания будет проведена в организационном отношении совершенно централизованно, хотя стремиться к этому нужно всеми теми путями,

о которых мы говорили... закрепляя организационно результаты политического объединения с.-д. рабочих в ходе политической кампании...»

Побойтесь бога, любезнейший конкурент Троцкого! Ну к чему оглушать читателя вообще, а рабочего в особенности, этим набором слов о результатах политического объединения в ходе политической кампании! О закреплении этих результатов! Ведь это – набор слов, важничанье тяжеловесными повторениями простой вещи. Организационное «закрепление» нужно всегда, и до выборов, и после. Назвав выборы политической кампанией и, «для ради важности», поговоривши еще о «ряде (!) всероссийских (!) политических кампаний», вы этим шумом и треском слов *заслоняете* действительно насущный, жизненный, практический вопрос: *как* организовать. Нужны ли «ячейки» и около них сеть более или менее открытых непрочных союзов? да или нет? Если да, то это нужно и до выборов, и после; выборы – одна из работ, одна из многих. Если не велось систематической работы *издавна*, вы *ничего* не «закрепите» в ходе выборной кампании. Всякий практик понимает, что это пустяки. Звонкими фразами здесь прикрывается отсутствие точного ответа на *основной* вопрос о том, как нужно организовать для всякой, а не только избирательной, деятельности.

Говорить по поводу выборов о «*боевой мобилизации пролетариата*» (sic!¹¹ с. 49), о «широкой и открытой мобилизации рабочих масс» (54) и т. д., и т. п. – значит не только не иметь никакого чувства меры, но прямо вредить скромной, по необходимости скромной, работе, воспитывая фразерство *совершенно такого лее качества*, как у «отзовистов», «ультиматистов» и т. п. У тех выходит, что бойкотом надо особо подчеркнуть, что не похоронен «дух» (а «дух» работы должен пронизывать все ее области, выборную в том числе), – у крикунов ликвидаторства выходит, что выборы дадут все, и «боевую мобилизацию» (как только не стыдно русскому тоже-«марксисту» выписывать такие вещи!) и «закрепление организационное результатов политического объединения в ходе политической кампании»! Все мы знаем прекрасно, что *ни* «широкой», *ни* «открытой» «мобилизации масс» выборы 1912 года (если не наступит условий, в корне меняющих обстановку 1908 и 1911 годов) не дадут и дать не могут. Дадут скромную возможность не широкой и не очень открытой работы, и этой возможностью надо пользоваться, а Троцкому подражать в надутых фразах не следует.

Крик об «открытых» организациях по поводу выборов прямо неумен: давайте-ка лучше делать *не очень* открыто, коллеги рабочие, скажем мы, – это будет вернее, уместнее, разумнее, *полезнее* для воздействия на *более широкие слои*, чем болтовня об «открытом» существовании. В такие времена, как наши, кричать и хвастать: «а я все открыть могу» могут лишь люди или совсем дурные или совсем легкомысленные.

«...Партия (классовая) появится лишь как продукт организационного творчества самостоятельного рабочего авангарда» (41).

Уф! Пощадите! Ведь в мире партию складывали и выращивали в течение десятилетий и передовые рабочие и действительно марксистские, переходящие вполне на сторону рабочих, «интеллигенты». И у нас *не может быть* иначе, и не к чему это отпугивание русского читателя-рабочего пышным вздором о «творчестве» (когда приходится азы твердить и маленькие, простенькие камушки для фундамента носить), «самостоятельном» авангарде и пр. Г-н Мартов тоже увлечен Чацким-Тартареном и договаривается до «самосознательных элементов рабочего класса» (№ 7–8, с. 42), идущих на смену «самоликвидации» старого персонала (там же).

¹¹ Так! Ред.

Чтобы покрепче было! «Самодеятельные», «самосознательные», «творческие», «мобилизация боевая», «самое широкое», «самое открытое»... Как это не тошнит людей от этого – употребляю щедринское выражение – языкоблудия?

А дело в том, что вычурными, вымученными, оглушающими и отупляющими рабочего (а интеллигента еще больше, ибо рабочие смеются над стилем à la Юрий Чацкий, а больше «увлекаются» им гимназисты) фразами *приходится* оперировать, когда на простые, ясные, близкие вопросы *нет* у писателя простого, прямого, ясного ответа. На вопросе об избирательной платформе мы можем в особенности наглядно иллюстрировать эту истину о превращении *неясной* мысли в неясные, напыщенные, велеречивые фразы.

III

Г-н Юрий Чацкий о важности избирательной платформы говорит тоже с большущим, большущим пафосом. Вопрос о платформе – «один из самых кардинальных вопросов». Очень хорошо! «Рабочие с.-д. должны прочувствовать (!) ее (платформу), продумать, считать *своей*» (курсив Юрия Чацкого).

Что *продумать* платформу должны рабочие, это верно. Также и интеллигентам, пишущим в почти марксистских журналах, очень бы не мешало продумать платформу. Но вот что значит «прочувствовать» платформу, – это понять мудрено. Может быть, гг. Неведомский и Луначарский в следующем номере «Нашей Зари» напишут «прочувствованные» статьи о «прочувствовании» избирательной платформы самодеятельным авангардом самосознательных мобилизуемых масс?

Или не угодно ли следующий перл из статьи г. Ф. Дана: «...избирательная тактика совершенно меняет свой смысл и свое политическое содержание в зависимости от того, кто же является ее творцом и носителем: самоуправляющийся коллектив рабочего с.-д. авангарда со всеми его пролетарскими и интеллигентскими силами, или те или иные группки интеллигенции, хотя бы и «социал-демократической», но не выдвинутой таким коллективом, не действующей под его контролем и давлением...». Кто может сомневаться, в самом деле, что Потресов и Дан отнюдь не «группка интеллигенции», а люди, «выдвинутые самоуправляющимся коллективом авангарда» и «действующие под его контролем»! О, Тартарены ликвидаторства!

Продумал ли Юрий Чацкий, Л. Мартов и Ф. Дан платформу? «Стыдно признаться, да грех утаить, – пишет первый из них, – у нас бывало и так, что платформа сама по себе, а в предвыборных речах и писаниях говорят другое, идут кто в лес, кто по дрова».

Что правда, то правда. «У нас» это очень часто бывало.

Например, Юрий Чацкий, после прочувствованных слов о прочувствованной платформе принимается говорить длинные, длинные и не менее прочувствованные слова о важности и необходимости *единой* платформы. Прочувствованными словами нарочито заслоняется простой вопрос о том, может ли быть *единая* платформа, если нет единства в политических воззрениях? А если единство воззрений есть, то к чему терять напрасно слова и ломиться в открытую дверь: ведь платформа есть изложение воззрений!

Юрий же Чацкий, поговорив «кругом да около» о «единой» платформе, пробалтывает очень неловко свой «секрет». «Крупнейшее значение, – пишет он, – мы придаем санкции (платформы) думской с.-д. фракции, при том, однако, непременно условии, что последняя не пойдет по линии наименьшего сопротивления, санкционировав платформу, навязанную ей заграничными кружками...» (50).

Это называется: *der König absolut, wenn er unseren Willen tut*, – король самодержавен, если он творит *нашу* волю. Платформа желательна единая, если не будет санкционирована платформа, «навязанная заграничными кружками». Значит, платформы-то *есть налицо* две?

одна, которую вы ругаете «навязанной из-за границы» (терминология, достойная Пуришкевича! подумайте только: Юрий Чацкий, в журнале Потресова, пишет, рука об руку с Мартовым и Даном, о навязывании из-за границы! Как низко надо пасть, чтобы такими приемами науськивать неразвитых людей против «заграницы»!). Другая платформа, очевидно, та, которая идет не из-за границы, а из самоуправляющегося коллектива широких и открытых организаций мобилизуемой массы. Говоря проще и без выкрутас: «другими элементами возможной централизации является группа с.-д. (?) работников, тесно связанных с открытым рабочим движением и приобретающих все большую устойчивость и авторитет в процессе ведения политических кампаний. Мы имеем в виду в особенности Петербург и его руководящую роль в политических кампаниях последнего года». Так пишет Юрий Чацкий.

Ларчик просто открывается: «группа» петербургских ликвидаторов, всем хорошо известных по журналу г. Потресова, вот вам «элемент централизации». Ясно, очень ясно, любезный Юрий Чацкий!

Платформа должна быть единой, *но*... так, чтобы она не «навязывалась заграничными кружками», а удовлетворяла «группу» петербургских ликвидаторов... Горячий сторонник «единства» этот Юрий Чацкий!

IV

Посмотрим на «основные положения платформы» у Л. Мартова... В основу ее он кладет, – как и следовало, конечно, – программу. По частям и своими словами программа эта пересказывается у Мартова. Остается неясным, *ту* ли программу проповедует Мартов, которая *им* изложена в № 7–8 «Нашей Зари»: *эта* частичка старой программы приемлема и для Ларина, и для Левицкого, и для Прокоповича, вероятно. Или Мартов приемлет *всю старую* программу?

Справедливость требует отметить, что одно местечко в статье Мартова указывает на последнее; именно: это – местечко на стр. 48, где говорится, что иногда приходится «не договаривать в ясной форме» (это правда), но, дескать, не следует *отказываться*. «Нас не заставят» – «*урезать* содержание наших требований». Это очень хорошие слова. К сожалению, этим словам не соответствует *дело*, ибо мы прекрасно знаем, например, что «не подозреваемый (Мартовым) в реформизме» Ларин *урезывает* и *отказывается*. Нам придется убедиться очень скоро, что и Мартов в той же самой своей статье, обещая «не урезать» и «не отказываться», на деле урезывает и отказывается.

Фактическое положение, следовательно, таково, что по вопросу о программе, как составной части и базе платформы, имеется налицо не одна, а две платформы: *без* урезывания и отказов, и с теми урезками и отказами, направление которых ясно указано характером проповеди Ларина, Левицкого, Потресова.

Далее идет вопрос о тактике. Исторический смысл третьеиюньского периода должен быть оценен, и на такой оценке должны базироваться *все* определения наших задач, *все* наши «высказывания» по каким бы то ни было общим и частным вопросам современной политики. Мартов вынужден признать и сам, – несмотря на обычные у ликвидаторов и характерные для ликвидаторства насмешки над «оценкой текущего момента», – что вопрос этот кардинальный. И вот, по отношению к «старому», оформленному ответу на этот вопрос Мартов заявляет:

«Исторический смысл «третьеиюньского» периода пытались определить неудачной, ибо способной вводить в заблуждение, формулой, говоря о «шаге на пути к превращению («по пути превращения» было бы точной цитатой) в буржуазную монархию»...»

«Неудачная» формула... Как это мягко сказано! А давно ли коллеги Мартова видели в этой формуле полное принципиальное отрицание той точки зрения, которая им кажется единospасающей? Давно ли Ф. Дан говорил: «хотят переть туда, где были раз разбиты»? В чем же дело? Есть ли коренное расхождение по вопросу об историческом смысле третьеиюньского периода или нет?

Слушайте дальше:

«...В такой формулировке исчезает реальность сделанного *назад* шага к разделу власти между носителями абсолютизма и землевладельческим дворянством. Из сказанного выше следует, что те формы, в которых после событий 1905 года только и мог совершаться этот раздел, создали благоприятные условия для мобилизации и организации тех социальных сил, которых исторической миссией является работать над созданием «буржуазной монархии»...»

Эти социальные силы, по Мартову, буржуазия, которой третьеиюньский период «дал право быть легальной или терпимой оппозицией».

Приглядитесь же к рассуждению Мартова. Он упрекает «неудачную формулу» *как будто бы* только в том, что она забывает шаг назад, сделанный *властью*. Во-1-х, это фактически неверно. Мартову поразительно не везет с «формулой» 1908 года: как только придется говорить о ней, так сейчас же оказывается странное неумение (или нежелание?) точно передать очень хорошо известную ему «формулу». В «формуле» говорится прямо и точно о сохранении за *крепостниками*-землевладельцами (а не буржуазными землевладельцами, как следовало бы говорить по Ларину) «их власти и их доходов»! Значит, ежели этакий раздел власти называть «шагом назад», то этот шаг назад не только не исчезает в нашей формуле, а, напротив, констатируется самым точным образом. Во-2-х, и *это главное*, говоря о шаге назад, сделанном властью, Мартов прикрывает, затушевывает этим *шаг назад*, сделанный *либеральной буржуазией*. Вот где зарыта собака! Вот в чем суть рассуждения, затемняемая Мартовым.

Шаг назад, сделанный либеральной буржуазией, есть *веховство* этой буржуазии, ее отречение от демократизма, ее *приближение* к «партиям порядка», ее поддержка (прямая и косвенная, идейная и политическая) попыток старого режима удержаться ценою минимальных «шагов по пути превращения в буржуазную монархию». Буржуазная монархия не может не только сложиться, но даже и начать складываться без контрреволюционной – (веховской) либеральной буржуазии. Мартов «забывает» это прежде всего и больше всего по той простой причине, что он сам «веховец»... среди марксистов.

Либерал обращает все внимание при оценке третьеиюньского периода на то, что власть сделала «шаг назад», к Пуришкевичам: если бы та же самая власть при сохранении тех же самых основных черт режима (и прижима против *демократии*) сделала «шаг» к нему, к либералу, то это все, что ему требуется. Я доказал «Вехами», веховской политикой («Лондон» Милюкова), что я, либерал, искренний, серьезный, беспощадный враг демократии «противогосударственной», отщепенской, ребячьей, преступной, «воровской», безнравственной, безбожной и как там еще говорится в «Вехах». И несмотря на это, власть делится не со мной, а с Пуришкевичем! – вот каков *смысл* либеральной политики третьеиюньского периода, вот каков смысл «столыпинского либерализма» господ Струве и Милюковых. Я к тебе всей душой, говорит либерал, обращая взоры к власти, а ты мне предпочитаешь Пуришкевича!

Наоборот, точка зрения пролетарской демократии на третьеиюньский период принципиально, коренным образом иная. «Шаг назад», к Пуришкевичам, сделан властью на иной, гораздо более высокой ступени развития, чем прежде. И в 80-ых годах был «шаг назад» к дворянству, но это был шаг назад на ступени пореформенной России, далеко ушедшей от

времени николаевской эпохи, когда дворянин-помещик командовал без «плутократии», без железных дорог, без растущего третьего элемента. Так и теперь, «шаг назад» к Пуришкевичам происходит на базе буржуазной аграрной политики, на базе организованного и прочного участия буржуазии в представительстве: это – гегемония Пуришкевича в общем, и пуришкевичевском и милюковском, повороте *против* демократии, против движения масс, против так называемых «эксцессов», против так называемой «интеллигентской (Вехи) революции» и т. д.

Задача либерала – «попугать» Пуришкевича так, чтобы он «потеснился», побольше места уступил либерализму, но так, чтобы отнюдь не могли при этом вовсе устранить с лица земли все экономические и политические основы пуришкевичевщины. Задача демократа вообще и представителя пролетарской демократии, марксиста, в особенности – использовать резкий конфликт, чтобы втянуть на арену низы как раз для такого устранения. С точки зрения задачи преобразования России вообще, исторический смысл третьейиюньского периода в том и состоит, что этот новый шаг по пути превращения в буржуазную монархию есть шаг к большей размежевке классов во всех отношениях и, в частности, к большей размежевке либерализма («ответственная» оппозиция Пуришкевичам) и демократии (устранение всех основ пуришкевичевщины).

Отсюда ясно, что Мартов, якобы критикующий лишь «неудачную формулировку», *на деле* дает платформу *либеральной рабочей политики*. Он видит «шаг назад», сделанный старой властью к Пуришкевичам, и не видит шага назад, сделанного либеральной буржуазией к старой власти. Он видит, что события 1905 года создали благоприятные условия для «мобилизации и организации» либеральных буржуа против Пуришкевичей и рядом с Пуришкевичами, но он *не* видит, что эти события создали «благоприятные условия» для мобилизации и организации веховской, контрреволюционной, либеральной буржуазии против демократии, против движения масс. Из цитаты Мартова неизбежно вытекает поэтому, что рабочие должны «поддержать» либералов в *их* борьбе с Пуришкевичами, должны предоставить *гегемонию* либералам, – и отнюдь не вытекает, что рабочие должны, *вопреки* веховству либералов, *вопреки* стремлению Милюковых усестись рядом с Пуришкевичами, поднимать низы на работу полного устранения самых глубоких корней (и самых высоких вершин) пуришкевичевщины.

Отсюда ясно далее, почему Мартов может и должен соглашаться с Лариным в основном, расходясь с ним лишь в частностях, лишь в приемах формулировки задач либеральной рабочей политики. У нас уже есть буржуазная монархия, говорит Ларин, у нас уже теперь землевладельцы не «крепостники», а аграрии, т. е. буржуазные, сельские предприниматели. У нас поэтому не стоят на очереди исторические «скачки», у нас должна быть *«не гегемония, а классовая партия»* (Левицкий), у нас задача поддерживать либералов-конституционалистов, сохраняя свою самостоятельность¹². У нас нет еще буржуазной монархии, возражает Мартов, но для нас «вполне достаточно» знать, что сочетание абсолютизма и конституционализма противоречиво и что мы должны «ухватить старый режим за Ахиллесову пятую противоречий». Оба спорящие не видят связи родившейся или рождающейся буржуазной монархии с контрреволюционностью либеральной буржуазии, у обоих исчезает со сцены деятельность «гегемона» по определению не только объема, но и типа буржуазного преобразования России; у обоих – говорят ли они это или нет – рабочий класс «устраивается» в новой, буржуазной России, а не *устраивает* ее, ведя за собою демократию, способную к отрицанию всех основ пуришкевичевщины.

¹² «Постоять за себя при предстоящем конституционном обновлении», – писал Ларин.

V

Небезынтересно, что дальнейшие рассуждения Мартова побивают его еще более наглядно.

«...Так, – продолжает Мартов, – реставрированные в 1815 г. Бурбоны не создали буржуазной монархии, но вынуждены были облечь господство свое и стоявшего за ними дворянства в политические формы, ускорившие организацию буржуазного класса и позволившие ему вырасти в силу, способную создать буржуазную монархию 1830 года...»

Прекрасно. До Бурбонов 1815 года, до 1789 года монархия была во Франции феодальная, патриархальная. После 1830 года монархия была буржуазная. А какая же была монархия, о которой (на голову себе) заговорил Мартов, т. е. монархия 1815–1830 годов? Ясно, что она была «шагом на пути превращения в буржуазную монархию». Пример Мартова говорит великолепно против него! Далее. Либеральная буржуазия во Франции начала обнаруживать свою вражду к последовательной демократии еще в движении 1789–1793 годов. Задачей демократии было создание вовсе не буржуазной *монархии*, как прекрасно знает Мартов. И демократия Франции, с рабочим классом во главе, *вопреки* колебаниям, изменам, контрреволюционному настроению либеральной буржуазии, создала, после долгого ряда тяжелых «кампаний», тот политический строй, который упрочился с 1871 года. В начале эпохи буржуазных революций либеральная французская буржуазия была монархической; в конце долгого периода буржуазных революций – по мере увеличивающейся решительности и самостоятельности выступлений пролетариата и демократически буржуазных («лево-блокистских», не во гнев будь сказано Л. Мартову!) элементов – французская буржуазия вся была *переделана* в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена. В Пруссии, и в Германии вообще, помещик не выпускал из своих рук гегемонии во все время буржуазных революций и он «воспитал» буржуазию по образу и подобию своему. Во Франции гегемонию раза этак четыре за все восьмидесятилетие буржуазных революций отвоевал себе пролетариат в разных сочетаниях с «лево-блокистскими» элементами мелкой буржуазии, и в результате буржуазия должна была создать такой политический строй, который более угоден ее антиподу.

Есть буржуазия и буржуазия. Буржуазные революции показывают нам громадное разнообразие комбинаций различных групп, слоев, элементов и самой буржуазии и рабочего класса. «Высасывать» ответ на конкретные вопросы русской буржуазной революции первого десятилетия XX века из «общего понятия» буржуазной революции в самом узком смысле слова значит опешлять марксизм до либерализма.

«Так, – продолжает Мартов, – после обуздания революции 1848 года прусская власть оказалась вынужденной ввести конституцию и законодательное представительство, организованное в интересах землевладения; а на почве этих жалких зачатков конституционно-парламентского строя политически организовалась буржуазия, которой, однако, и до сих пор не удалось закончить превращения государства в «буржуазную монархию».

Вышеупомянутая формулировка грешит, таким образом, тем, что в ней отсутствует момент решительного столкновения классов, без которого проявляющаяся в актах третьей юньского типа объективная тенденция не может реализоваться в жизни!»

Не правда ли, это поистине великолепно? Мартов, положительно, виртуоз по части облачения реформистских рассуждений, теорий, платформ словечками эффектно-марксистского и эффектно-революционного вида! По поводу той самой «формулы», которую критикует Мартов, Ф. Дан громил людей, желающих «переть туда, где были раз разбиты». Ю. Ларин писал, что рабочий класс должен организоваться не в «ожидании революции», а просто-таки «для твердой и планомерной защиты своих особых интересов». Теперь же Мартов делает открытие: формула грешит тем, что в ней *отсутствует момент решительного столкновения классов*. Прямо прелесть!

Но в этой фразе Мартова, кроме комического, есть еще нечто. Мартов выразился с виртуозной уклончивостью. Он не сказал, о *каких* классах идет у него речь. В предыдущем шла речь о землевладельцах и буржуазии. Можно предположить, что Мартов говорит здесь о решительном столкновении *только* между землевладельцами и буржуазией. Только с точки зрения *такого* предположения можно «взять всерьез» цитированные слова Мартова. Но зато *такое* предположение выдает его с особенной наглядностью, как проповедника или защитника либеральной рабочей политики.

В нашей формуле «отсутствует момент решительного столкновения» между классами землевладельческим и буржуазным! Позвольте: в нашей формуле говорится прямо, определенно, точно о «*мелких раздорах*» этих классов. С нашей точки зрения, раздоры между этими классами *мелки*. Крупное значение имеет столкновение *не* этих классов, а других классов, о которых в «формуле» говорится далее столь же прямо и столь же определенно.

Вопрос стоит, следовательно, таким образом. Кто стоит на марксистской точке зрения, тот не может ждать избавления России от «третьеиюньского периода» ни от чего иного, как от «решительного столкновения классов». Надо уяснить себе исторический смысл «третьеиюньского периода», чтобы знать, *какие* классы в современной России могут и должны (в смысле объективной необходимости, а не субъективного долженствования) прийти в решительное столкновение. Мартов думает, видимо, – как думают и все ликвидаторы, – что решительное столкновение предстоит в России между поместным дворянством и либеральной буржуазией. (Заметим в скобках, что если в проекте платформы «Нашей Зари» и «Дела Жизни» будет высказан *прямо* этот взгляд, то ликвидаторы окажут большую услугу рабочему движению, разъяснив рабочим, в чем тут дело; если же в платформе этих литературных органов *не* будет высказан *прямо* этот взгляд, то это будет означать, что платформа пишется для сокрытия взглядов, что платформа расходится с действительным идейным содержанием проповеди обоих журналов.)

Мы думаем – и в нашей «формуле» это сказано прямо, что решительное столкновение между поместным землевладением старого типа и либеральной буржуазией России *не* предстоит; столкновения между этими классами неизбежны, но в виде «мелких раздоров», которые *ничего «не решают»* в судьбах России, никакого решительного, серьезного изменения к лучшему принести не могут^{13{168}}.

¹³ Из этого не следует, конечно, что либеральная буржуазия составляет вместе с поместным землевладением «одну реакционную массу», что конфликты первой со вторым не играют никакой роли в политике, что они не могут давать повода к демократическому движению, что эти конфликты позволительно игнорировать. Подобные выводы были бы доведением до абсурда правильного положения, были бы непониманием того, в каких границах верно это положение. Известно ведь, что «величайшая справедливость», доведенная до абсурда при непонимании границ и условий справедливого и несправедливого, превращается в «величайшую несправедливость»: *summum jus – summa injuria*. Напомним тот факт из истории русского марксизма, что на известном Лондонском конгрессе оценка либерально-буржуазных партий в России (с кадетской партией во главе их) дана именно та, которая изложена в тексте, причем признана необходимость «использовать в интересах политического воспитания народа деятельность этих партий»^{168}}.

^{168}} См. резолюцию V (Лондонского) съезда РСДРП «Об отношении к непролетарским партиям» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 164–165).

Столкновение действительно решительное предстоит между *другими* классами – столкновение на почве и в пределах буржуазного общества, т. е. товарного производства и капитализма.

На чем основано такое мнение? И на теоретических соображениях и на опыте 1905–1907 годов. В это трехлетие Россия пережила такое резкое столкновение классов, которое занимает одно из первых мест в всемирной истории резких столкновений между классами. И тем не менее, даже в это трехлетие, в обстановке буржуазного общества, не имевшего тогда самых элементарных условий и гарантий буржуазной свободы, столкновение между помещным землевладением и либеральной буржуазией, между этой последней и старой властью не было ни резким, ни решительным. Напротив, резки и решительны – сколько-нибудь резки и решительны – были столкновения между крестьянами и помещиками, между рабочими и капиталистами.

Чем объясняется это явление? В первую голову тем, что либеральная буржуазия связана слишком тесными экономическими нитями с помещным землевладением, их интересы слишком переплетены взаимно, так что для первой безопасным и желательным представляется лишь реформирование последнего, отнюдь не уничтожение его. Лучше самое медленное, даже незаметно-медленное реформирование, чем уничтожение, – так рассуждает подавляющее большинство либеральных буржуа, и при *данном* экономическом и политическом положении России этот класс рассуждать иначе *не может*.

Далее, если взять, напр., стачечное движение, то окажется, что Россия в указанное трехлетие развила его до высоты, невиданной ни в одной из самых передовых, наиболее капиталистических стран мира. Отсюда *неизбежность* такого рассуждения либеральной буржуазии, что лучше самое медленное, незаметно-медленное реформирование устарелых условий труда, чем решительный разрыв с старым; лучше сохранить старое, чем решительно разорвать с ним. Напротив, для крестьянства и для рабочих экономическое положение их делало *невозможным* подобное рассуждение; экономическое положение порождало здесь столкновения действительно резкие, действительно решительные. Ошибочно думать, как думают народники относительно крестьянства, Троцкий относительно рабочих, что эти столкновения выходят за пределы буржуазного общества. Но не подлежит ни малейшему сомнению, что *все* старое, ветхое, добуржуазное *этими* столкновениями и *только ими* может быть (при известном исходе столкновений) устранено дочиста, уничтожено совершенно.

Русские помещики, от Пуришкевича вплоть до Долгорукова, воспитали и воспитывают нашу либеральную буржуазию в духе невиданного еще в истории сервилизма, косности, боязни перемен. Русские крестьяне – *при данном* экономическом и политическом положении России – представляют из себя *буржуазный* слой населения, из которого эпоха «столкновений», эпоха буржуазных революций (в историко-методологическом значении этого слова) *воспитывает*, при направляющем участии со стороны рабочих, буржуазию, не отличающуюся вышеуказанными приятными качествами. Воспитает ли? на этот вопрос ответ можно будет дать лишь тогда, когда эпоха буржуазных движений в России будет закончена. До тех же пор все прогрессивные направления политической мысли в России будут неизбежно делиться на два основных типа, смотря по тому, тяготеют ли они к гегемонии либерализма, стремящегося переделать, обновить Россию безобидным для Пуришкевичей образом, или к гегемонии рабочего класса, ведущего за собой лучшие элементы крестьянства.

Я сказал: «тяготеют», ибо сознательность в смысле понимания классовых корней той или иной политики предполагать во всех прогрессивных направлениях не приходится. Но марксистам нельзя быть марксистами, если они не доискались этих корней, если они не поняли, что и защита особых интересов рабочего класса и подготовка его к его будущей роли в буржуазной России неизбежно, в силу объективного соотношения общественных сил, направляются по тем же двум главным руслам: идти *за* либерализмом (который идет за

Пуришкевичами или рядом с ними) или вести демократические элементы вперед *вопреки* колебаниям, переметыванию, веховству либерализма.

VI

Мы подошли таким образом вплотную к вопросу о пресловутом «левоблокизме». Юрий Чацкий и Ф. Дан, без преувеличения можно сказать, рвут и мечут против левоблокизма; со стороны последнего из названных политиков это тем естественнее, что надо же прикрыть ему чем-нибудь свою измену делу рабочих и раскол организации рабочих весной 1907 г. в Петербурге ради блока с кадетами! Но вопрос о левоблокизме есть интересный и важный принципиальный вопрос, если говорить не только и даже не столько об избирательных соглашениях (при настоящем избирательном законе «левый блок» весьма редко применялся на практике), а об общем характере и содержании всей избирательной пропаганды и агитации. «Заставлять» наиболее многочисленную в стране демократическую массу (крестьянство и родственные слои неземледельческой мелкой буржуазии) «делать выбор между кадетами и марксистами»; вести линию «совместных действий» рабочих и крестьянской демократии и против старого режима и против колеблющейся контрреволюционной либеральной буржуазии – вот в чем основа и суть «левоблокистской» тактики, освященной и ходом событий 1905 года (рабочее и крестьянское движение), и голосованиями «трудовой» и рабочей групп в обеих первых Думах, и отношением прессы разных партий к коренным вопросам демократии, и даже позицией «крестьянской группы» III Думы (при обилии правых элементов в этой группе!) по аграрному вопросу. Известно, что земельный проект 43 крестьян *третьей* Думы гораздо демократичнее кадетского, либерального проекта, как признали и сами кадеты!

Несомненно, что именно в этом, общепринципиальном, смысле отвергают «левоблокизм» ликвидаторы. И так же несомненно, что их отречение от левоблокизма есть измена делу демократии. Не было *ни одного* буржуазно-освободительного движения в мире, не дающего примеров и образцов «левоблокистской» тактики, причем *все* победоносные моменты этих движений связаны *всегда* с успехами этой тактики, с направлением борьбы по этому пути вопреки колебаниям и изменам либерализма. Именно «левоблокистская тактика», именно союз городского «плебса» (= современного пролетариата) с демократическим крестьянством придавал размах и силу английской революции XVII, французской XVIII века. Об этом Маркс и Энгельс говорили много раз не только в 1848 году, но и гораздо позже. Чтобы не приводить много уже раз приводившихся цитат, напомним переписку Маркса и Лассалья в 1859 году. По поводу трагедии Лассалья «Зикинген» Маркс писал, что коллизия, проведенная в драме, «не только трагична, но она есть именно та самая трагическая коллизия, которая совершенно основательно привела к крушению революционную партию 1848 и 1849 годов». И Маркс, уже намечая в общих чертах *всю* линию будущих разногласий лассальянцев и эйзенахцев^[54], упрекал Лассалья, что он впадает в ошибку «тем, что ставит *лютеровско-рыцарскую* оппозицию выше *плебейско-мюнцеровской*»^[55].

Нас не касается здесь вопрос о том, правилен или неправилен упрек Маркса: мы думаем, что правилен, хотя Лассаль энергично защищался от этого упрека. Важно то, что ставить «лютеровско-рыцарскую» (либерально-помещичью в переводе на русский язык начала XX века) оппозицию *выше* «плебейско-мюнцеровской» (пролетарско-крестьянской, в таком же переводе) и Маркс и Энгельс считали явной ошибкой, считали абсолютно недопустимым для социал-демократа!

Ругаясь и бранясь по адресу левоблокистской тактики, ликвидаторы пытаются шумом слов заглушить встающий при этом коренной принципиальный вопрос об обязательности «левоблокизма» для всякой рабочей партии во всяком буржуазно-демократическом движе-

нии. Не будучи в состоянии поставить вопрос принципиально, они впадают в курьезные противоречия, сами себя побивая. Пример: тот же Л. Мартов, который как чумы боится «левого блока», пишет, формулируя в «основных положениях платформы» аграрную программу: «по-прежнему наиболее верным, наиболее безболезненным и наиболее выгодным для культурного развития остается изъятие помещичьей земли из рук ее нынешних владельцев и передача ее народу». Нечаянно договорился – о ужас! – до национализации! Это во-первых. А во-вторых, высказав верную мысль, Мартов высказал (вопреки своему коллеге Череванину: см. его *веховскую* книгу о «Современном положении» в 1908 году) *левоблокистскую* мысль, ибо намеченная им аграрная программа есть программа *левоблокистских* действий и против старого режима и *против либеральных партий* вроде к.-д. И «Гони природу в дверь, она влетит в окно»!!

Аграрная программа, формулированная Л. Мартовым, такова, что на ней объединяются (фактически объединяются, т. е. сходятся *независимо* от каких бы то ни было «соглашений») и рабочие и крестьяне-трудовики с их идеологическими вожжами в лице народников. Напротив, такая аграрная программа *отделяет* и рабочих и крестьян-трудовиков, вместе взятых, *от* кадетов (и от либеральной буржуазии вообще). Если вы в добавление к этому совершенно бесспорному политическому выводу примете в соображение, что аграрный вопрос (вопрос о демократическом аграрном преобразовании) стоит в центре вопросов нашего освободительного движения, то вы увидите, что Мартов *вынужден* был формулировать «левоблокистскую» тактику *по центральному* вопросу нашей эпохи!

Как и почему случилось с нашим противником «левоблокизма» такое несчастье? Очень просто. Ему пришлось либо *порывать* прямо и ясно со старой программой – на это он не решился; он еще не «догнал» смелого (в ренегатстве) Череванина и Ларина. Либо надо было пересказать, хотя бы приблизительно верно, старую программу, а из нее «левоблокизм» вытекает неизбежно. Такова уже горькая судьба наших ликвидаторов.

VII

Нам осталось еще указать на два важных места в статье Мартова. «Стремлением рабочей партии, – пишет он, – должно быть, при возникновении каждого такого конфликта внутри третьеиюньской системы» (речь шла о конфликтах и трениях, разлагающих и подтачивающих эту систему), «побудить имущие классы сделать тот или иной шаг в сторону демократизации законодательства и расширения конституционных гарантий и, что представляет для нас наибольшую самостоятельную ценность, – расширения сферы нестесненной организации народных сил» (с. 50, «Наша Заря» № 7–8).

Формулировка, данная здесь Мартовым, очень удачна. Но это именно формулировка задач и линии либеральной рабочей политики. «Побудить имущие классы сделать шаг», «расширить сферу нестесненной организации труда» – эти фразы Мартова точь-в-точь повторяют *все*, сколько-нибудь образованные, сколько-нибудь проникнутые «европейским» духом, либеральные буржуа всего мира. Отличие либеральной рабочей политики от марксистской рабочей политики начинается *только* там и тогда, где и когда мы видим разъяснение рабочим недостаточности, неудовлетворительности, обмана приведенной сейчас либеральной формулировки. Побудить неимущие классы сделать шаг к изменению *самой той* «сферы», которую либералы обещают «расширять», к замене ее *принципиально* иной «сферой» – вот как (приблизительно) следует определить задачи и стремления рабочей партии, если нет желания строить либеральную рабочую партию.

Как курьез отметим, что Л. Мартов сам замечает по поводу своей формулировки в примечании к цитированному месту: «Эта формулировка, конечно, не преминет вызвать обвинения в оппортунизме и легализме во что бы то ни стало». И чем же он опровергает эти обви-

нения, как бы вы думали? Ссылкой на статью Н. Рожкова, – в № 171 «Обской Жизни»^[56]. Из статьи этой Мартов приводит 5 строк, крайне неудачно сформулированных и невразумительных об «открытых политических союзах». Мы не читали этой статьи. Допустим, что Рожков стоит за «открытую партию». Но при чем же это, раз речь идет о формулировке *либеральной рабочей политики у Мартова*? С которых пор для оправдания *одной* своей ошибки можно ссылаться на *другую* ошибку *другого* писателя?

Но всего рельефнее, всего лучше передает весь *дух* статьи Мартова следующая тирада из заключительного абзаца в заключительном параграфе ее:

«Вся избирательная кампания должна нами вестись под знаменем борьбы пролетариата за свободу своего политического самоопределения, борьбы за право иметь свою классовую партию и свободно развивать свою деятельность, за участие в политической жизни в качестве самостоятельной организованной силы. Этому принципу (слушайте!) должны быть подчинены как содержание избирательной агитации, так и методы избирательной тактики и организационной предвыборной работы».

Вот слова, *правильно* выражающие «принцип», определяющий «содержание» всей избирательной агитации (и всей политики) ликвидаторов! Хорошие слова «не урезать ничего, не отказываться ни от чего», которыми Мартов утешал марксистского читателя, оказываются только словами, пустыми словами при *такой* формулировке «принципа». Принцип-то оказывается принципом либеральной рабочей политики, вот в чем суть.

Либеральный буржуа говорит рабочим: вы вправе бороться, вам необходимо бороться за свободу *своего* политического самоопределения, за право иметь *свою* классовую партию, свободно развивать свою деятельность, за *участие* в политической жизни в качестве самостоятельной организованной силы. Именно эти принципы либеральной, образованной, радикальной – если употреблять английский или французский термин – буржуазии и преподносит рабочим Мартов под названием марксизма.

Марксист говорит рабочим: чтобы действительно и успешно бороться за свободу «своего» политического самоопределения, вы должны бороться за свободу политического самоопределения всего народа, указывая ему последовательно демократические формы его государственного бытия, отвоевывая массы и неразвитые слои трудящихся из-под влияния либералов. Чтобы ваша партия действительно стояла на высоте понимания задач класса, чтобы ее деятельность была на деле классовой, а не цеховой, надо, чтобы она не только участвовала в политической жизни, но направляла – вопреки всем колебаниям либералов – политическую жизнь и самодеятельность широких слоев на арену более высокую, чем та, которую указывают либералы, на цели более существенные, более коренные. Не понимает задач класса тот, кто отводит ему «самостоятельный» уголок «деятельности» на арене, пределы которой, форма и вид которой определяется или допускается либералами. Задачи класса понимает лишь тот, кто направляет внимание (и сознание, и практическую работу, и т. д.) на такое пересоздание самой этой арены, всей формы ее, всего вида ее, которое бы не ограничивалось нормами либерализма.

В чем разница обеих формулировок? Да именно в том, *между прочим*, что первая *исключает* идею «гегемонии» рабочего класса, а вторая нарочито определяет именно эту идею; первая есть современный, новейший вариант старого «экономизма» («рабочим экономическая, либералам политическая борьба»), вторая стремится вырвать в умах всякую почву и у старого «экономизма» и у «неоэкономизма».

Теперь остается поставить заключительный вопрос: в чем разница между Левицким и Мартовым? В том, что первый – ликвидатор из молодых, нового поколения, свободный от традиций и воспоминаний о старом. С задором и прямоотой, свойственными молодости,

он говорит прямоком: «не гегемония, а классовая партия»! А Мартов «видывал виды», был некогда староискровцем, в нем перемешаны старые традиции, еще не вполне выветрившиеся¹⁴, и новое ликвидаторство, еще не вполне осмелевшее; поэтому он усердно клянется и божится: «ничего не урезывать, ни от чего не отказываться», а потом, после долгих, долгих окольных рассуждений проговаривается, что «принцип»-то всей избирательной агитации должен быть ликвидаторский. А все дело как раз в «принципе» избирательной кампании.

*«Просвещение» №№ 1 и 2, декабрь 1911 г. и январь 1912 г. Подпись: **К. Тулин***

Печатается по тексту журнала «Просвещение»

¹⁴ Вернее: содержание этих традиций, идейное ядро их выветрилось уже вполне у Мартова, но слова остались, привычка к «приличной вывеске» «непримиримого интернационалиста» сказывается.

Начало разоблачений о переговорах партии к.-д. с министрами

Те, кто шесть и пять с половиной лет тому назад били тревогу по поводу переговоров к.-д. с министрами вообще и о министерских портфелях в особенности, не могут не испытывать теперь чувства глубокого удовлетворения. Историческая правда берет свое и выплывает наружу иногда с такой стороны, с которой менее всего можно бы было ожидать правды. Теперь разоблачения начаты и, несмотря на все усилия «заинтересованных» лиц (и партий) замять их, разоблачения не остановятся. С полной уверенностью можно сказать, что эти разоблачения будут подтверждать и подтвердят вполне правильность наших тогдашних нападений на кадетов.

Разоблачения начал Витте своей полемикой с Гучковым. Цель выступления Витте и характер его выступления – самые низменные; интрига худшего сорта, желание подставить ножку и пододвинуться к портфелю, вот его мотивы. Но известно, что когда два вора дерутся, то от этого всегда бывает некоторый выигрыш для честных людей, а если три вора дерутся, то выигрыш, вероятнее всего, увеличится.

В письме Витте самым существенным было, конечно, то, что он должен был волею-неволей установить некоторые *факты*, – открывая возможность (и вызывая необходимость) проверять эти факты опросом всех участников дела. Основные факты из письма Витте вытекают следующие:

1) На совещании с Витте участвовали Шипов, Гучков, Урусов, Е. Трубецкой и М. Стахович, т. е. деятели партий кадетской, мирнообновленческой^[57] и октябристской.

2) «В первом заседании совещания между графом Витте (мы цитируем его письмо) и вышеупомянутыми общественными деятелями последовало принципиальное согласие по всем главным вопросам, за исключением вопроса о назначении министра внутренних дел».

3) «Граф Витте настаивал на назначении Дурново, а общественные деятели, за исключением князя Урусова, высказывались против этого назначения. Князь же Урусов убеждал своих коллег по совещанию, ввиду трудного момента и невозможности медлить, согласиться на назначение Дурново и, с своей стороны, чтобы показать пример, заявил, что готов принять пост товарища Дурново по министерству... В следующем заседании Шипов, Гучков и кн. Трубецкой заявили, что они не могут войти в министерство, где будет Дурново...».

4) Кандидатура Столыпина была выдвинута, но на ней не сошлись, одни были за, другие – против.

Спрашивается, какие поправки внес в это изложение дела Гучков? Он подтвердил, что «горячим защитником кандидатуры Дурново явился кн. Урусов, впоследствии член I Гос. думы». Витте, по словам Гучкова, колебался и готов был один момент отказаться от Дурново, ибо в печати готовились разоблачения и громовые статьи против него. «Все описываемое происшествие, – добавлял Гучков, – имело место сейчас же после манифеста 17 октября, когда царствовала самая широкая, я бы сказал, необузданная свобода печати».

Переговоры были долгие: Гучков пишет о «томительных днях длящихся переговоров». О Столыпине, дескать, «никто не делал отрицательного отзыва, о котором пишет гр. Витте». Характеризуя тогдашнее положение вообще, Гучков говорит: «Много явилось теперь «спасателей» отечества... А где они тогда были?... Многие из них тогда еще не решились, по какую сторону баррикады встать».

Таковы существенные пункты разоблачений Витте и Гучкова; мелочи, конечно, оставляем в стороне. Историческая правда выступает наружу вполне определенно: 1) *никаких серьезных различий между кадетами и октябристами в этот серьезнейший момент русской истории не было*; 2) «многие» (из буржуазных деятелей, а по «тонкому» намеку Гуч-

кова, пожалуй, и из министров) «тогда еще не решили, по какую сторону баррикады встать». Но факт тот, что собирались на совещание, и не раз, люди *одной определенной «стороны баррикады»*. И министры, и октябристы, и кадеты в совещаниях стояли на одной стороне баррикады. Историческая правда не допускает ни сомнений, ни перетолкований: это были совещания, переговоры правительства с контрреволюционной, либеральной буржуазией.

Теперь взгляните на поведение кадетов. После разоблачений Витте и Гучкова (письма того и другого напечатаны в Петербурге 26-го, в Москве 27-го сентября ст. ст.) кадеты *хранят полное молчание о своем* участии, пытаются только «дразнить» Гучкова. И «Речь» от 28-го сентября и «Русские Ведомости»^[58] от того же числа именно «дразнят» Гучкова, что он-де потом был коллегой единомышленников Дурново, но *ни поправок, ни опровержений насчет исторических фактов не печатают*. Третий вор надеется, что за спором Витте и Гучкова его не заметят!

Тогда октябристы начинают «мстить» и Витте и кадетам сразу. В «Голосе Москвы» от 14-го октября (две недели разведок у октябристов, трусливого и подлого молчания у кадетов!) появляется «справка» под заглавием: «Союз графа Витте и П. Н. Дурново с кадетами». Новые разоблачения сводятся к следующему: 1) Е. Трубецкой в то время состоял членом к.-д. партии. 2) «Не желая вводить графа Витте в какое-либо заблуждение, кн. Трубецкой счел себя обязанным предупредить его, что о всех его переговорах с общественными деятелями» (понятно, что рабочих и крестьянских демократов к «общественным деятелям» ни октябристы ни кадеты не относят: в октябре 1905 года рабочие и крестьяне были, очевидно, «деятелями» внеобщественными!) «он, кн. Трубецкой, будет поставлять в известность бюро своей партии, ежедневно собиравшееся для обсуждения текущих дел в квартире проф. Петражицкого». 3) Против кандидатуры Столыпина особенно горячо восстал г. Петрункевич, находивший, «что в крайнем случае (sic!¹⁵) надо посоветовать графу Витте назначить министром внутренних дел скорее Дурново, чем Столыпина. Прочие деятели к.-д. партии вполне согласились с мнением Петрункевича, и князю Трубецкому было поручено передать графу Витте заключение общественных деятелей, заседавших в квартире Петражицкого». Трубецкой на следующее утро поехал к гр. Витте и в точности передал отзыв бюро к.-д. партии об обоих кандидатах.

Подтвердил ли Е. Трубецкой ссылку на него? Вполне подтвердил, назвав сообщение «Голоса Москвы» «*совершенно точным*» – и корреспонденту «Нового Времени»^[59] (№ от 15-го октября) и корреспонденту «Речи» (№ от 19-го октября). «*Пожалуй, не годится слово «бюро», – говорил Трубецкой, – следовало бы сказать: руководители партии*» (к.-д.), другая, столь же несущественная, «поправка» Трубецкого относится к тому, что он ездил к Витте «может быть, и не на другое утро, а через 2–3 дня». Наконец, корреспонденту «Речи» Трубецкой сказал:

«Следовало бы возразить на одно утверждение Гучкова. Он говорил, что общественные деятели не вступили в кабинет только из-за Дурново. Это не совсем так (не совсем так!) по отношению ко мне и, если не ошибаюсь, к Шилову. Я и Шипов выражали согласие вступить в состав кабинета при условии предварительной выработки программы, но Витте убеждал нас вступить в министерство, не ставя этого условия. В этом и заключается наше отличие от Гучкова, который, сколько помнится, такого условия не ставил». Осторожно выражается по этому пункту г. Трубецкой: «не совсем так», «сколько помнится»!

Г-н Петрункевич выступает в «Речи» 19-го октября – через *три недели* после начала разоблачений!! И посмотрите, *как* выступает.

Начинает он с длинного рассуждения (27 строк) о том, что на память полагаться нельзя, а мемуары вел один Шипов.

¹⁵ Так! Ред.

К чему это рассуждение? Хотите вы оглашения истины немедленно и полно? Тогда нет ничего легче, как *назвать всех* участников и опросить их. Если же вы не хотите оглашения истины о *своей* партии, то не к чему играть в прятки, ссылаясь на Шилова.

Далее, на 27 строках идет рассуждение о склонности октябристов к «уткам». – При чем это рассуждение, раз «Голос Москвы» назвал *лицо*, подтвердившее сообщение?? Г-н Петрункевич явно стремится загромоздить простой и ясный вопрос кучей литераторского и дипломатического сора. Это – прием *не честный*.

Следует 20 строк колкостей по адресу г. Трубецкого: «личное воспоминание» – никаких других воспоминаний, кроме личных, не бывает! – князь об этом «*никому ни слова не говорил*» – курсив Петрункевича, явно упрекающего этим Трубецкого за нескромность. Вместо прямого ответа на вопрос кадеты начинают упрекать друг друга за нескромность! Какой смысл *может* иметь подобный прием, кроме того, что он выдает *досаду* кадетов за разоблачения? выдает их попытки *замаять* дело (дескать, не будьте, князь, нескромным дальше!).

После 74-х строк предисловия следует, наконец, опровержение по существу: 1) бюро к.-д. партии было в Москве и не могло поэтому собираться у Петражицкого; 2) Петражицкий «в то время не входил в состав лиц, руководивших делами партии»; 3) «некоторые члены (бюро к.-д. партии), находившиеся в Петербурге, не были уполномочены входить в какие-либо переговоры, а тем более в союзы с графом Витте, Дурново или с кем-либо другим». 4) «Лично я (г. Петрункевич) был у Петражицкого *один* (курсив г. Петрункевича) раз, и в этот раз действительно происходила беседа о возможности кандидатуры кн. Е. Трубецкого в мин. нар. проев., причем все присутствующие выражали убеждение, что князь может занять предлагаемый пост лишь под условием ясной и определенной программы всего министерства, вполне соответствующей условиям политического момента, притом министерства, которому «общество» (припомните, *что* понимают под «обществом» *все* спорящие: рабочие и крестьяне – *не* «общество») могло доверять. Весьма может быть, что при этом оценивались личные и политические качества различных кандидатов, в том числе Дурново и Столыпина, но ни моя память не сохранила горячей речи, убедившей всех присутствовавших, ни память последних, к воспоминаниям которых я обратился».

Вот и все деловое «опровержение» г-на Петрункевича, добавляющего на 48-ми строках еще ряд колкостей по адресу Трубецкого, что-де память ему изменила, что партия к.-д. союза с Дурново не заключала «и не допустила члена своей партии кн. Трубецкого вступить в министерство, которое партия не могла поддерживать».

Ничего нового не прибавляют письма Трубецкого и Петрункевича в «Речи» от 27-го октября: первый настаивает, что именно Петрункевич «советовал предпочесть Дурново Столыпину», второй отрицает это.

Что же получается в итоге?

Г-н Петрункевич заявил, что некоторые члены бюро, находившиеся в Петербурге, *не были уполномочены входить в какие-либо переговоры*, но *факт* переговоров он подтверждает против своей воли! «На совещании у Петражицкого, – пишет сам г. Петрункевич («Речь» 27. X.), – мы обсуждали кандидатуру кн. Трубецкого».

Значит, *переговоры были*. Если «партия», как пишет тот же г. Петрункевич, «не допустила» Трубецкого, *значит*, переговоры *велись от имени партии!*

Г-н Петрункевич побивает сам себя с замечательным искусством. Не было переговоров, но... но было «совещание о кандидатуре». Не было заседаний бюро партии, но... но было решение партии. Подобные жалкие увертки характеризуют людей, тщетно пытающихся *спрятаться*. Чего бы проще, в самом деле, как назвать *всех* участников совещания? как привести точное решение «бюро» или партии, или руководящих лиц? как изложить будто бы ясную, будто бы определенную программу, которой требовали (будто бы) кадеты от

министерства Витте? Но в том-то и беда наших либералов, что они *не могут* сказать правды, что они *боятся* ее, что она их *губит*.

Вот и являются мелкие, мизерные уловки, увертки, отговорки, затрудняющие (для невнимательного, по крайней мере, читателя) уяснение великой важности исторического вопроса об отношении либералов к правительству в октябре 1905 года.

Почему правда губит кадетов? Потому, что факт переговоров, обстановка и условия их опровергают басню о «демократизме» кадетов и доказывают контрреволюционность их либерализма.

Могла ли вообще демократическая на деле партия вступать в переговоры с таким человеком, как Витте, в такое время, как октябрь 1905 года? Нет, не могла; для подобных переговоров неизбежна была известная общая почва, именно общая почва контр-революционных стремлений, настроении, поползновении¹⁶. Не о чем было вести переговоры с Витте, кроме как о прекращении демократического, массового движения.

Далее. Если даже допустить на минуту, что кадеты вступали в переговоры *не без* демократических целей, то могла ли бы демократическая партия умолчать перед народом об этих переговорах, когда они были прерваны? никоим образом не могла. Тут-то и проявляется различие между контрреволюционным либерализмом и не заслуживающим подобной характеристики демократизмом. Либерал *хочет* расширения свободы, *но так*, чтобы демократия от этого не усилилась, чтобы переговоры и сближение с старой властью продолжались, укреплялись, упрочивались; поэтому либерал *не может* после разрыва переговоров публиковать об них, ибо этим он затруднит возобновление переговоров, «выдаст себя» демократии, порвет с властью, а именно с ней-то либерал рвать и не в состоянии. Напротив, демократ, если бы он попал в положение переговаривающегося с Витте и увидел бы тщету переговоров, тотчас опубликовал бы их, осрамив этим господ Витте, разоблачив их игру, вызвав дальнейшее движение демократии вперед.

Обратите также внимание на вопрос о программе министерства и о составе его. О втором говорят все участники и говорят точно, ясно: портфели такие-то предлагались такому-то. О *первом* же, т. е. о программе, *ни единого* ясного и точного слова! Каковы были претенденты на портфели, это и Трубецкой и Петрункевич хорошо помнят и говорят. Какова была «программа», *ни один* из них *не говорит*!! Что же это, случайность? Конечно, нет. Это – результат того (и несомненное доказательство того), что «программы» стояли у господ либералов на девятом месте, были пустой вывеской, «словесностью» – на деле никакой иной программы, кроме укрепления власти и ослабления демократии, Витте иметь не мог, и при любых обещаниях, посулах и заявлениях он *вел* бы только такую политику, – «живым» же делом было для них распределение портфелей. Только поэтому мог, например, Витте *совсем* забыть о программе (по словам Витте, было даже полное принципиальное согласие!), а вот о том, кто лучше (или кто хуже?), Дурново или Столыпин, об этом споре все помнят, все говорят, все приводят ссылки то на речи, то на аргументы того или иного лица.

Шила в мешке не утаишь. Историческая правда даже из умышленно подкрашиваемых рассказов трех-четырех лиц выступает с достаточной определенностью.

Вся либеральная буржуазия России, от Гучкова до Милюкова, – который, несомненно, политически ответствен за Трубецкого, – повернула сейчас же после 17-го октября *от* демократии к Витте. И это не случайность, не измена отдельных лиц, а переход *класса* на соответствующую его экономическим интересам контрреволюционную позицию. Только стоя на этой позиции, могли кадеты переговариваться с Витте через Трубецкого в 1905 году,

¹⁶ См. прекрасное выяснение *этой* общей почвы на основании статей *самого* г. Милюкова («Год борьбы») в статье Ю. К.: «Из истории русского либерализма» в сборнике «Зарницы», СПб., 1907. «Отставка гр. Витте равносильна потере последнего шанса сговориться», – писал г. Милюков 18-го апреля 1906 года, признавая тем самым вполне ясно и определенно, что *сговоры* были и были *шансы*, был смысл в *повторении* попыток к сговору.

с Треповым через Муромцева в 1906 и т. д. Не поняв отличия контрреволюционного либерализма от демократии, нельзя ничего понять ни в истории этой последней, ни в ее задачах.

«Просвещение» № 1, декабрь 1911 г. Подпись: П.

Печатается по тексту журнала «Просвещение»

Три запроса

Стенографические отчеты Государственной думы – даже III Думы – представляют из себя замечательно интересный и поучительный политический материал. Не будет преувеличением сказать, что приложение к бутербродной газете «Россия»^[60] ценнее всех либеральных газет. Ибо либеральные газеты прикрашивают либералов, притупляют острые углы в постановке вопросов «правыми», с одной стороны, и представителями действительных масс населения, с другой, вносят всегда и неизменно фальшь в оценку *сути* нашей «внутренней политики». А именно в *постановке* соответствующих вопросов, именно в оценке *сути* дела и заключается центр тяжести всех социально-экономических и политических задач современности.

Попытаемся пояснить сказанное, насколько возможно, на прениях к трем запросам: об охране, о голоде, о «временном» положении 1881 года^[61].

Первое заседание текущей сессии Думы открылось речью председателя-октябриста о Столыпине. Интересно было тут то, что, по словам вождя октябристов, «неусыпной заботой его (Столыпина) было неуклонное, хотя и осторожное, осмотрительное движение вперед по пути развития политической и общественной жизни России». Не правда ли, хорошо? Столыпин в качестве «прогрессиста»! Почему *иного* «прогресса», кроме настоящего, данного – не удовлетворяющего даже октябристов – не может быть при всей той системе управления, при том государственном устройстве, при сохранении того класса, политику которого проводил Столыпин, на этом, вероятно, останавливалась мысль не одного демократического читателя родзянковской речи. К сожалению, никто из тех думских депутатов, присутствовавших при произнесении этой речи¹⁷ и причислявших себя к демократии, не пожелал остановиться на разъяснении *классовых* корней столыпинской формы «прогресса».

А повод для этого был удобный при прениях об охране.

Столыпин «верил» достопочтенному А. И. Гучкову, – гремел Марков 2-й, – и его не менее достопочтенным друзьям из середины Думы. Он был наказан смертью за свою доверчивость. Успокоение, которое нам пришлось пережить, это есть успокоение могилы. Другого успокоения нет (голоса слева: правильно). Есть подъем революции... Нет успокоения, а грядет революция. С революцией надо биться, биться грудью, лоб о лоб (смех слева), нужно вешать этих негодяев, изуверов и мерзавцев. Вот что я имею сказать против спешности этого запроса».

Такова была постановка вопроса у представителя помещиков.

После Маркова 2-го говорил – уже по существу запроса – Родичев. Он говорил, как всегда, красно. Но постановка вопроса у этого красноречивого либерала до невероятия убогая. Либеральные фразы, фразы и больше ничего. «Когда центральный комитет (октябристов), – восклицал г. Родичев, – заявляет по отношению к оппозиции, что она стремится к убийству своих политических противников, это есть постыдная ложь. И эту ложь я вам готов простить, если вы поклянетесь покончить с той змеей, которая овладела русской властью, покончить с шпионократией» (см. 23 стр. стенографического отчета «России», и на стр. 24 еще раз, тоже с «клятвой»).

¹⁷ Из речи Маркова 2-го мы узнаем, что рабочие депутаты не присутствовали. «Вы, – обращаясь к ним, сказал Марков 2-й, – откровенно выразили свое отношение... когда пустовали ваши скамьи сейчас... Вы ушли... Я за это вас, если не уважаю, то понимаю». Марков 2-й ведет себя в Думе очень часто совершенно по-хулигански. Но в приведенных его словах, как и в очень многих заявлениях его коллег, видна прямая постановка вопроса с точки зрения определенного класса. Эта прямота сплошь да рядом во сто раз полезнее для развития политического сознания масс, чем избитые фразы либералов, претендующих на «надклассовую» позицию.

Эффектно, «ужас» как эффектно! Родичев готов простить октябристов, если они «поклонятся» покончить! Полноте врать, г. говорун: не только октябристы, но и *вы*, кадеты, сколько бы ни «клялись», – *покончить* ни с каким серьезным злом не можете. Фразами о «клятвах» по такому серьезному вопросу вы *затемняете* политическое сознание масс вместо того, чтобы просветлять его, вы *засоряете* головы шумихой слов вместо того, чтобы объяснять спокойно, просто, ясно излагать, *почему* эта «змея» овладела, могла овладеть, должна была овладеть данной властью.

Не объясняя этого, боясь просто и прямо взглянуть на корень и на суть вопроса, г. Родичев отличается от октябристов именно не постановкой вопроса, отличается от них не принципиально, а только размахом красноречия. Он стоит, если посмотреть чуточку повнимательнее на его речь, если подумать над ней хоть слегка, – он стоит, в сущности, на точке зрения октябристов: *только* поэтому он и может обещать им «прощение», если они «поклонятся». Все эти прощения, все эти клятвы – одна сплошная комедия, которую играют боящиеся сколько-нибудь последовательной демократии либералы. Отсюда та постановка вопроса, которую мы видим у Родичева в словах о «пропорции», в защите Лопухина и т. д. Отличия по существу в позициях октябристов и либералов *нет*.

Напротив, вдумайтесь в речь Покровского 2-го. Он начинает с указания на то, что запрос его и его коллег «по существу совершенно отличен» от запроса октябристов. И хотя в запросе Покровского 2-го и его коллег есть не совсем удачные места, но это отличие *по существу* было отмечено правильно. «Нас беспокоит не то, – говорил Покровский 2-ой, – что охрана гибельна для правительства, что беспокоит вас; нас беспокоит то, что охрана, которая культивируется правительством при вашем содействии, что эта охрана несет гибель стране...».

И Покровский 2-ой старается *объяснить* – не декламировать, а объяснить, – почему нужна власти охрана, каковы классовые корни подобного учреждения (классовые корни «клятвами» и «прощениями» не затрагиваются). «Правительство, – говорил Покровский 2-ой, – ставшее совершенно чуждым обществу, оно, не имевшее в обществе никакой опоры, так как оно стало врагом демократии, оно имело в самом себе только жалкие остатки из вымершего класса дворянства, оно *должно было* (курсив наш) окопаться, отделиться и изолировать от общества – и вот оно создало охрану... И вот, по мере роста широкого общественного движения, по мере того, как все широкие слои демократии захватываются этим движением, растет значение и влияние охраны».

Покровский 2-ой видимо сам чувствовал, что слово «общество» тут не точно, и потому стал заменять его *верным* словом: демократия. Во всяком случае он дал – и в этом его громадная заслуга – попытку *объяснения* сущности охраны, к уяснению ее классовых корней, ее связи со *всем* государственным устройством.

Если даже оставить в стороне необузданное и безвкусное фразерство г. Родичева, неужели не очевидно, что постановка вопроса у Покровского 2-го и у Гегечкори, как небо от земли, отличается от постановки вопроса у Родичевых? А между тем в постановке вопроса рабочими депутатами существенным было последовательное применение демократизма, только демократизма. Выяснение глубокой разницы между демократизмом настоящим и кадетским либерализмом (либерализмом «общества»), всеу приемлющим имя демократии, есть одна из важнейших задач в III Думе вообще, после периода 1906–1911 гг. в частности, перед выборами в IV Думу в особенности.

* * *

Перейдем к второму запросу, о голоде. Первым говорил г. Дзюбинский и говорил из рук вон плохо. Не то, чтобы у него не было верных фактов, – нет, он подобрал факты, безусловно

верные, и просто, ясно, правдиво изложил их. Не то, чтобы у него не было сочувствия к голодающим, – нет, такое сочувствие у него несомненно есть. Не то, чтобы он упустил из виду критику правительства, – он критиковал его все время. Но он говорил не как демократ, а как либеральный чиновник, и в этом коренной грех его речи, в этом коренной грех всей позиции «интеллигентов» трудовой группы, еще яснее выступающий, например, из протоколов первой и второй Думы. Дзюбинский отличался от кадетов только тем, что у него не было контрреволюционных ноток, которые всякий внимательный человек всегда заметит у кадетов; по своей постановке вопроса дальше точки зрения либерального чиновника Дзюбинский не пошел. Поэтому его речь так бесконечно слаба, так убийственно скучна, так убога – особенно по сравнению с речью его коллеги по партии, крестьянина Петрова 3-го, в котором чувствуется (как и во всех почти *крестьянах-трудовиках* и первой и второй Думы) настоящий, нутряной, «почвенный» демократ.

Посмотрите, как начинает г. Дзюбинский. Говоря о голоде, он во главу угла ставит... что бы выдумали?., продовольственный устав «временных правил 12 июня 1900 года»!! Вы чувствуете сразу, что этот человек, этот политический деятель самые живые впечатления о голоде почерпнул не из личного опыта, не из наблюдения над жизнью масс, не из ясного представления об этой жизни, а из учебника полицейского права, причем, разумеется, он взял новейший и лучший учебник самого либерального, самого, что ни на есть, либерального профессора.

Г-н Дзюбинский критикует правила 12 июня 1900 года. Посмотрите, *как* он критикует: «почти со времени издания правил 12 июня 1900 года они были признаны и самим правительством и самим обществом неудовлетворительными...». Самим правительством признаны неудовлетворительными – значит, задача демократии исправлять правила 12-го июня 1900 года, чтобы их могло само правительство «признать удовлетворительными»! Так и переносишься мысленно в обстановку российского провинциального присутственного места. Воздух затхлый. Пахнет канцелярией. Присутствуют губернатор, прокурор, жандармский полковник, непременный член, два либеральных земца. Либеральный земец доказывает, что надо возбудить ходатайство об исправлении правил 12 июня 1900 года, ибо они «признаны самим правительством неудовлетворительными»... Помилосердствуйте, г. Дзюбинский! К чему же нам, демократии, нужна Дума, если мы и *в нее* будем переносить язык и манеру, образ «политического» мышления и постановку вопросов, которые были извинительны (если были извинительны) 30 лет тому назад в провинциальной канцелярии, в уютном мещанском «гнездышке» – кабинете либерального инженера, адвоката, профессора, земца? Для этого не нужно никакой Думы!

Пословица говорит: «скажи мне, с кем ты знаком, и я тебе скажу, кто ты такой». Когда читаешь стенографические отчеты Думы, то хочется переделать эту поговорку по адресу того или иного депутата следующим образом: «покажи мне, *с кем* ты говоришь, когда ты выходишь на трибуну Гос. думы, и я тебе скажу, кто ты такой».

Г-н Родичев, например, говорит всегда, как и все кадеты, с правительством и с октябристами. Г. Родичев, как и все кадеты, приглашает их «поклониться» и под этим условием соглашается их «простить». В сущности, эта гениальная родичевская фраза – (нечаянно до правды договорился!) – великолепно передает весь дух кадетской политической позиции вообще, во *всех* Думах, во всех важнейших выступлениях к.-д. партии и в парламенте, и в печати, и в передней у министра. «Ложь я вам готов простить, если вы поклянетесь покончить с той змеей, которая овладела русской властью», – эти слова следует выгравировать на памятнике, который пора уже поставить г. Родичеву.

Но г. Дзюбинский не кадет; он не принадлежит к числу тех политически безграмотных людей, которые считают кадетов демократической партией; он называет себя трудовиком, народником. И у него настолько нет демократического чутья, что он, входя на трибуну Гос.

думы, продолжает говорить с чиновниками. У него настолько нет чутя, что он адресуется – а это возможно в России именно из Думы и пока что едва ли не только из Думы – не к миллионам крестьян, которые голодают, а к сотням чиновников, знающих про правила 12 июня 1900 года.

«Правила 12 июня, – говорит г. Дзюбинский, – имели чисто политическое значение; они имели в виду устранить земские общественные организации и передать это дело продовольственной помощи населению, передать его всецело в руки правительства».

«Правила 12 июня имели чисто политическое значение»... Что это за язык? Какой ветхой стариной отдает от него! Лет 25–30 тому назад, в проклятой памяти 80-ые годы прошлого века, «Русские Ведомости» писали именно таким языком, критикуя с земской точки зрения правительство. Проснитесь, г. Дзюбинский! Вы проспали первое десятилетие XX века. За то время, что вы изволили почивать, старая Россия умерла, народилась новая Россия. *Нельзя* говорить с этой новой Россией таким языком, что в упрек правительству ставится «чисто политическое» значение его правил. Это – язык гораздо более реакционный, при всей его благонамеренности, чинности и аккуратной благожелательности, чем язык реакционеров III Думы. Это – язык такого народа – или такого отпуганного от всякой политики провинциального чиновника, – который считает «политику» чем-то вроде наваждения и мечтает о продовольственной кампании «без политики». С современной Россией можно говорить, только апеллируя от одной политики к другой политике, от политики одного класса к политике другого класса или других классов, от одного политического устройства к другому: это азбука не только демократизма, но даже самого узкого либерализма, если брать серьезное значение этих политических терминов.

Вся речь Дзюбинского проникнута тем же духом, что ее начало. Он говорит о циркулярах насчет взимания податей, о податном винте, о льготных тарифах для косарей и ходоков, о том, что семена получают позже посевов, о выдаче ссуд под корову – ибо правительству нужнее прокормление скота, чем прокормление людей, – о том, что крестьяне предпочитают занять 75 000 руб. из 12 % в частном банке, чем *волокиту* беспроцентного займа 70 000 руб. у казны, он приводит в заключение поучительнейшие письма с мест, рисующие нужду ужасных размеров. Но во всей этой благонамереннейшей речи нет ни искорки демократического чувства, ни капли понимания задач демократической «*политики*». Из речи вытекает несомненно, – и это хотел доказать благонамеренный г. Дзюбинский, – что наши порядки гнилы, но горестно то, что оратор даже не замечает, как из его речи «следует» в то же время гнилая мораль гнилого либерального чиновника.

Через оратора после Дзюбинского говорил граф Толстой, депутат от Уфимской губернии, очень далекий от трудовичества, но говорил он точь-в-точь подобно Дзюбинскому: «из-за каких-то политических соображений, которыми руководствуется правительство, систематически устраняя земство от участия в продовольственном деле, от этого страдает громадная часть простого народа...». Речи Дзюбинского и гр. Толстого могли быть сказаны и двадцать и пятьдесят лет тому назад. В этих речах еще живет старая, к счастью уже умершая, Россия, в которой не было классов, сознавших или начавших сознавать различие «политики» различных элементов населения, научившихся или начавших учиться бороться открыто и прямо за свои противоположные интересы, Россия «простого народа» внизу и либерального земца при нелиберальном в большинстве случаях чиновнике вверху. И «простой народ» и либеральный земец пуще огня боялись тогда «каких-то политических соображений».

Переверните пару страниц стенографического отчета. Перед вами речи, которые не могли быть сказаны в России ни пятьдесят, ни двадцать, ни даже семь лет тому назад, если взять эти речи в их совокупности. Дуэль Маркова 2-го и Петрова 3-го – люди с номерами,

как нарочно, чтобы показать, что перед нами типичные представители соответствующих классов, такие, каких много. Марков 2-ой нападает по-старому, Петров 3-ий обороняется и переходит от обороны к наступлению *не* по-старому.

Марков 2-ой: «... Голословные и совершенно не вызванные фактическим положением дела нападки объясняются, конечно... тем, что, что бы ни делало правительство русское, необходимо наш народ бунтовать»... «в западных губерниях... люди трудятся на земле и делают то, чего у вас на Волге не хотят делать» – (к кому обращается оратор со словами: «у вас на Волге», не совсем ясно, ибо раньше него говорил лишь трудовик Кропотков из Вятской губернии; очевидно, «у вас на Волге», – это сказано *не* про думских депутатов, *не* про то, что есть или было в Думе, а про нечто другое), – «ибо на Волге слишком много лодырей, и это надо помнить... Мы знаем, что у вас много среди голодающих тех, кого действительно надо заставить поголодать, дабы он работал, а не бездельничал».

Петров 3-ий, хотя он не с Волги, а от Пермской губернии, отвечает: «Опять напоминаю, господа, если Марков 2-ой не лодырь, то он должен вспомнить 1905 и 1906 года, после которых господа помещики получили миллионные пособия из государственного казначейства. Что это значит? Прежде об этом должны вспомнить, а бросать вызов крестьянам вы не имели на то права».

Марков 2-ой (с места): «Потише, любезный».

– Как грубо ведут себя эти «вторые» и «третьи», не правда ли?

Какая разнузданность – по сравнению с тем чинным, достойным, государственным языком, которым Дзюбинские доказывали предводителям дворянства несовершенство продовольственных правил 1850... то-бишь 1900 года! – Точно из приличного кабинета приличного «общественного деятеля» мы попали куда-то на площадь, на улицу, в толкотню, суматоху. Какое неприличие, какое беспокойство! Но мы увидим сейчас, как водворил «порядок» – не подумайте: председатель, нет – приличный общественный деятель, член конституционно-демократической партии г. Шингарев. Но сначала покончим с современной картинкой нравов.

Петров 3-ий: «... Говорят, что если вы отпустите средства на продовольствие, то они их снесут в кабаки. Господа, это неправильно. От кого зависит предупредить это? Ведь в настоящее время население многих губерний просит убрать кабаки, а их не убирают. Может быть, да, известную часть пропивает население. Но надо Маркову 2-му и другим посмотреть на себя, на сколько вы, господа дворяне, пропиваете? Может быть, если мы разложим на единицы, то получится, что вы пропиваете куда как больше, чем крестьяне... Пока та земля, которая должна принадлежать крестьянам, находится в руках таких Марковых, Пуришкевичей и компании, само собою, голодовки непрерывно будут продолжаться. А эти господа будут говорить, что голодовки оттого, что крестьяне лодыри.

Марков 2-й (с места). Наши не голодают.

Петров 3-ий. Я думаю, господа, коренной вопрос, как уничтожить всякие голодовки, именно заключается в том, чтобы взять землю из рук тех, которые ее не возделывают, этих господ «не лодырей», и передать тем, которые ее возделывают, и до тех пор, пока вы не передадите, – а вы ее не передадите, я это знаю наверно, – крестьянское население будет голодать. Само собою ясно, что та война, которая была в 1905 году, она неизбежна, к этому ведете вы, потому что голодный человек, он что зверь, и в этом отношении вы вызываете население на то, чтобы оно создало революцию и силой вырвало то, что ему принадлежит по праву».

Если бы председателем III Думы был Муромцев, он, наверное бы, оборвал оратора: в первой Думе он обрывал за такие неуместные речи. За отсутствием Муромцева «порядок» водворил следующий оратор Шингарев. Маркова 2-го он прямо пристыдил за «балаганные ноты», а Петрову 3-му преподал урок, *как* следует полемизировать с Марковыми. Товарищ

Маркова по фракции, Вишневский – сказал г. Шингарев – «говорил искренне» и говорил за принятие запроса. Он, Шингарев, «надеется, что правительство будет умнее, чем речь депутата Маркова... долг русского народного представителя сказать таким господам: стыдно вам».

Родичев и Шингарев окончательно пристыдили Маркова, а Шингарев своей образцовой полемикой с Марковым уничтожил совсем «третьего».

* * *

Последний из запросов, которым посвящены настоящие заметки, был запрос о «временных» правилах 14 августа 1881 года, т. е. о знаменитом Положении об охране, возобновляемом неуклонно в течение тридцати лет и представляющем из себя фактическую российскую конституцию. Главные речи по этому запросу произнесли Тесленко и Милюков, причем заключительным эпизодом явилось «исключение Еллинека», т. е. исключение на 15 заседаний Тесленко за цитату из Еллинека, *несмотря* на заявление Тесленко, что его слова «были чужды того смысла, который, очевидно, хотят придать теперь те, кто желает голосовать» за исключение.

Не входя подробнее в оценку этого интересного эпизода, отметим только, что даже по этому – политически столь простому и ясному – вопросу о положении 14 августа 1881 года лидер партии к.-д. г. Милюков сумел проявить во всем «блеске» специфически кадетскую узость и фальшь постановки вопроса. «Господа, – восклицал Милюков, – нет вопроса более жгучего, чем тот вопрос, который мы поставили, ибо это есть основное, коренное противоречие русской жизни (можно ли назвать противоречие между бумагой и русской жизнью противоречием русской жизни?), это есть противоречие между существующей формой государственного строя и приемами государственного управления...».

Неправда, г. Милюков. Именно положение 14 августа 1881 года, именно его тридцатилетний юбилей, именно его «своеобразная» «юридическая природа» доказывает, что между «существующей формой государственного строя» и приемами управления есть *полнейшее* соответствие, а вовсе не «противоречие». Усматривая тут противоречие, пытаясь конструировать пропасть между «строем» и «управлением», г. Милюков *тем самым* низводит свою критику зла с уровня демократической борьбы до уровня либеральных благопожеланий. Создавая на словах, фиктивно, пропасть между тем, что в жизни *неразрывно* связано, Милюков именно этим поддерживает юридические и государственно-правовые фикции, *облегчающие* оправдание зла, затемняющие его действительные корни. Милюков именно этим становится *на почву октябризма*, который тоже зла не отрицает, но старается устранить *формальные* противоречия, не устраняя *реального* всевластия бюрократии снизу доверху и сверху донизу.

Как настоящий кадет, Милюков не только не замечает того, что он безнадежно запутался, как «демократ», что он рассуждает по-октябристски, – мало того, он даже *гордится* своей «государственной» постановкой вопроса. Немедленно вслед за приведенными словами его речи читаем:

«...Противоречие это, господа, настолько очевидно, что даже из вашей среды (т. Милюков разговаривает, конечно, только с «руководящей партией III Думы», с октябристами) не раз и довольно часто на него указывали, но очень редко доходили до существа, до того корня, до той первопричины, о которой мы говорим сегодня. Обыкновенно к чему вы сводили этот вопрос о противоречии строя и управления? Вы ссылались на то, что нравы администрации нельзя уничтожить сразу»... (правильная ссылка, – если... если не устранить всей «администрации», на что не идут и кадеты)... «вы ссылались на то, что местная администрация не слушается центральных указаний, указаний из центра, самое большее, на что вы решались,

это – вы обвиняли центр в том, что он не дает надлежащих указаний. Всегда вы ставили вопрос об этом, как вопрос факта, мы ставим, как вопрос права».

Вы побиваете себя великолепно, г. Милюков! Октябристы *правы*, вполне и всецело правы, когда они указывают на тесную, неразрывную, теснейшую, неразрывнейшую связь центра с местной администрацией. Отсюда надо делать вывод демократический, ибо отрицать эту связь – после всего, что знает Россия о Толмачеве, Думбадзе, Рейнботе, Илиодоре, убийцах Герценштейна и т. д. – было бы смешно. А вы делаете отсюда наивный в своей половинчатости «вопрос права». Кто же будет определять размеры этого права? Как вы достигнете здесь «соглашения»? Что такое политическое право, как не формулировка, регистрация отношений силы? Вы списываете свои определения права из западноевропейских учебников, *записавших* то, что явилось в результате целого периода долгих битв на Западе, в результате установившихся (впредь до принципиально иных движений рабочего класса) отношений силы между разными элементами западной буржуазии, западного крестьянства, западных помещиков-феодалов, власти и т. д. В России этот период только еще начался, вопрос *стоит* у нас – такова данная историческая обстановка – именно, как вопрос «факта», а вы пятитесь назад от прямой и ясной постановки, прячете голову под крыло, одеваете себе шапку-невидимку из фикций «права». Вы стоите на точке зрения либерального чиновника, а не на точке зрения демократа.

«Просвещение» № 1, декабрь 1911 г. Подпись: Петербуржец

Печатается по тексту журнала «Просвещение»

Голод и Черная дума

Еще не так давно, под впечатлением прошлогоднего урожая, продажные писаки гордо вещали о благих последствиях «нового аграрного курса», а за ними некоторые наивные люди провозглашали наступивший поворот в нашем сельском хозяйстве, общероссийский подъем его.

Теперь, как раз к 5-летней годовщине указа 9 ноября 1906 года^[62], охвативший чуть не половину России голод и неурожай самым наглядным и неотразимым образом свидетельствует, сколько заведомой лжи или ребяческого непонимания скрывалось в этих надеждах на столыпинскую аграрную политику.

Даже по правительственным подсчетам, точность и «скромность» которых доказали предшествующие голодовки, бедствием неурожая охвачены 20 губерний; 20 миллионов душ населения «имеют право на оказание продовольственной помощи», т. е. пухнут от голода и разоряют свое хозяйство.

Коковцов не был бы министром финансов и главою контрреволюционного правительства, если бы не «ободрял»: неурожай видите ли нет, а есть только – «недород»; голод «не ведет к болезням», наоборот, «иногда помогает» от них, рассказы о бедствии голодающих – сплошная газетная выдумка – об этом красноречиво свидетельствуют губернаторы; наоборот, «экономические условия застигнутых недородом местностей вовсе не так плохи»; «идея даровой кормежки населения вредна»; наконец, меры, принятые правительством, «достаточны и своевременны».

Глава конституционного правительства забыл еще упомянуть о своем гениальном изобретении в борьбе с голодом: о предоставлении сыщикам полномочий организовывать «помощь голодающим».

Теперь «общественная помощь» даже со стороны легальных либеральных обществ устранена, и саратовский сыщик, в качестве монопольного радетеля о голодающих, мог невозбранно пропивать в кабаках вверенные ему для голодающих ссуды.

Разумеется, правые крепостники в восторге от «обстоятельной и, так сказать, всеобъемлющей речи г. председателя Совета министров» (депутат Вишневский, заседание 9 ноября); разумеется, холопствующие октябристы поспешили засвидетельствовать в своей думской формуле перехода, что «правительство своевременно озаботилось принятием мер борьбы с последствиями неурожая»; а один из их лидеров (не простых смертных!) глубоко-мысленно рассуждал о «свободной циркуляции рыбных консервов для того, чтобы обеспечить населению целесообразную пищу».

Голодный тиф, цинга, питание падалью, отбиваемой у собак, или зольно-навозным хлебом, который показывали в заседаниях Государственной думы, – все это не существует для октябристов. Для них слово министра – закон.

А кадеты? Даже в таком вопросе они вместо честной оценки гнусного поведения правительства не нашли ничего лучшего, как устами своего оратора Кутлера «делать успокоительные выводы из обширной речи председателя Совета министров» (заседание 9 ноября); а в своей формуле перехода нежно называли деятельность правительства лишь «мало (!) планомерной, недостаточной и далеко не всегда (!) своевременной...».

Вопрос о способах продовольственной помощи и об организации ее, как правильно заметил в своей речи с.-д. депутат, товарищ Белоусов, лишь одна сторона дела. Не менее важен основной вопрос, возникающий каждый раз, когда заходит речь о голоде, – вопрос о *причинах* голодовок и мерах борьбы с неурожаем.

Для правых крепостников решение – «очень просто»: нужно заставить работать мужиков-«лодырей» еще больше и тогда – «ён достанет». Курский зубр Марков 2-ой находит

«ужасным», что «из 365 дней мужик работает 55–70 дней, а 300 дней ничего не делает» и лежа на печи «требуем казенного пайка».

Полукрепостники из националистов и октябристов смотрят «глубже»: по обязанности славословить начальство они пробуют еще убеждать, что «радикально вопрос о голоде будет решен тогда, когда земля уйдет из рук слабых и пьяных в руки сильных и трезвых», «когда осуществится реформа, намеченная покойным П. А. Столыпиным, когда ставка на сильных будет выиграна» (речь Келеповского в заседании Думы 9 ноября).

Но более дальновидные из недавних защитников указа 9 ноября уже начинают чувствовать, что над этой «великой реформой» веет дыханием смерти. Саратовский депутат Н. Львов, стоявший и «стоящий за закон 9-го ноября», делится с Думой следующими впечатлениями, вынесенными «от соприкосновения с действительностью»: – «как-то страшно далеко все то, что вы здесь говорите в Гос. думе, от той непосредственной ближайшей нужды, которую вы видите своими глазами». «Нужна большая осторожность и нужно щадить то население, которым некоторые хотят пренебречь. Благодаря закону 9 ноября, в некоторых губерниях, и в том числе в Саратовской, появилось много новых людей, цена на землю поднялась и положение беднейшего населения стало крайне тяжким... В крестьянском населении растет страшная ненависть и проклятие бедноты, против которых следовало бы принять какие-нибудь меры... Ведь ставка на сильных вовсе не означает, что надо беднейших доконать и оставить их погибать в нищенстве» и т. д., и т. д.

Словом, впечатления, «вынесенные от соприкосновения с действительностью», начинают протирать глаза этому помещику, «стоявшему за закон 9-го ноября».

Несравненно более глубокое сомнение в спасительности столыпинской «земельной реформы» голод нынешнего года посеял в душах правых крестьян; и предложение правого крестьянина Андрейчука, «чтобы правительство в скором времени внесло в Гос. думу законопроект об установлении предельной нормы количества земли крупного землевладения», – это предложение, поддержанное всеми правыми крестьянами и даже сельскими священниками, лучше всего показывает, как крестьяне, хотя бы и правые, понимают «борьбу с голодом».

«Нутряное» мужицкое требование Андрейчука еще и еще раз (вспомним заявление правых и левых крестьян о наделении малоземельных путем принудительного отчуждения помещичьих земель, вспомним выступления крестьян в прениях об указе 9 ноября и т. д.) свидетельствует о том, насколько необходимость земельной революции проникает в сознание даже правых крестьян, насколько борьба с голодом мыслится и у них *неразрывно с борьбой «за землю»*.

Действительная борьба с голодовками невозможна без устранения крестьянского малоземелья, без ослабления податной задавленности крестьян, без подъема их культурного уровня, без решительного изменения их правового положения, без конфискации помещичьих земель – *без революции*.

И в этом смысле неурожай нынешнего года является новым напоминанием о смерти для всего нынешнего строя, для всей третьеиюньской монархии.

«Рабочая Газета» № 7, 22 декабря 1911 г. (4 января 1912 г.)

Печатается по тексту «Рабочей Газеты»

1912 г.

VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП^[63]. 5–17 (18–30) января 1912 г.

Проекты резолюций впервые напечатаны: о конституировании конференции и о задачах с.-д. в борьбе с голодом – 18 января 1937 г. в газете «Правда» № 18; о современном моменте и задачах партии – в 1941 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 1; о ликвидации и о группе ликвидаторов – в 1929–1930 гг. во 2–3 изданиях Сочинений В. И. Ленина, том XV. Резолюции напечатаны в феврале 1912 г. в брошюре «Всероссийская конференция Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии», изданной в Париже ЦК РСДРП

Печатается: проекты резолюций по рукописям; резолюции по тексту брошюры

1. Проект резолюции о конституировании конференции

Резолюция о конституировании

Принимая во внимание,

1) что вызванные широким потоком контрреволюционных настроений и отчаянными преследованиями со стороны царизма распад и развал большинства организаций партии при долголетнем отсутствии партийного практического центра, Центрального Комитета, обусловили чрезвычайно тяжелое положение Российской С.-Д. Р. Партии;

2) что в настоящее время в связи с оживлением рабочего движения наблюдается всюду усиленное стремление передовых рабочих к восстановлению нелегальных организаций партии и что на этой почве проявлена громадная и успешная инициатива большинства местных организаций РСДРП по возрождению партии и созыву общепартийной конференции;

3) что неотложнейшие практические задачи рабочего движения и революционной борьбы с царизмом (руководство экономической борьбой, политической агитацией и пролетарскими митингами, выборы в IV Думу и т. д.) делают безусловно необходимыми немедленные и самые энергичные меры по восстановлению правомочного и тесно связанного с местными организациями практического партийного центра;

4) что после более чем трехлетнего перерыва со времени последней конференции РСДРП и более чем двухлетних многократных попыток созвать собрание представителей всех организаций партии, в настоящее время удалось наконец сплотить 20 русских организаций вокруг созывавшей данную конференцию Российской организационной комиссии, которая оповестила о конференции уже несколько месяцев тому назад всех социал-демократов и пригласила на конференцию решительно все, без единого исключения, организации нашей партии, причем всем организациям предоставлена была возможность участвовать на конференции;

5) что на настоящей конференции, несмотря на запоздание ее и на ряд тяжелых провалов, представлены, за чисто единичными исключениями, все действующие в России организации, —

– конференция конституируется как общепартийная конференция РСДРП, являющаяся верховным органом партии и обязанная создать правомочные центральные учреждения.

Написано в январе, не позднее 5 (18), 1912 г.

2. Проект резолюции о современном моменте и задачах партии

Конференция прежде всего подтверждает резолюцию «О современном моменте и задачах партии», принятую партийной конференцией в декабре 1908 года. Конференция указывает на особо важное значение этой резолюции, положения которой относительно исторического значения и классовой сущности всего третьейюньского режима, с одной стороны, и относительно нарастания революционного кризиса, с другой, в полном объеме подтверждены событиями истекших трех лет.

Из этих событий конференция, в частности, отмечает следующее:

а) Аграрная политика царизма, с которой связали свои контрреволюционные интересы как правительственные партии помещиков и крупной буржуазии, так и контрреволюционный либерализм, не только не привела к созданию сколько-нибудь устойчивых буржуазных отношений в деревне, но не избавила крестьянское население от массовых голодовок, обозначающих крайнее ухудшение в положении населения и громадную потерю производительных сил.

б) Оставаясь бессильным на почве мировой конкуренции современных капиталистических государств и будучи оттесняемо все более на задний план в Европе, самодержавие в союзе с черносотенным дворянством и крепнущей промышленной буржуазией пытаются ныне удовлетворить свои хищнические интересы путем грубо-«националистической» политики, направленной против более культурных областей (Финляндия, Польша, Северо-западный край), и путем колониальных захватов, направленных против ведущих революционную борьбу за свободу народов Азии (Персия, Монголия).

в) Начинаясь экономический подъем в громадной степени парализуется полным расстройством экономического положения крестьянства, хищнической бюджетной политикой самодержавия и полным разложением бюрократического аппарата, а с другой стороны, усиливающаяся дороговизна жизни обостряет нужду рабочего класса и широких масс населения.

г) В связи с этим широкие массы населения за время пятилетнего существования III Думы все более убеждаются в ее нежелании, неспособности и бессилии сделать что-либо для улучшения положения широких масс народа, и в антинародном характере главенствующих в ней партий.

д) В широких кругах демократии и в первую голову среди пролетариата замечается начало политического оживления. Рабочие стачки 1910–1911 гг., начало демонстраций и пролетарских митингов, начало движения среди городской буржуазной демократии (студенческие забастовки) и т. д. – все это есть признаки нарастающего революционного настроя масс против режима 3-го июня.

Конференция, исходя из всех этих данных, подтверждает те стоящие перед партией задачи, которые подробно указаны в резолюции декабрьской 1908 года конференции, и обращает особое внимание товарищей на

1) то, что на очереди дня, как и раньше, стоит прежде всего длительная работа социалистического воспитания, организации и сплочения сознательных масс пролетариата;

2) необходимость усиленной работы по восстановлению нелегальной организации РСДРП, использующей еще шире, чем до сих пор, все и всяческие легальные возможности, способной к руководству экономической борьбой пролетариата и единственно могущей руководить все учающимися политическими его выступлениями;

3) необходимость постановки и расширения систематической политической агитации и всесторонней поддержки начинающегося движения масс и расширения его под знаменем полностью проводимых лозунгов партии.

Республиканская пропаганда против политики царской монархии должна быть особо выдвинута между прочим и в противовес широко ведущейся пропаганде укорочения лозунгов и приспособления к существующей «легальности».

Написано в первой половине января 1912 г.

3. Проект резолюции о задачах с.-д. в борьбе с голодом

Принимая во внимание,

1) что голодовка 20-ти миллионов крестьян в России показывает еще раз совершенно невыносимое, немыслимое ни в одном цивилизованном государстве мира, задавленное положение крестьянской массы, угнетаемой царизмом и классом крепостников-помещиков;

2) что настоящая голодовка лишний раз подтверждает неуспех правительственной аграрной политики и невозможность обеспечить сколько-нибудь нормальное буржуазное развитие России при направлении ее политики вообще и земельной политики в частности классом крепостников-помещиков, царящих в виде правых партий, и в III Думе и в Государственном совете и в придворных сферах Николая II;

3) что черносотенные партии (с гг. Марковыми и т. п. во главе) своими заявлениями в Думе и возложением ответственности на «лодырей-крестьян» довели бесстыдство грабящей Россию царско-помещичьей шайки до такой степени, что самым темным открываются глаза и самые равнодушные приходят в волнение;

4) что правительственные помехи делу помощи голодающим, полицейские придирки к земствам, к собирающим сборы и организующим столовые комитеты и т. п. вызывают самое широкое недовольство даже в буржуазии и голоса протеста даже среди такой отсталой и контрреволюционной буржуазии, как октябристская;

5) что либерально-монархическая буржуазия, помогая своей печатью осведомлять общество о голоде и о поведении правительства, с другой стороны, заняла в лице к.-д. Кутлера в III Думе такую умеренно-оппозиционную позицию, которая ни в каком случае не может удовлетворить демократию, равно как нельзя примириться и с филантропической постановкой вопроса о помощи голодающим у большинства либералов;

6) что среди рабочего класса, совершенно независимо от того ухудшения его экономического положения, которое вытекает из увеличения числа голодных и безработных, наблюдается стихийное стремление к сборам в пользу голодающих и иной помощи и что это стремление, естественное у всякого демократа, не говоря уже о социалистах, должно быть поддержано и направлено в духе классовой борьбы всеми социал-демократами;

– конференция постановляет, что

(а) необходимо напрячь все силы для расширения пропаганды и агитации среди широких масс населения и особенно крестьянства, разъясняя связь голода с царизмом и всей его политикой, распространяя в деревнях в целях агитации думские речи не только с.-д. и трудовиков, но и таких друзей царя, как Маркова 2-го, и распространяя политические требования социал-демократии, в первую голову, свержение царской монархии и учреждение демократической республики, а затем конфискацию помещичьей земли;

(б) поддержать стремление рабочих помогать, поскольку возможно, голодающим, советуя направлять пожертвования исключительно в думскую с.-д. фракцию, в рабочую прессу или в рабочие культурно-просветительные и др. общества и т. д. и составляя особые ячейки социал-демократов и демократов при вступлении в группы, комитеты или комиссии помощи голодающим;

(в) стараться направлять демократическое возбуждение по поводу голода в сторону демонстраций, митингов, массовок и других форм начала революционной борьбы масс против царизма.

Написано в первой половине января 1912 г.

4. Проект резолюции о ликвидаторстве и о группе ликвидаторов

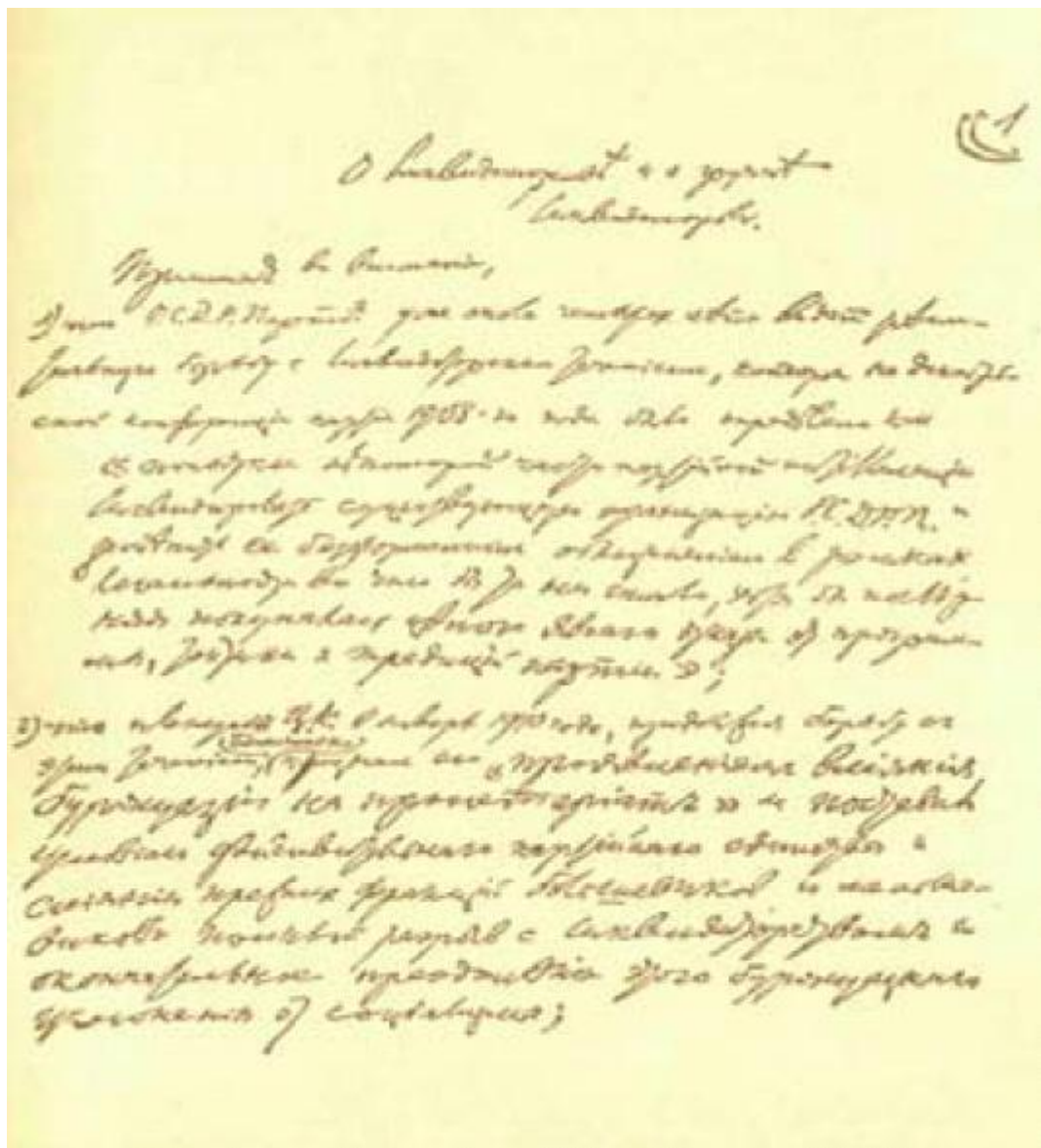
О ликвидаторстве и о группе ликвидаторов

Принимая во внимание,

1) что РС ДР Партия уже около четырех лет ведет решительную борьбу с ликвидаторским течением, которое на декабрьской конференции партии 1908 года было определено как «попытки некоторой части партийной интеллигенции ликвидировать существующую организацию РСДРП и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от 66 программы, тактики и традиции партии»^[64];

2) что пленум ЦК в январе 1910 года, продолжая борьбу с этим течением, единогласно признал его «проявлением влияния буржуазии на пролетариат» и поставил условием действительного партийного единства и слияния прежних фракций большевиков и меньшевиков полный разрыв с ликвидаторством и окончательное преодоление этого буржуазного уклонения от социализма;

3) что вопреки всем решениям партии и вопреки обязательству, данному на пленуме в январе 1910 г. представителями меньшевизма, часть меньшевиков, группирующаяся вокруг журнальчиков «Наша Заря» и «Дело Жизни», отказалась помочь восстановлению ЦК (отказ Михаила, Юрия и Романа не только войти в ЦК весной 1910 года, но даже явиться хотя бы на одно заседание для кооптации новых членов);



Рукопись проекта резолюции «О ликвидаторстве и о группе ликвидаторов», написанного В. И. Лениным. – Январь 1912 г. (Уменьшено)

4) что названные издания именно после пленума 1910 года решительно и по всей линии повернули к ликвидаторству, не только «принося» (вопреки решению пленума) «значение нелегальной партии», но прямо отрицая ее, объявляя уже ликвидированною, объявляя «реакционной утопией» восстановление нелегальной партии, осыпая ее со страниц подцензурных журналов насмешками и бранью, приглашая рабочих признать ячейки партии и иерархию ее «отмершей» и т. д.;

5) что немногочисленные, состоящие главным образом из представителей интеллигенции, местные группки ликвидаторов, продолжая свою работу по разрушению партии, не только отказались от повторенного в 1911 году призыва помочь восстановлению нелегальной партии и созыву ее конференции, но, сплотившись в совершенно независимые группки, вели прямую агитацию среди рабочих против нелегальной партии и прямую борьбу против ее восстановления, – также и там, где преобладали партийные меньшевики (например, в Екатеринославе, Баку, Киеве и т. д.);

– конференция заявляет, что названная группа своим поведением окончательно поставила себя вне партии.

Конференция призывает всех партийцев, без различия течений и оттенков, вести борьбу с ликвидаторством, разъяснять весь его вред для дела освобождения рабочего класса и напрячь все силы для восстановления и укрепления нелегальной РСДРП Партии.

Написано в первой половине января 1912 г.

5. Резолюции конференции

О российской организационной комиссии по созыву конференции

Выслушав и обсудив отчет представителя РОК о деятельности ее по созыву общепартийной конференции – конференция считает своим долгом отметить громадную важность произведенной Российской организационной комиссией работы по сплочению всех российских партийных организаций без различия фракций и по воссозданию нашей партии как общероссийской организации.

Деятельность РОК, в которой дружно работали совместно большевики и российские меньшевики-партийцы, тем более заслуживает одобрения, что РОК пришлось работать при неслыханно тяжелых полицейских условиях и при целом ряде препятствий и затруднений, обусловленных внутрипартийным положением.

О конституировании конференции

Принимая во внимание,

1) что вызванные широким потоком контрреволюционных настроений и отчаянными преследованиями со стороны царизма распад и развал большинства организаций партии, при долголетнем отсутствии партийного практического центра, Центрального Комитета, обусловили чрезвычайно тяжелое положение РСДРП в период 1908–1911 гг.;

2) что в настоящее время в связи с оживлением рабочего движения наблюдается всюду усиленное стремление передовых рабочих к восстановлению нелегальных организаций партии и к постановке систематической легальной и нелегальной с.-д. работы и что на этой почве проявлена громадная и усиленная инициатива большинства местных организаций РСДРП по возрождению партии и созыву общепартийной конференции;

3) что неотложнейшие практические задачи рабочего движения и революционной борьбы с царизмом (руководство экономической борьбой, общеполитической агитацией, пролетарскими митингами, избирательной кампанией в IV Думу и т. д.) делают безусловно необходимым немедленные и самые энергичные меры по восстановлению правомочного и тесно связанного с местными организациями практического партийного центра;

4) что после более чем трехлетнего перерыва со времени последней конференции РСДРП и более чем двухлетних попыток созвать собрание представителей всех организаций партии в настоящее время удалось, наконец, сплотить свыше 20 русских организаций (С.-Петербург, Москва, Саратов, Казань, Самара, Нижний, Сормово, Ростов, Екатеринослав, Киев, Николаев, Луганск, Баку, Тифлисская группа, Виленская группа, Двинская группа, Екатеринбург, Уфа, Тюмень, ряд пунктов в центральной области и др.) вокруг созывавшей данную конференцию Российской организационной комиссии, которая оповестила о конференции уже несколько месяцев тому назад всех социал-демократов и пригласила на конференцию решительно все, без единого исключения, организации нашей партии, причем всем организациям предоставлена была возможность участвовать на конференции;

5) что на настоящей конференции, несмотря на ряд тяжелых полицейских провалов, представлены, за чисто единичными исключениями, все действующие в России партийные организации;

6) что на конференцию приглашены и ей выразили сочувствие с.-д. группы деятелей легального рабочего движения ряда крупнейших городов России (Петербург, Москва, Кавказ); —

— конференция конституируется как общепартийная конференция РСДРП, являющаяся верховным органом партии.

Об отсутствии делегатов от национальных центров на общепартийной конференции

Признавая чрезвычайно важным укрепление единства с.-д. рабочих всех национальностей России, находя безусловно необходимым установление единства с «националами» на местах и упрочение связи национальных организаций с общероссийским центром, конференция вместе с тем вынуждена констатировать нижеследующее:

1) Опыт окончательно доказал недопустимость такого положения дел в партии, при котором «националы», работающие совершенно обособленно от русских организаций, осуществляли федерацию худшего типа и — часто независимо от своего желания — ставили важнейшие русские организации в такое положение, что без национальных центров, практически в русской работе абсолютно не участвующих, — РСДРП не могла приводить в исполнение самых необходимых и самых важных партийных начинаний.

2) Один из национальных центров (Бунда^[65]) за последний год открыто содействовал ликвидаторам и пытался организовать раскол в РСДРП, а другие (центры латышей и ПСД^[66]) в решительный момент отстранились от борьбы против разрушителей партии — ликвидаторов.

3) Партийные элементы из национальных организаций и прежде всего все рабочее-партийцы, поскольку до них доходят вести о жизни *русских* организаций, решительно высказываются за единство с русскими нелегальными с.-д. организациями, за поддержку РОК и за борьбу с ликвидаторством.

4) Центральные Комитеты всех трех национальных организаций были трижды приглашены на партийную конференцию (ЗОК, РОК и делегатами конференции) и им обеспечена полная возможность прислать своих делегатов.

Ввиду всего этого и находя невозможным откладывать работу РСДРП из-за нежелания национальных центров прислать своих делегатов на общепартийную конференцию, — конференция возлагает всю ответственность за неявку «националов» на их центры и поручает ЦК РСДРП неустанно добиваться единства и установления нормальных отношений с национальными организациями, входящими в РСДРП.

Конференция выражает свою уверенность, что, вопреки всем препятствиям, рабочие с.-д. всех национальностей России будут дружно и рука об руку бороться за пролетарское дело и против всех врагов рабочего класса.

Об отчетах с мест

По поводу выслушанных отчетов с мест конференция констатирует:

1) всюду на местах среди с.-д. рабочих ведется энергичная работа по укреплению местных нелегальных с.-д. организаций и групп;

2) всюду признана необходимость сочетания нелегальной и легальной с.-д. работы, всюду социал-демократами признано, что наши нелегальные партийные организации

должны иметь опорными пунктами работы среди масс все и всякого рода легальные рабочие общества. Но для практической с.-д. работы в профессиональных союзах, кооперативах, клубах и т. д., для распространения марксистской литературы, для использования думских выступлений с.-д. и т. д. – сделано все-таки еще недостаточно, и в этой области безусловно необходимо усилить энергию нелегальных с.-д. групп;

3) на местах всюду, без единого исключения, партийная работа ведется совместно и дружно главным образом большевиками и меньшевиками-партийцами, а также русскими впередовцами, там, где они имеются, и всеми другими с.-д., признающими необходимость нелегальной РСДРП, – причем вся работа ведется в духе защиты партийности и борьбы против ликвидаторства.

Конференция выражает уверенность, что в связи с начинающимся оживлением в рабочем движении будет продолжаться энергичная работа по укреплению старых и созиданию новых, достаточно гибких, организационных форм, которые помогут борьбе с.-д. партии за *старые* революционные цели и революционные методы, при *новой* обстановке.

О современном моменте и задачах партии

Конференция прежде всего подтверждает резолюцию о 3-июньском режиме и задачах партии, принятую партийной конференцией в декабре 1908 г. Конференция указывает на особо важное значение этой резолюции, положения которой относительно исторического значения и классовой сущности всего 3-июньского режима, с одной стороны, и относительно нарастания революционного кризиса, с другой, в полном объеме подтверждены событиями истекших трех лет.

Из этих событий конференция, в частности, отмечает следующее:

а) Аграрная политика царизма, с которой связали свои контрреволюционные интересы как правительственные партии помещиков и крупной буржуазии, так, на деле, и контрреволюционный либерализм, не только не привела к созданию сколько-нибудь устойчивых буржуазных отношений в деревне, но не избавила крестьянство от массовых голодовок, обозначающих крайнее ухудшение в положении населения и громадную растрату производительных сил страны.

б) Оставаясь бессильным на почве мировой конкуренции современных капиталистических государств и будучи отесняем все более на задний план в Европе, царизм в союзе с черносотенным дворянством и крепнущей промышленной буржуазией пытаются ныне удовлетворить свои хищнические интересы путем грубо-«националистической» политики, направленной против окраин, против всех угнетенных национальностей, против более культурных областей (Финляндия, Польша, Северо-западный край) в частности и путем колониальных захватов, направленных против ведущих революционную борьбу за свободу народов Азии (Персия, Китай).

в) Экономический подъем в громадной степени парализуется полным расстройством экономического положения крестьянства, хищнической бюджетной политикой самодержавия и разложением бюрократического аппарата, а с другой стороны, усиливающаяся дороговизна жизни обостряет нужду рабочего класса и широких масс населения.

г) В связи с этим широкие массы населения за время пятилетнего существования III Думы все более убеждаются в ее нежелании, неспособности и бессилии сделать что-либо для улучшения положения широких масс народа и в антинародном характере главенствующих в ней партий.

д) В широких кругах демократии и в первую голову среди пролетариата замечается начало политического оживления. Рабочие стачки 1910–1911 годов, начало демонстраций и пролетарских митингов, начало движения среди городской буржуазной демократии (студен-

ческие забастовки) и т. д. – все это есть проявления нарастающего революционного настроения масс против режима 3-го июня.

Конференция, исходя из всех этих данных, подтверждает те стоящие перед партией задачи, которые подробно указаны в резолюции декабрьской 1908 года конференции, особо указывая, что задача завоевания власти пролетариатом, ведущим за собой крестьянство, остается по-прежнему задачей демократического переворота в России. Конференция особо обращает внимание товарищей

1) на то, что на очереди дня, как и раньше, стоит прежде всего длительная работа социалистического воспитания, организации и сплочения передовых масс пролетариата;

2) на необходимость усиленной работы по восстановлению нелегальной организации РСДРП, использующей еще шире, чем до сих пор, все и всяческие легальные возможности, способной к руководству экономической борьбой пролетариата и единственно могущей руководить все участвующимися политическими его выступлениями;

3) на необходимость постановки и расширения систематической политической агитации и всесторонней поддержки начинающегося движения масс и расширения его под знаменем полностью проводимых лозунгов партии. Республиканская пропаганда против политики царской монархии должна быть особо выдвинута между прочим и в противовес широко ведущейся пропаганде укорочения лозунгов и ограничения работы рамками существующей «легальности».

О выборах в IV Государственную думу

I

Конференция признает безусловно необходимым участие РСДРП Партии в предстоящей избирательной кампании в IV Думу, выставление самостоятельных кандидатов нашей партии и образование в IV Думе социал-демократической фракции, подчиненной, как часть, нашей партии в целом.

Главной задачей партии на выборах, а равно и будущей с.-д. фракции в самой Думе – задачей, которой должны быть подчинены все остальные, – является социалистическая классовая пропаганда и организация рабочего класса.

Главными избирательными лозунгами нашей партии на предстоящих выборах должны явиться:

- 1) *демократическая республика*
- 2) *8-часовой рабочий день*
- 3) *конфискация всей помещичьей земли.*

Во всей нашей предвыборной агитации необходимо возможно более наглядное разъяснение этих требований на основании опыта III Думы и всей деятельности правительства как в области центрального управления, так и местного.

В неразрывной связи с тремя вышеуказанными требованиями должны пропагандироваться все остальные требования с.-д. программы-минимум, как-то: всеобщее избирательное право, свобода коалиций, выборность судей и чиновников народом, страхование рабочих государством, замена постоянной армии вооружением народа и т. д.

II

Общая тактическая линия РСДРП на выборах должна быть следующая: партия должна вести беспощадную войну против царской монархии и поддерживающих ее партий поме-

щиков и капиталистов, неуклонно разоблачая при этом контрреволюционные взгляды буржуазных либералов (с партией к.-д. во главе их) и их фальшивый демократизм.

Особое внимание в предвыборной борьбе должно быть уделено отмежеванию позиции партии пролетариата от *всех* непролетарских партий и разъяснению как мелкобуржуазной сущности мнимого социализма демократических (главным образом трудовических, народных, эсеровских^[67]) групп, так и вреда, проистекающего для дела демократии от их колебаний в вопросах последовательной и массовой революционной борьбы.

Что касается избирательных соглашений, то партия, оставаясь на почве решений Лондонского съезда, должна:

1) в рабочей курии повсюду выставить своих кандидатов и не допускать здесь *никаких* соглашений с другими партиями или группами (ликвидаторами);

2) имея в виду большое агитационное значение уже одного факта выставления самостоятельных с.-д. кандидатур, необходимо озаботиться о том, чтобы и во 2-ых съездах городских избирателей, а по возможности, и в крестьянской курии партия имела своих собственных кандидатов;

3) на перебаллотировках (ст. 106-ая положения о выборах) при избрании выборщиков по 2-му съезду городских избирателей допустимо заключать соглашения с буржуазной демократией против либералов, а затем и с либералами против всех правительственных партий. Одной из форм соглашения может быть составление общих списков выборщиков по одному или нескольким городам, пропорционально числу голосов, по данным на первоначальных выборах;

4) в тех 5-ти городах (Петербург, Москва, Рига, Одесса, Киев), в которых существуют прямые выборы с перебаллотировками, необходимо на первоначальных выборах выставить самостоятельные с.-д. кандидатуры по второму разряду городских избирателей. В случае перебаллотировки здесь, ввиду явного отсутствия черносотенной опасности, допустимы соглашения только с демократическими группами против либералов;

5) никакие избирательные соглашения не могут относиться к выставлению общей платформы и не должны ни связывать с.-д. кандидатов какими бы то ни было политическими обязательствами, ни останавливать с.-д. в деле решительной критики контрреволюционности либералов и половинчатости и непоследовательности буржуазных демократов;

6) на 2-ой стадии выборов (в уездных собраниях уполномоченных, в губернских избирательных собраниях и пр.) необходимо всюду, где для провала октябристско-черносотенного или вообще правительственного списка встретится надобность, заключать соглашения о разделе депутатских мест в первую очередь с буржуазной демократией (трудовики, народные социалисты и т. п.), а затем и с либералами (к.-д.), беспартийными, прогрессистами и т. п.

III

Подготовку к избирательной кампании все с.-д. должны начать *немедленно* и для этого обратить особое внимание на следующее:

1) необходимо неотложное образование нелегальных с.-д. ячеек повсюду с тем, чтобы они занялись без отлагательства подготовкой с.-д. избирательной кампании;

2) обратить должное внимание на укрепление и расширение легальной рабочей печати;

3) вся избирательная работа должна вестись в тесном союзе с рабочими профессиональными союзами и всеми другими рабочими обществами, – причем при выборе форм участия этих обществ необходимо считаться с их легальностью;

4) обратить особое внимание на организационную и агитационную подготовку выборов по рабочей курии в тех 6-ти губерниях, в которых обеспечено избрание депутата в Думу от рабочей курии (губернии: Петербургская, Московская, Владимирская, Костромская,

Харьковская и Екатеринославская). Все до одного рабочие выборщики – и здесь и в других губерниях – должны быть социал-демократами-партийцами;

5) собрания уполномоченных от рабочих должны, руководясь решением партийных, нелегальных организаций, постановлять, *кто именно* подлежит избранию в Думу от рабочих, и обязывать всех выборщиков, под страхом бойкота и суда за измену, снимать свою кандидатуру в пользу партийного кандидата;

6) ввиду правительственных преследований, ареста с.-д. кандидатов и т. п., необходима особенно выдержанная, систематическая и осторожная работа, чтобы всеми способами, быстро сообразуясь с различными приемами полицейской тактики, парализовать все ухищрения и насилия царского правительства и провести с.-д. в IV Государственную думу, а затем и вообще укрепить группу демократических депутатов в этой Думе;

7) кандидаты с.-д. партии утверждаются и директивы, касающиеся выборов, даются местными нелегальными организациями и группами партии, под общим контролем и руководством ЦК партии;

8) если, вопреки всем усилиям, не удастся до выборов в IV Думу собрать партийного съезда или новой конференции, – то конференция дает полномочия ЦК или тому учреждению, которое будет назначено последним, давать конкретные указания по вопросам проведения избирательной кампании в отдельных местностях или сообразно с могущими возникнуть особыми условиями и т. п.

О думской социал-демократической фракции

Конференция признает, что думская с.-д. фракция использовала думскую трибуну согласно той линии, которая была определена декабрьской (1908 года) конференцией партии и которая должна остаться руководящей для направления думской работы партии.

Конференция в особенности подчеркивает, как соответствующую задачам пролетариата, ту черту в деятельности фракции, что она, самым энергичным образом отстаивая интересы рабочих и все меры, могущие улучшить их положение (например, по рабочим законопроектам), стремилась освещать все частные задачи с точки зрения общих задач руководимого пролетариатом освободительного движения, указывая на движение масс, как на единственный путь к избавлению России от тех бедствий и от того позора, до которых довел ее царизм.

Конференция приветствует начало открытых выступлений рабочих в связи с достойным поведением с.-д. думской фракции, поднявшей в черной Думе знамя втородумских с.-д. депутатов и разоблачившей перед лицом рабочих всего мира всю провокационную грязь черносотенной царской шайки, организовавшей государственный переворот 1907 года. Конференция призывает всех сознательных рабочих России к самой всесторонней поддержке указанных выступлений с.-д. в III Думе и начатой петербургскими рабочими кампании пролетарских митингов.

Конференция признает, что ввиду предстоящей избирательной кампании в IV Думу с.-д. думская фракция должна уделить еще больше внимания выяснению народу классово-вой сущности всех непролетарских партий (и в частности разоблачению контрреволюционной и предательской сущности к.-д. партии), руководясь при этом резолюцией Лондонского (1907 г.) съезда, которая во всех своих существеннейших частях подтверждена опытом контрреволюции. При этом центральными лозунгами, которые должны объединять выступления с.-д. фракции, направлять характер ее работ, сосредоточивать на главных пунктах все частные требования и преобразования, должны быть следующие три лозунга: 1) демократическая республика; 2) 8-часовой рабочий день; 3) конфискация всей помещичьей земли в пользу крестьян.

О характере и организационных формах партийной работы

Признавая, что опыт 3-х последних лет безусловно подтвердил основные положения резолюции по организационному вопросу, вынесенной декабрьской (1908 г.) конференцией, и полагая, что на почве начинающегося оживления в рабочем движении становится возможным дальнейшее развитие организационных форм партийной работы по тому же пути – т. е. по пути создания нелегальных с.-д. ячеек, окруженных возможно более разветвленной сетью всякого рода легальных рабочих обществ, – конференция находит, что:

1) необходимо самое деятельное участие нелегальных партийных организаций в руководстве *экономической борьбой* (стачки, стачечные комитеты и т. д.) и установление сотрудничества в этой области нелегальных партийных ячеек с профессиональными союзами, в особенности – с с.-д. ячейками в профессиональных союзах, а также с отдельными деятелями профессионального движения;

2) ячейки с.-д. в профессиональных союзах, организованные по признаку *профессиональному*, желательно – сообразуясь при этом с местными условиями – сочетать с партийными ячейками, построенными по признаку *территориальному*;

3) необходима возможно большая инициатива в деле постановки с.-д. работы в легальных обществах: союзы, читальни, библиотеки, различного рода рабочие общества развлечений, распространение профессиональных органов и направление профессиональной прессы в духе марксизма, использование думских речей с.-д., подготовка легальных лекторов из рабочих, создание (в связи с выборами в IV Думу) рабочих и иных избирательных комитетов по районам, по улицам и т. д., с.-д. агитация в связи с выборами в органы городского самоуправления и т. п.;

4) необходимы энергичные усилия в деле укрепления и увеличения числа нелегальных партийных ячеек, подыскания новых, возможно более гибких, организационных форм этих ячеек, создания и упрочения руководящих нелегальных партийных организаций в каждом городе и пропаганды таких форм массовой нелегальной организации, как «биржи», заводские партийные собрания и т. п.;

5) кружки пропаганды желательно привлекать к повседневной *практической* работе: распространение нелегальной социал-демократической и легальной марксистской литературы и т. п.;

6) необходимо иметь в виду, что систематическая литературная с.-д. агитация и особенно регулярное распространение правильно и часто выходящей нелегальной партийной газеты могут иметь большое значение и в деле установления организационных связей как между нелегальными ячейками, так и между с.-д. ячейками в легальных рабочих обществах.

О задачах с.-д. в борьбе с голодом

1) Голодовка 20-ти миллионов крестьян в России показывает еще раз совершенно невыносимое, немыслимое ни в одном цивилизованном государстве мира, задавленное положение масс крестьянской бедноты, угнетаемой царизмом и классом крепостников-помещиков;

2) настоящая голодовка лишний раз подтверждает неуспех правительственной аграрной политики и невозможность обеспечить сколько-нибудь нормальное буржуазное развитие России при направлении ее политики вообще и земельной политики в частности классом крепостников-помещиков, царящих, в лице правых партий, и в Думе 3-го июня, и в Государственном совете, и в придворных сферах Николая II;

3) черносотенные партии (с гг. Марковыми и т. п. во главе) своими заявлениями в Думе и возложением ответственности на «лодырей-крестьян» довели бесстыдство грабящей Рос-

сию царско-помещичьей шайки до такой степени, что самым темным открываются глаза и самые равнодушные приходят в волнение;

4) правительственные помехи делу помощи голодающим, полицейские придирки к земствам, к собирающим сборы и организующим столовые комитеты и т. п. вызывают самое широкое недовольство даже в среде земств и городской буржуазии;

5) либерально-монархическая буржуазия, помогая своей печатью осведомлять общество о голоде и о поведении правительства, с другой стороны, в лице к.-д. фракции в III Думе выступила в качестве такой умеренной оппозиции, что ее поведение ни в каком случае не может удовлетворить демократию, равно как нельзя примириться и с филантропической постановкой вопроса о помощи голодающим у большинства либералов;

6) среди рабочего класса, совершенно независимо от того ухудшения его экономического положения, которое вытекает из увеличения числа голодных и безработных, наблюдается стихийное стремление к сборам в пользу голодающих и иной помощи. Это стремление, естественное у всякого демократа, не говоря уже о социалистах, должно быть поддержано и направлено в духе классовой борьбы всеми социал-демократами.

Принимая все это во внимание – конференция постановляет, что необходимо:

а) напрячь все социал-демократические силы для расширения пропаганды и агитации среди широких масс населения и особенно крестьянства, разъясняя связь голода с царизмом и всей его политикой, распространяя в деревне в целях агитации думские речи не только с.-д. и трудовиков, но и таких друзей царя, как Маркова 2-го, и распространять политические требования социал-демократии: свержение царской монархии, учреждение демократической республики, конфискация помещичьей земли;

б) поддержать стремление рабочих помогать, поскольку возможно, голодающим, совету направлять пожертвования исключительно в думскую с.-д. фракцию, в рабочую прессу или в рабочие культурно-просветительные и др. общества и т. д. и составляя особые ячейки социал-демократов и демократов при вступлении в группы, комитеты и в комиссии помощи голодающим;

в) стараться направить демократическое возбуждение по поводу голода в сторону демонстраций, митингов, массовок и других форм борьбы масс против царизма.

Об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании рабочих

I

1. Та часть производимых наемным рабочим богатств, которую он получает в виде заработной платы, настолько незначительна, что ее едва хватает на удовлетворение его самых насущных жизненных потребностей; пролетарий лишен таким образом всякой возможности сделать из своей заработной платы сбережения на случай потери им трудоспособности вследствие увечья, болезни, старости, инвалидности, а также в случае безработицы, неразрывно связанной с капиталистическим способом производства. Поэтому страхование рабочих во всех указанных случаях является реформой, властнодиктуемой всем ходом капиталистического развития.

2. Наилучшей формой страхования рабочих является *государственное* страхование их, построенное на следующих основаниях: а) оно должно обеспечивать рабочих во *всех* случаях утраты ими трудоспособности (увечье, болезнь, старость, инвалидность; у работниц, кроме того, беременность и роды; вознаграждение вдов и сирот после смерти добытчика) или в случае потери заработка благодаря безработице; б) страхование должно охватывать *всех* лиц наемного труда и их семейств; в) все застрахованные должны вознаграждаться

по принципу возмещения *полного* заработка, причем *все* расходы по страхованию должны падать на предпринимателей и государство; d) всеми видами страхования должны вести *единые* страховые организации, построенные по *территориальному* типу и на началах *полного* самоуправления застрахованных.

3. Всем этим основным требованиям рационально построенного страхования коренным образом противоречит правительственный законопроект, принятый Государственной думой; он а) касается лишь *двух* видов страхования – от несчастных случаев и болезней; b) он охватывает лишь небольшую (по самым снисходительным подсчетам – одну шестую) часть русского пролетариата, оставляя за бортом страхования целую область (Сибирь, в правительственной редакции еще – Кавказ) и целые категории рабочих, особенно нуждающихся в страховании (сельскохозяйственные, строительные, железнодорожные, почтово-телеграфные, приказчики и т. д.); c) устанавливает нищенские размеры вознаграждения (максимальное вознаграждение при *полном* увечье – две трети заработка, притом исчисляемого на основаниях ниже действительного) и в то же время возлагает на плечи рабочих главную часть расходов по страхованию: за счет рабочих проектируется страхование не только от болезней, но и от «мелких» – на практике наиболее частых – увечий. Этот новый порядок является ухудшением даже по сравнению с нынешним законом, который обязанность вознаграждения за увечья возлагал исключительно на предпринимателей; d) лишает страховые учреждения всякой самостоятельности, отдавая их под перекрестный надзор чиновников (из «Присутствий» и «Совета по делам страхования»), жандармерии, полиции (которым, помимо общего надзора, предоставляется право направлять их деятельность по существу, влиять на их личный состав и т. д.), хозяев (исключительно предпринимательский состав товариществ, страхующих от несчастных случаев; фабричный тип больничных касс, страхующих от болезней; обеспеченное уставом влияние на них предпринимателей и т. п.).

4. Только такой закон, грубейшим образом издевающийся над насущнейшими интересами рабочих, и мог родиться в настоящий момент бешеной реакции, в период господства контрреволюции, в результате многолетних предварительных переговоров и соглашения правительства с представителями капитала. Необходимым условием осуществления страховой реформы, действительно отвечающей интересам пролетариата, является окончательное низвержение царизма и завоевание условий для свободной классовой борьбы пролетариата.

II

Исходя из всего этого, конференция постановляет, что:

1) Неотложной задачей как нелегальных партийных организаций, так и товарищей, работающих в легальных организациях (в профессиональных союзах, клубах, кооперативах и т. д.), является развитие самой широкой агитации против думского страхового проекта, которым затрагиваются интересы всего русского пролетариата, как класса, и который грубейшим образом нарушает эти интересы.

2) Конференция считает нужным подчеркнуть, что вся с.-д. агитация по поводу страхового законопроекта должна ставиться в связь с классовым положением пролетариата в современном капиталистическом обществе, с критикой буржуазных иллюзий, распространяемых социал-реформаторами, и вообще с нашими основными социалистическими задачами; с другой стороны, в этой агитации характер думской «реформы» должен ставиться в связь с переживаемым политическим моментом и вообще с нашими революционно-демократическими задачами и лозунгами.

3) Вполне одобряя голосование с.-д. думской фракции против думского законопроекта, конференция обращает внимание товарищей на тот громадный и ценный материал, который дали думские прения по данному вопросу для уяснения отношения различных классов к рабочим реформам; конференция в особенности подчеркивает ярко выразившиеся в дебатах

явно враждебные рабочим стремления октябристских представителей отсталого капитала, а также лицемерные, прикрытые социал-реформаторскими фразами о «социальном мире», выступления партии к.-д.; кадеты в Думе по существу высказывались против самостоятельности рабочего класса и с ненавистью боролись против основных поправок с.-д. думской фракции к проекту.

4) Конференция самым решительным образом предостерегает рабочих против всяких попыток урезать и совершенно извратить с.-д. агитацию, ограничивая ее рамками легально допустимого в период господства контрреволюции; наоборот, конференция подчеркивает, что основным моментом в этой агитации должно быть уяснение широким массам пролетариата той истины, что без нового революционного подъема невозможно никакое действительное улучшение положения рабочего; что всякий, кто хочет добиться действительной рабочей реформы, должен бороться прежде всего за новую победоносную революцию.

5) На случай, если думский законопроект, несмотря на протест сознательного пролетариата, войдет в жизнь, конференция приглашает товарищей использовать те новые организационные формы, которые устанавливаются им (больничные кассы рабочих) для того, чтобы вести и в этих организационных ячейках энергичную пропаганду с.-д. идей и превратить таким образом и этот закон, задуманный в целях нового закабаления и угнетения пролетариата, в орудие развития его классового сознания, укрепления его организованности, усиления его борьбы за полную политическую свободу и социализм.

О «Петиционной кампании»

1. Видя своего главнейшего врага в рабочем движении, контрреволюция в лице правительства и III Думы преследует его во всех его формах, систематически нарушая даже те «легальные возможности», которые остались у рабочего класса в результате революции.

2. Этот режим постоянно ставит широкие рабочие массы перед тем фактом, что даже их элементарные права (в первую очередь: свобода коалиций) не могут быть осуществлены без полного свержения царской монархии.

3. Пущенная в обращение зимой 1910 г. группой петиция с. – петербургских ликвидаторов и агитация, которой они ее сопровождали, вырывали требование свободы коалиций из всей суммы революционных требований рабочего класса. Вместо того, чтобы указывать рабочим, что для завоевания полной свободы коалиций в России необходима революционная борьба масс за основные требования демократии – ликвидаторы проповедовали на деле так называемую «борьбу за право», т. е. либеральную борьбу за «обновление» режима 3 июня посредством частичных улучшений.

4. Названная кампания в силу конкретных условий русской политической жизни и положения рабочих масс неизбежно превратилась в чисто формальное и мертвое подписывание бумажки, не встретив никакого отклика и не пробуждая политического интереса в массах.

5. Судьба данной петиционной кампании явно подтвердила неправильность и оторванность от рабочей массы всего начинания: петиция собрала всего 1300 подписей, причем во всех партийных организациях, *без различия фракций и течений*, петиционная кампания не встретила абсолютно никакой поддержки, а равно не сочла возможным принять участия в ней и наша думская с.-д. фракция.

6. Кампания рабочих митингов в связи с судьбой втородумских депутатов и демонстрации рабочих в отдельных городах 9 января 1912 года показали, что самостоятельность рабочих масс направляется вовсе не в сторону таких средств, как петиционная кампания, и идет вовсе не под знаменем «частичных прав».

Конференция, исходя из всего вышесказанного,

1) призывает всех с.-д. разъяснять рабочим всю необходимость для пролетариата свободы коалиций, причем необходимо постоянно ставить это требование в неразрывную связь с нашими общими политическими требованиями и революционной агитацией в массах;

2) признавая, что при известных условиях массовая рабочая петиция может быть весьма пригодной формой протеста, находит, что в России в переживаемую эпоху петиция является одним из наименее пригодных средств с.-д. агитации.

О ликвидаторстве и о группе ликвидаторов

Принимая во внимание,

1) что РСДРП уже около четырех лет ведет решительную борьбу с ликвидаторским течением, которое на декабрьской 1908 г. конференции партии было определено как «попытки некоторой части партийной интеллигенции ликвидировать существующую организацию РСДРП и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии»;

2) что пленум ЦК в январе 1910 г., продолжая борьбу с этим течением, единогласно признал его проявлением влияния буржуазии на пролетариат и поставил условием действительного партийного единства и слияния прежних фракций большевиков и меньшевиков полный разрыв с ликвидаторством и окончательное преодоление этого буржуазного уклона от социализма;

3) что вопреки всем решениям партии и вопреки обязательству, данному на пленуме в январе 1910 г. представителями всех фракций, часть с.-д., группирующаяся вокруг журналов «Наша Заря» и «Дело Жизни», открыто стала на защиту течения, признанного всей партией продуктом буржуазного влияния на пролетариат;

4) что бывшие члены ЦК М—л, Юрий и Роман не только отказались войти в ЦК весной 1910 года, но даже отказались явиться хотя бы на одно заседание для кооптации новых членов и открыто заявили, что считают само существование ЦК партии «вредным»;

5) что названные главные издания ликвидаторов «Наша Заря» и «Дело Жизни» именно после пленума 1910 года решительно и по всей линии повернули к ликвидаторству, не только «принижая» (вопреки решениям пленума) «значение нелегальной партии», но прямо отрицая ее, объявляя партию «трупом», объявляя партию уже ликвидированною, объявляя «реакционной утопией» восстановление нелегальной партии, осыпая нелегальную партию со страниц легальных журналов клеветой и бранью, приглашая рабочих признать ячейки партии и иерархию ее «отмершей» и т. д.;

6) что в то время, как по всей России партийцы, без различия фракций, объединились над очередным делом созыва партийной конференции, ликвидаторы, выделившись в совершенно независимые группки, откололись на местах также там, где преобладают меньшевики-партийцы (Екатеринослав, Киев), и окончательно отказались от всякой партийной связи с местными организациями РСДРП; – конференция заявляет, что группа «Нашей Зари» и «Дела Жизни» своим поведением *окончательно поставила себя вне партии*.

Конференция призывает всех партийцев, без различия течений и оттенков, вести борьбу с ликвидаторством, разъяснять весь его вред для дела освобождения рабочего класса и напрячь все силы для восстановления и укрепления нелегальной РСДРП

О центральном органе^[68]

Выслушав и обсудив доклад представителя ЦО, конференция, одобряя принципиальную линию ЦО, – выражает пожелание, чтобы в ЦО больше уделялось внимания статьям

пропагандистского характера и чтобы статьи писались более популярно и доступно для рабочих.

О «Рабочей газете»

Признавая, что «Рабочая Газета» решительно и последовательно стала на защиту партии и партийности и встречает полное сочувствие со стороны партийных работников на местах без различия фракций, конференция

1) призывает всех товарищей на местах оказывать всестороннюю поддержку «Рабочей Газете»;

2) признает «Рабочую Газету» официальным органом Центрального Комитета партии.

О газете «Правда»

Конференция отменяет то соглашение с редакцией «Правды», которое было заключено пленумом ЦК в январе 1910 г.

Изменения организационного устава партии

К § 2-му прибавляется:

Признается допустимой кооптация – согласно решениям декабрьской (1908 г.) конференции.

§ 8 вычеркивается и вместо него вставляется:

ЦК собирает по возможности чаще конференции от представителей всех организаций партии.

§ 9, абзац третий, о представительстве на съезде, изменяется так:

Нормы представительства на будущие съезды партии устанавливаются ЦК после предварительных сношений с местными организациями.

Об имуществе, находящемся в руках бывшего держателя, и о денежных отчетах

Принимая к сведению заявление уполномоченных представителей большевиков, с которыми пленум ЦК в январе 1910 г. заключил договор об условной передаче большевиками их фракционного имущества в кассу ЦК, конференция

1) признает, что представители большевиков, в силу нарушения договора ликвидаторами и в силу отказа держателей от роли третейских судей, имеют все формальные права распоряжаться как находящимся в их распоряжении, так и находящимся в руках бывшего держателя, т. Цеткиной, имуществом;

2) после сделанного заявления представителей большевиков конференция считает находящиеся у т. Цеткиной суммы безусловно принадлежащими партии в лице выбранного конференцией ЦК и

3) поручает ЦК принять все меры для немедленного получения от т. Цеткиной партийного имущества.

* * *

Ревизионная комиссия, рассмотрев денежные отчеты и оправдательные документы редакции «Рабочей Газеты», утвержденной теперь конференцией, как орган ЦК а также

группы большевиков, которым пленум ЦК выдал деньги на с.-д. литературу, признала отчеты правильными и предлагает конференции утвердить их.

О «Красном кресте»

Конференция предлагает всем товарищам на местах приложить все усилия к воссозданию «Красного Креста», столь необходимого для помощи заключенным и ссыльным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Российская организационная комиссия (РОК) по созыву всероссийской партийной конференции была создана по решению июньского 1911 года совещания членов ЦК РСДРП. Она сконструировалась в конце сентября на совещании представителей местных партийных организаций и функционировала до открытия VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП. Совещание открылось в Баку под руководством Г. К. Орджоникидзе – уполномоченного Заграничной организационной комиссии (ЗОК) по созыву конференции. В нем приняли участие представители от бакинской, тифлисской, екатеринбургской, киевской и екатеринославской партийных организаций. Среди делегатов были С. Г. Шаумян, С. С. Спандарян, И. И. Шварц; с совещательным голосом присутствовала Е. Д. Стасова и другие. На первом заседании был заслушан отчет уполномоченного ЗОК и обсуждались доклады с мест. Совещание приняло резолюцию о конструировании Российской организационной комиссии по созыву конференции. В резолюции отмечалось, что были приняты все меры для привлечения к участию в совещании почти всех существующих нелегальных партийных организаций. Резолюция признавала партийную конференцию единственным средством к объединению партийных организаций и выходу «на широкую дорогу партийного возрождения...».

2.

Отзовизм – оппортунистическое течение, возникшее среди большевиков, возглавлялось А. Богдановым. Прикрываясь революционными фразами, отзовисты (кроме А. Богданова, в группу отзовистов входили Г. А. Алексинский, С. Вольский, А. В. Луначарский, М. Н. Лядов и др.) требовали отзыва с.-д. депутатов из III Государственной думы и прекращения работы в легальных организациях. Заявляя, что в условиях реакции партия должна вести только нелегальную работу, отзовисты отказывались от участия в Думе, в рабочих профессиональных союзах, кооперативных и других массовых легальных и полулегальных организациях и считали необходимым сосредоточить всю партийную работу в рамках нелегальной организации. Разновидностью отзовизма являлся ультиматизм. Ультиматисты отличались от отзовистов лишь по форме. Они предлагали предъявить социал-демократической думской фракции ультиматум о беспрекословном подчинении фракции решениям Центрального Комитета партии и в случае невыполнения отозвать социал-демократических депутатов из Думы. Ультиматизм фактически был прикрытым, замаскированным отзовизмом. Ленин называл ультиматистов «стыдливymi отзовистами».

3.

Пленум ЦК РСДРП, известный под названием «объединительного», состоялся 2–23 января (15 января – 5 февраля) 1910 года в Париже.

4.

«Дискуссионный Листок» – приложение к Центральному Органу РСДРП «Социал-Демократ»; выходил по постановлению январского 1910 года пленума ЦК РСДРП с 6 (19) марта 1910 по 29 апреля (12 мая) 1911 года в Париже. Вышло три номера. В состав редакции входили представители от большевиков, меньшевиков, ультиматистов, бундовцев, плехановцев, польской социал-демократии и Социал-демократии Латышского края. В «Дискуссионном Листке» были опубликованы статьи В. И. Ленина «Заметки публициста», «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России», «Разговор легалиста с противником ликвидаторства» (см. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 239–304, 358–376; том 20, стр. 234–244).

5.

Впередовцы, группа «Вперед» – антипартийная группа отзовистов, ультиматистов и богостроителей; организована по инициативе А. Богданова и Г. А. Алексинского в декабре 1909 года, после развала отзовистско-ультиматистского фракционного центра – школы на Капри; имела печатный орган того же названия, издававшийся в Женеве в 1910–1911 годах.

6.

«Социал-Демократ» – Центральный Орган РСДРП, нелегальная газета; издавалась с февраля 1908 по январь 1917 года. Первый номер, подготовленный большевиками и частично уже отпечатанный в Вильно в частной типографии, был конфискован царской охранкой. Вскоре в Петербурге была сделана вторая попытка выпустить газету. Большая часть напечатанного тиража также попала в руки жандармов. В дальнейшем издание газеты было перенесено за границу: №№ 2–32 (февраль 1909 – декабрь 1913) вышли в Париже, № № 33–58 (ноябрь 1914 – январь 1917) – в Женеве. Всего вышло 58 номеров, из них 5 – имели приложения.

7.

«Рабочая Газета» – нелегальный популярный орган большевиков; издавалась неперіодически в Париже с 30 октября (12 ноября) 1910 года по 30 июля (12 августа) 1912 года; вышло 9 номеров. Инициатором создания «Рабочей Газеты» был В. И. Ленин. Официально вопрос об ее издании был решен на совещании представителей РСДРП – большевиков, меньшевиков-партийцев, представителей социал-демократической думской фракции и др. – во время международного социалистического конгресса в Копенгагене (август 1910). В совещании участвовали: В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский, Н. Г. Полетаев, И. П. Покровский и другие.

8.

Имеются в виду большевистские органы – газета «Звезда» и журнал «Мысль».

9.

«Наша Заря» – ежемесячный легальный журнал меньшевиков-ликвидаторов; выходил в Петербурге с января 1910 по сентябрь 1914 года. Руководил журналом А. Н. Потресов, сотрудничали в нем Ф. И. Дан, С. О. Цедербаум (В. Ежов) и другие. Вокруг «Нашей Зари» сложился центр ликвидаторов в России. В резолюции VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП 1912 года отмечалось, что «часть с.-д., группирующаяся вокруг журналов «Наша Заря» и «Дело Жизни», открыто стала на защиту течения, признанного всей партией продуктом буржуазного влияния на пролетариат» (настоящий том, стр. 151).

10.

Богостроители, богостроительство – враждебное марксизму религиозно-философское течение, которое возникло в период столыпинской реакции среди части партийных интеллигентов, отошедших от марксизма после поражения революции 1905–1907 годов. Богостроители (А. В. Луначарский, В. Базаров и другие) проповедовали создание новой, «социалистической» религии, пытаясь примирить марксизм с религией. К ним одно время примыкал и А. М. Горький.

11.

Имеется в виду «Голос Социал-Демократа» – газета, заграничный орган меньшевиков; выходила с февраля 1908 по декабрь 1911 года сначала в Женеве, затем в Париже. Редакторами ее были П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан, Л. Мартов, А. Мартынов и Г. В. Плеханов. С первого номера «Голос Социал-Демократа» стал на защиту ликвидаторов, оправдывая их антипартийную деятельность. После выхода из редакции Плеханова, осудившего ликвидаторскую позицию газеты, «Голос Социал-Демократа» окончательно определился как идейный центр ликвидаторов.

12.

ЗБЦК (Заграничное бюро Центрального Комитета) было учреждено пленумом ЦК РСДРП в августе 1908 года в качестве общепартийного представительства за границей (в составе трех человек), подчиненного Русскому бюро ЦК. В обязанности ЗБЦК входило поддержание постоянной связи с действующим в России Центральным Комитетом и членами ЦК, работающими за границей, наблюдение за деятельностью заграничных групп содействия РСДРП и их Центрального бюро, прием денежных отчислений заграничных организаций в кассу ЦК и организация денежных сборов в пользу Центрального Комитета. С целью объединения всех заграничных групп содействия РСДРП и подчинения их единому общепартийному руководству августовский пленум ЦК (1908) поручил ЗБЦК провести специальный съезд этих групп. Но в течение 1909 года ЗБЦК не удалось созвать съезд вследствие упорного сопротивления Центрального бюро заграничных групп, захваченного меньшевиками-ликвидаторами. Январский пленум ЦК 1910 года реорганизовал ЗБЦК и ограничил его роль в руководстве общими делами партии, соответственно усилив полномочия Русского бюро ЦК. Состав ЗБЦК был определен в количестве 5 человек, из них 3 являлись представителями центральных комитетов национальных организаций. В Заграничное бюро ЦК вошли: от большевиков – А. И. Любимов, от меньшевиков – Б. И. Горев (Гольдман), от польских социал-демократов – Я. Тышка, от бундовцев – Ионов (Ф. М. Койген) и от латышских социал-демократов – Я. А. Берзин. Вскоре состав ЗБЦК изменился: от большевиков в него вошел Н. А. Семашко (Александров), от бундовцев – М. И. Либер и от латышских социал-демократов – Шварц (Ю. Элиас); последние два – ликвидаторы. Таким образом в Заграничном бюро ЦК сложилось устойчивое ликвидаторское большинство, которое всячески пыталось дезорганизовать работу центральных партийных учреждений. Особенно ярко проявилась антипартийная позиция ЗБЦК в систематическом срыве созыва пленума ЦК, которого настойчиво добивались большевики в связи с невыполнением ликвидаторами решений январского пленума ЦК. Ликвидаторская тактика ЗБЦК привела к тому, что представитель большевиков Семашко в мае 1911 года вынужден был подать заявление о выходе из состава ЗБЦК.

13.

См. об этом статью В. И. Ленина «Итоги третейского суда «держателей»» (настоящий том, стр. 34–36).

14.

Совещание членов ЦК РСДРП, находящихся за границей, состоялось 28 мая – 4 июня (10–17 июня) 1911 года в Париже. Совещание было подготовлено и созвано по инициативе В. И. Ленина. Подготовка к совещанию началась в апреле 1911 года. Совещание должно было принять меры к созыву; пленума ЦК, к ликвидации тяжелого кризиса, в котором находилась партия, оказавшаяся фактически без руководящих центральных учреждений, работу которых срывали меньшевики-ликвидаторы. В первой половине мая 1911 года большевики через своего представителя в ЗБЦК Н. А. Семашко поставили перед ЗБЦК

вопрос о необходимости немедленного созыва пленума ЦК за границей. Несмотря на то, что в уставе ЦК, принятом январским пленумом ЦК 1910 года, был пункт, прямо обязывающий в случае провала более половины членов Русского бюро созвать пленум ЦК, ЗБЦК как и раньше отклонило предложение большевиков. 14 (27) мая 1911 года Семашко вышел из состава ЗБЦК. В этот же день от имени большевиков и польских социал-демократов – членов и кандидатов ЦК, цекистам, находящимся за границей, было направлено приглашение Приять участие в совещании.

15.

Техническая комиссия (Заграничная техническая комиссия, ТК) была создана июньским совещанием членов ЦК РСДРП на заседании 1 (14) июня 1911 года для выполнения технических функций в связи с партийным издательством, транспортом и т. д. Как временный орган впредь до пленума ЦК Техническая комиссия подчинялась группе членов ЦК, принимавших участие в июньском совещании. В комиссию вошли по одному представителю от большевиков, от примиренцев и от польской социал-демократии. Примиренческое большинство комиссии – М. К. Владимиров и поддерживавший его В. Л. Ледер – задерживало выдачу денег для Заграничной организационной комиссии, предназначенных в фонд созыва партийной конференции, а также ассигнования на издание большевистской газеты «Звезда», пыталось задержать выпуск Центрального Органа партии – газеты «Социал-Демократ». В своем органе – «Информационном Бюллетене» Техническая комиссия выступала с нападками на Ленина и большевиков. На заседании комиссии 19 октября (1 ноября) при обсуждении «Извещения» и резолюций Российской организационной комиссии представитель большевиков М. Ф. Владимирский внес предложение подчиниться решениям РОК. Предложение было отклонено, в связи с чем Владимирский вышел из комиссии и большевики порвали с ней всякую связь.

16.

Меньшевики-партийцы – группа меньшевиков, выступивших во главе с Г. В. Плехановым в годы реакции против ликвидаторов. В декабре 1908 года Плеханов вышел из редакции ликвидаторской газеты «Голос Социал-Демократа» и в 1909 году возобновил издание «Дневника Социал-Демократа» для борьбы против ликвидаторов. Оставаясь на позициях меньшевизма, плехановцы в то же время стояли за сохранение и укрепление нелегальной партийной организации и шли с этой целью на блок с большевиками. В 1909 году группы меньшевиков-партийцев образовались в Париже, Женеве, Сан-Ремо, Ницце и др. городах. В Петербурге, Москве, Екатеринославе, Харькове, Киеве, Баку многие рабочие-меньшевики выступили против ликвидаторов, за возрождение нелегальной РСДРП.

17.

«Отклики Бунда» – неперидический орган Заграничного комитета Бунда; выходил в Женеве с марта 1909 по февраль 1911 года. Вышло пять номеров.

18.

«Правда» (венская) – фракционная газета троцкистов; издавалась в 1908–1912 годах. Первые три номера напечатаны во Львове, затем издание было перенесено в Вену (Австрия); всего вышло 25 номеров. Газета, кроме двух первых номеров, вышедших в качестве органа украинского союза «Спилка», не представляла какой-либо партийной организации России и являлась, по выражению В. И. Ленина, «частным предприятием». Редактором газеты был Л. Д. Троцкий. Прикрываясь маской «нефракционности», газета с первых же номеров выступала против большевизма, в защиту ликвидаторства и отзовизма;

проповедовала центристскую «теорию» сотрудничества революционеров и оппортунистов в одной партии. После январского пленума Центрального Комитета 1910 года газета заняла откровенно ликвидаторские позиции; выступала с поддержкой антипартийной отзовистско-ультиматистской группы «Вперед».

19.

Бакинская партийная организация являлась в период реакции и в годы нового революционного подъема одной из самых активных местных организаций. В начале 1911 года произошло объединение Бакинского большевистского комитета с «меньшевистским руководящим коллективом» (меньшевиками-партийцами) на почве борьбы с отзовизмом и ликвидаторством, за воссоздание нелегальной РСДРП. Таким образом был создан объединенный Бакинский комитет РСДРП. Бакинская организация поддержала решения июньского совещания членов ЦК 1911 года о созыве всероссийской партийной конференции и приняла активное участие в создании Российской организационной комиссии.

20.

Имеется в виду «Извещение» и резолюции РОК, выпущенные отдельным листком в ноябре 1911 года (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 251–255).

21.

Имеется в виду письмо Г. К. Орджоникидзе в редакцию газеты «Социал-Демократ», опубликованное 8 (21) декабря 1911 года в № 25, за подписью Н.

22.

Русское бюро ЦК выбиралось на общем собрании действовавшей в России с 1908 года коллегии членов ЦК. Бюро заведовало всеми делами русской коллегии в промежутки между общими собраниями ЦК. В 1910–1911 годах, после январского пленума ЦК 1910 года, Русское бюро составляли следующие члены и кандидаты в члены ЦК – большевики: И. П. Гольденберг (Мешковский), И. Ф. Дубровинский (Иннокентий), после их ареста – В. П. Ногин (Макар) и Г. Д. Лейтейзен (Линдов). Меньшевики-ликвидаторы – члены и кандидаты в члены ЦК устроились от работы в нем, а И. А. Исув (Михаил), П. А. Бронштейн (Юрий) и К. М. Ермолаев (Роман) не только отказались участвовать в работе, но и заявили, что считают само существование ЦК вредным. Все попытки бюро созвать Российскую коллегия не увенчались успехом.

23.

Совещание при ЗБЦК состоялось в августе 1911 года в Берне (в Café Bubenbergh). В совещании, кроме членов ликвидаторского большинства ЗБЦК, Либера, Горева и Шварца, участвовали Троцкий (венская «Правда»), Дан («Голос Социал-Демократа»), Лудис (Заграничный комитет Социал-демократии Латышского края), от ЗК Бунда был тот же Либер. Я. Тышка, получивший приглашение, на совещании не присутствовал. Участвовать в этом совещании отказались не только редакция «Рабочей Газеты», но и Главное правление СДКПиЛ, а также редакция «Дневника Социал-Демократа» и группа «Вперед». Принятые совещанием резолюции по вопросу; об образовании Организационного комитета в России, об отношении к Технической комиссии и Организационной комиссии и др. были направлены против работы партии по подготовке VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП и никаких практических результатов не дали.

24.

Закавказский (Кавказский) областной комитет – фракционный центр кавказских меньшевиков-ликвидаторов. Комитет был избран на V съезде социал-демократических организаций Закавказья в феврале 1908 года. На съезде присутствовало 15 меньшевиков и 1 большевик. Областной комитет вел предательскую, антипартийную работу. Без всяких выборов, не считаясь с волей партийных организаций, комитет назначил делегатами на V (Общероссийскую 1908 г.) конференцию РСДРП П. Б. Аксельрода, Ф. И. Дана и Н. В. Рамишвили. Эта ликвидаторская организация, выдававшая себя за представителя рабочих, на самом деле являлась опорой Заграничного центра ликвидаторов и Троцкого. В 1912 году комитет вошел в организованный Троцким антипартийный Августовский блок.

25.

В. И. Ленин имеет в виду V Общероссийскую конференцию РСДРП, состоявшуюся в Париже 21–27 декабря 1908 года (3–9 января 1909). На конференции присутствовало 16 делегатов с решающим голосом, из них 5 большевиков (2 от Центрально-промышленной области, 2 – от петербургской организации, 1 – от уральской), 3 меньшевика по мандатам от Кавказского областного комитета, 5 польских социал-демократов и 3 бундовца. Делегаты-большевики, непосредственно работавшие в России, представляли крупнейшие партийные организации РСДРП. Меншевицкая делегация, получившая мандаты путем различных фальсификаций, состояла из лиц, живших за границей и не связанных с партийной работой в России. Делегация польской социал-демократии поддерживала на конференции большевиков. Бундовцы по многим вопросам шли за меньшевиками-ликвидаторами. В порядке дня конференции стояли следующие вопросы:

26.

О процессе по делу с.-д. депутатов II Государственной думы см. статью В. И. Ленина «О социал-демократической фракции II Думы. Изложение всего дела» (Сочинения, 5 изд., том 20, стр. 381–386). Запрос с.-д. фракции III Государственной думы обсуждался на заседании Думы 15 (28) ноября 1911 года и затем еще три раза обсуждался при закрытых дверях; запрос был передан в комиссию и там отвергнут

27.

К.-д. (кадеты) – члены конституционно-демократической партии, ведущей партии либерально-монархической буржуазии в России. Партия кадетов была создана в октябре 1905 года; в состав ее входили представители буржуазии, земские деятели из помещиков и буржуазные интеллигенты. Видными деятелями кадетов были: П. Н. Милюков, С. А. Муромцев, В. А. Маклаков, А. И. Шингарев, П. Б. Струве, Ф. И. Родичев и др. Для обмана трудящихся масс кадеты присвоили себе фальшивое название «партия народной свободы», на самом деле они не шли дальше требования конституционной монархии. Своей главной целью кадеты считали борьбу с революционным движением и стремились поделить власть с царем и помещиками-крепостниками. В годы первой мировой войны кадеты активно поддерживали захватническую внешнюю политику царского правительства. В период Февральской буржуазно-демократической революции они старались спасти монархию. Занимая руководящее положение в буржуазном Временном правительстве, кадеты проводили антинародную, контрреволюционную политику, угодную американо-англо-французским империалистам. После победы Октябрьской социалистической революции кадеты выступали непримиримыми врагами Советской власти, принимали участие во всех вооруженных контрреволюционных выступлениях и походах интервентов. Находясь

после разгрома интервентов и белогвардейцев в эмиграции, кадеты не прекращали своей антисоветской контрреволюционной деятельности.

28.

Прогрессисты – политическая группировка русской либерально-монархической буржуазии, которая на выборах в Государственные думы и в Думах пыталась объединить под флагом «беспартийности» элементы из разных буржуазно-помещичьих партий и групп.

29.

«Голос Москвы» – ежедневная газета, орган октябристов; выходила в Москве с 1906 по 1915 год.

30.

«Дело Жизни» – легальный журнал, орган меньшевиков-ликвидаторов; издавался в Петербурге в январе – октябре 1911 года. Вышло 9 номеров.

31.

«Речь» – ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с 23 февраля (8 марта) 1906 года под фактической редакцией П. Н. Милюкова и И. В. Гессена, при ближайшем участии М. М. Винавера, П. Д. Долгорукова, П. Б. Струве и других. Газета была закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. Позднее (до августа 1918 года) продолжала выходить под названиями: «Наша Речь», «Свободная Речь», «Век», «Новая Речь», «Наш Век».

32.

Цитируется резолюция Пятой (Общероссийской 1908 г.) конференции РСДРП «О современном моменте и задачах партии» (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», я. I, 1954, стр. 197).

33.

«Экономизм» – оппортунистическое течение в российской социал-демократии конца XIX – начала XX века, одна из разновидностей международного оппортунизма. Печатными органами «экономистов» являлись газета «Рабочая Мысль» (1897–1902) и журнал «Рабочее Дело» (1899–1902). Программным документом «экономистов», которых Ленин называл русскими бернштейнцами, явилось так называемое «Credo», написанное в 1899 году Е. Д. Кусковой.

34.

См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 164–165.

35.

Октябристы – члены партии «Союз 17 октября», образовавшейся в России после опубликования царского манифеста 17 октября 1905 года. Это была контрреволюционная партия, представлявшая и защищавшая интересы крупной буржуазии и помещиков, хозяйничавших по-капиталистически; возглавляли ее известный промышленник и московский домовладелец А. И. Гучков и крупный помещик М. В. Родзянко. Октябристы полностью поддерживали внутреннюю и внешнюю политику царского правительства.

36.

«Будущее» («L'Avenir») – либерально-буржуазная газета; выходила в Париже с 22 октября 1911 года по 4 января 1914 года (н. ст.) под редакцией В. Л. Бурцева на русском языке (некоторые материалы печатались на французском языке). В газете сотрудничали меньшевики и эсеры.

37.

I Государственная дума (так называемая виттевская Дума) была созвана 27 апреля (10 мая) 1906 года по положению, разработанному председателем Совета министров С. Ю. Витте.

38.

Речь идет о царском манифесте 17 октября 1905 года, опубликованном в дни наивысшего подъема Всероссийской октябрьской политической стачки. В манифесте царь обещал «гражданские свободы» и «законодательную» Думу. Манифест был политическим маневром самодержавия, смысл которого состоял в том, чтобы выиграть время, расколоть революционные силы, сорвать стачку и подавить революцию. Манифест был уступкой, вырванной у царизма революцией, но эта уступка отнюдь не решала судьбу революции, как утверждали либералы и меньшевики. Большевики выступили с разоблачением подлинного содержания манифеста. 18 (31) октября 1905 года ЦК РСДРП выпустил воззвание «К русскому народу!», в котором разъяснял всю лживость царского манифеста и призывал к продолжению борьбы. «Забастовка нам еще нужна, – говорилось в воззвании, – нужна, чтобы враги видели, что нас нельзя успокоить бумажкой, что вы хотите иметь действительные права и действительную силу» («Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905–1907 гг.», ч. I, М., 1956, стр. 185).

39.

«Пролетарий» – большевистская нелегальная газета. Выходила с 21 августа (3 сентября) 1906 года по 28 ноября (11 декабря) 1909 года под редакцией В. И. Ленина; вышло 50 номеров. В работе редакции активное участие принимали М. Ф. Владимирский, В. В. Боровский, И. Ф. Дубровинский, А. В. Луначарский; техническую работу по изданию газеты проводили А. Г. Шлихтер, Е. С. Шлихтер и др. Первые двадцать номеров газеты были подготовлены к печати и набраны в Выборге (печатание с присылаемых матриц было организовано в Петербурге; в конспиративных целях в газете было указано, что она выходит в Москве). Затем, вследствие крайнего ухудшения условий издания нелегального органа в России, редакция «Пролетария», согласно решению Петербургского и Московского комитетов РСДРП, перенесла издание газеты за границу (№№ 21–40 вышли в Женеве, № № 41–50 – в Париже).

40.

Член социал-демократической фракции III Государственной думы А. А. Войлошников, выступая 2(15) декабря 1911 года на 35-м заседании Думы при обсуждении законопроекта об изменении устава о воинской повинности, назвал царскую армию полицейской и призвал к замене постоянной армии вооружением всего народа. За эту речь председатель Думы предложил исключить Войлошникова на 5 заседаний. После вторичного выступления Войлошникова на том же заседании срок исключения был увеличен до 15 заседаний. Кадеты голосовали за первое предложение председателя.

41.

См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 195.

42.

Идея созыва так называемого «рабочего съезда», выдвинутая П. Б. Аксельродом и поддержанная другими меньшевиками, состояла в том, чтобы собрать съезд представителей различных рабочих организаций и на нем основать легальную «широкую рабочую партию», в которую вошли бы социал-демократы, эсеры и анархисты. На деле это означало бы ликвидацию РСДРП и замену ее беспартийной организацией. V съезд РСДРП решительно осудил меньшевистскую идею «рабочего съезда» и признал агитацию за него вредной для развития классового сознания пролетариата. Вместе с большевиками против «рабочего съезда» боролись польские и латышские социал-демократы. Критику меньшевистской идеи «рабочего съезда» см. в работах В. И. Ленина «Обывательщина в революционной среде», «Кризис меньшевизма», «Интеллигентские воители против господства интеллигенции», «Сердитая растерянность (К вопросу о рабочем съезде)» (Сочинения, 5 изд., том 14, стр. 43–54, 149–172; том 15, стр. 171–174, 175–187).

43.

«Петиционная кампания» – агитационная шумиха, поднятая ликвидаторами и Троцким вокруг «петиции», составленной петербургскими ликвидаторами в декабре 1910 года. «Петицию» – просьбу о свободе союзов, собраний, стачек – предполагалось от имени рабочих послать в III Государственную думу. «Петиция» была пущена на предприятия с тем, чтобы рабочие подписывались под нею. Однако «петиционная кампания» успеха среди рабочих масс не имела, было собрано всего 1300 подписей. Большевики разоблачили суть «петиционной кампании» ликвидаторов. Резолюция VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП «О «петиционной кампании»» обосновала точку зрения большевиков (см. настоящий том, стр. 149–150).

44.

Ленин имеет в виду резолюцию петербургских отзовистов, предложенную ими расширенному заседанию Петербургского комитета перед Пятой конференцией РСДРП (Общероссийской 1908 г.). Резолюция была напечатана в приложении к № 44 «Пролетария» 4 (17) апреля 1909 года. Критический разбор этого документа дан Лениным в том же приложении, в статье «Карикатура на большевизм» (см. Сочинения, 5 изд., том 17, стр. 394–406).

45.

Следуют подписи Ленина, Каменева и Зиновьева.

46.

Трудовики (Трудовая группа) – группа мелкобуржуазных демократов в Государственных думах России, состоявшая из крестьян и интеллигентов народнического толка. Фракция трудовиков образовалась в апреле 1906 года из крестьянских депутатов I Государственной думы.

47.

«Вехи» – сборник статей видных кадетских публицистов, представителей контрреволюционной либеральной буржуазии Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве и С. Л.

Франка; вышел в Москве весной 1909 года. В своих статьях, посвященных русской интеллигенции, «веховцы» пытались опорочить революционно-демократические традиции освободительного движения в России, взгляды и деятельность В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева; они оплеывали революционное движение 1905 года, благодарили царское правительство за то, что оно «своими штыками и тюрьмами» спасло буржуазию «от ярости народной». Критический разбор и политическую оценку сборника кадетских черносотенцев В. И. Ленин дал в статье «О «Вехах»» (см. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 167–175). Сравнивая программу «Вех» в философии и в публицистике с программой черносотенной газеты «Московские Ведомости», Ленин называл сборник «энциклопедией либерального ренегатства», «сплошным потоком реакционных помоев, вылитых на демократию». В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится экземпляр сборника «Вехи» с многочисленными пометками Ленина.

48.

Имеется в виду царский манифест 3 (16) июня 1907 года о роспуске II Думы и об изменениях в избирательном законе. Новый избирательный закон намного увеличивал представительство в Думе помещиков и торгово-промышленной буржуазии и в несколько раз сокращал и без того небольшое число представителей крестьян и рабочих. Это было грубое нарушение манифеста 17 (30) октября 1905 года и Основного закона 1906 года, по которым законы не могли издаваться правительством без одобрения Государственной думы.

49.

Оценка земельного проекта крестьянских депутатов (беспартийных и правых), внесенного в III Государственную думу, дана В. И. Лениным в статьях «Новая аграрная политика» и «Аграрные прения в III Думе» (см. Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 422–426 и том 17, стр. 308–322).

50.

Совещание заграничных большевистских групп состоялось в Париже 14–17 (27–30) декабря 1911 года и проходило под руководством В. И. Ленина. Совещание было создано по инициативе Парижского кружка содействия большевистской «Рабочей Газете». Целью совещания являлось сплочение большевистских сил за границей и оказание содействия созыву Всероссийской партийной конференции. В совещании приняли участие 11 делегатов с решающим голосом от большевистских групп Парижа, Нанси, Цюриха, Давоса, Женевы, Льежа, Берна, Бремена и Берлина. Большевики Тулузы, Лозанны, Лондона, Брюсселя, Антверпена, Копенгагена, Ниццы и других городов не смогли прислать своих представителей по техническим и материальным затруднениям. Некоторым группам большевиков удалось прислать на совещание свои подробные письменные доклады. В порядке дня совещания стояли вопросы: 1) Отчет Организационного бюро и делегатов с мест; 2) О положении дел в партии; 3) О положении дел за границей и отношении к различным течениям; 4) Вопросы организационные; 5) О задачах заграничной работы; 6) Отношение к конференции; 7) Разное.

51.

Предложение об уставе Заграничной организации РСДРП было внесено В. И. Лениным на совещании заграничных большевистских групп в Париже 16 (29) декабря 1911 года при рассмотрении вопроса о том, обсуждать ли проект устава Заграничной организации детально на самом совещании или передать его для согласования с группами и

окончательного утверждения Комитету заграничной организации. Предложение Ленина было принято 8 голосами против одного.

52.

Резолюция о Российской организационной комиссии по созыву конференции, предложенная Лениным, была принята единогласно 17 (30) декабря 1911 года на последнем заседании совещания заграничных большевистских групп в Париже. Резолюция была опубликована в «Извещении» Комитета заграничной организации РСДРП со следующим пояснением: «Особой резолюцией совещание поставило на вид всем партийным товарищам необходимость энергично поддерживать РОК и созываемую ею конференцию» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 263).

53.

Тартарен – персонаж из произведения Альфонса Доде «Необычайные приключения Тартарена из Тараскона».

54.

Лассальянцы и эйсенахцы – две партии в германском рабочем движении 60-х и начала 70-х годов XIX века, между которыми шла ожесточенная борьба главным образом по вопросам тактики и прежде всего по самому острому вопросу политической жизни Германии тех лет: о путях ее воссоединения.

55.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. 1953, стр. 110–112.

56.

«Обская Жизнь» – ежедневная газета либерально-буржуазного направления, выходила в Ново-Николаевске (Новосибирск) в 1909–1912 годах.

57.

Имеется в виду партия «мирного обновления» – конституционно-монархическая организация крупной буржуазии и помещиков; окончательно оформилась в 1906 году после роспуска I Государственной думы. Партия объединяла «левых» октябристов и правых кадетов. Лидерами мирно-обновленцев были П. А. Гейден, Н. Н. Львов, П. П. Рябушинский, М. А. Стахович, Е. Н. и Г. Н. Трубецкие, Д. Н. Шипов и др. По своей программе партия близко примыкала к октябристам; защищала интересы торгово-промышленной буржуазии и помещиков, ведущих хозяйство по-капиталистически. Ленин называл партию «мирного обновления» «партией мирного ограбления», ибо ее деятельность была направлена на то, «как бы понадежнее, похитрее, поискуснее, прочнее изнутри, незаметнее снаружи, защитить права благородного русского дворянства на кровь и пот миллионов «мужичья»...» (Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 42–43). В III Государственной думе партия «мирного обновления» объединилась с так называемой партией «демократических реформ» во фракцию «прогрессистов».

58.

«Русские Ведомости» – газета; выходила в Москве с 1863 года, выражала взгляды умеренно-либеральной интеллигенции. В 80–90-х годах в газете принимали участие писатели демократического лагеря (В. Г. Короленко, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский и др.), печатались произведения либеральных народников. С 1905 года газета являлась органом

правого крыла партии кадетов. Ленин отмечал, что «Русские Ведомости» своеобразно сочетали «правый кадетизм с народническим налетом» (Сочинения, 4 изд., том 19, стр. 111). В 1918 году «Русские Ведомости» были закрыты вместе с другими контрреволюционными газетами.

59.

«Новое Время» – ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по 1917 год; принадлежала разным издателям и неоднократно меняла свое политическое направление. Вначале умеренно-либеральная, газета, после того как ее издателем в 1876 году стал А. С. Суворин, превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. С 1905 года – орган черносотенцев. После Февральской буржуазно-демократической революции газета поддерживала контрреволюционную политику буржуазного Временного правительства и вела бешеную травлю большевиков. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. В. И. Ленин называл «Новое Время» образцом продажных газет. ««Нововременство», – писал он, – стало выражением, однозначим с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство» (Сочинения, 4 изд., том 18, стр. 251).

60.

«Россия» – ежедневная газета реакционного, черносотенного характера; выходила в Петербурге с ноября 1905 по апрель 1914 года. С 1906 года – орган министерства внутренних дел. Газета субсидировалась из секретного («рептильного») фонда правительства, отпущенного в распоряжение министра внутренних дел. В. И. Ленин называл «Россию» «полицейски-продажной газеткой».

61.

Запрос об охране («по поводу убийства председателя Совета министров П. А. Столыпина») обсуждался на заседании III Государственной думы 15 (28) октября 1911 года. Запросы по этому поводу были внесены с одной стороны фракциями октябристов и националистов, с другой стороны социал-демократической фракцией.

62.

Ленин имеет в виду указ 9 (22) ноября 1906 года «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», подготовленный Столыпиным, который после прохождения его через Государственную думу и Государственный совет стал называться законом 14 июня 1910 года. 15 (28) ноября 1906 года был издан также указ «О выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог наделных земель». По этим указам крестьянам было предоставлено право закрепления их наделов в личную собственность и право выхода из общины на отруба и хутора. Хуторяне или отрубники могли получать на приобретение земли субсидии через Крестьянский банк. Целью столыпинских аграрных законов было создание в лице кулачества новой социальной опоры самодержавия в деревне, при сохранении помещичьей собственности на землю и насильственном разрушении общины.

63.

Шестая (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП состоялась 5–17 (18–30) января 1912 года в Праге. Заседания конференции происходили в Народном доме, в помещении редакции чешской социал-демократической газеты.

64.

См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 195.

65.

Бунд («Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России») был организован в 1897 году на учредительном съезде еврейских социал-демократических групп в Вильно; объединял преимущественно полупролетарские элементы еврейских ремесленников западных областей России. На I съезде РСДРП (1898) Бунд вошел в состав РСДРП «как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 14).

66.

Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) – революционная партия польского рабочего класса, возникла в 1893 году сначала как Социал-демократия Королевства Польского, а с августа 1900 года, после съезда социал-демократических организаций Королевства Польского и Литвы, где произошло слияние польских и части литовских социал-демократов, стала называться Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). Заслугой партии являлось то, что она направляла польское рабочее движение к союзу с русским рабочим движением и боролась с национализмом.

67.

Эсеры (социалисты-революционеры) – мелкобуржуазная партия в России; возникла в конце 1901 – начале 1902 года в результате объединения различных народнических групп и кружков («Союз социалистов-революционеров», Партия социалистов-революционеров и др.). Ее официальными органами стали газета «Революционная Россия» (1900–1905) и журнал «Вестник Русской Революции» (1901–1905). Эсеры не видели классовых различий между пролетариатом и мелкими собственниками, затушевывали классовое расслоение и противоречия внутри крестьянства, отвергали руководящую роль пролетариата в революции. Взгляды эсеров представляли собой эклектическое смешение идей народничества и ревизионизма; эсеры пытались, по выражению Ленина, «прорехи народничества» исправлять «заплатами модной оппортунистической «критики» марксизма» (Сочинения, 5 изд., том 11, стр. 285). Тактика индивидуального террора, которую эсеры проповедовали как основной метод борьбы с самодержавием, наносила большой вред революционному движению, затрудняла дело организации масс для революционной борьбы.

68.

Речь идет о газете «Социал-Демократ» (см. примечание 6).

167.

Речь идет об отзовисте А. В. Соколове (С. Вольском).

168.

См. резолюцию V (Лондонского) съезда РСДРП «Об отношении к непролетарским партиям» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 164–165).